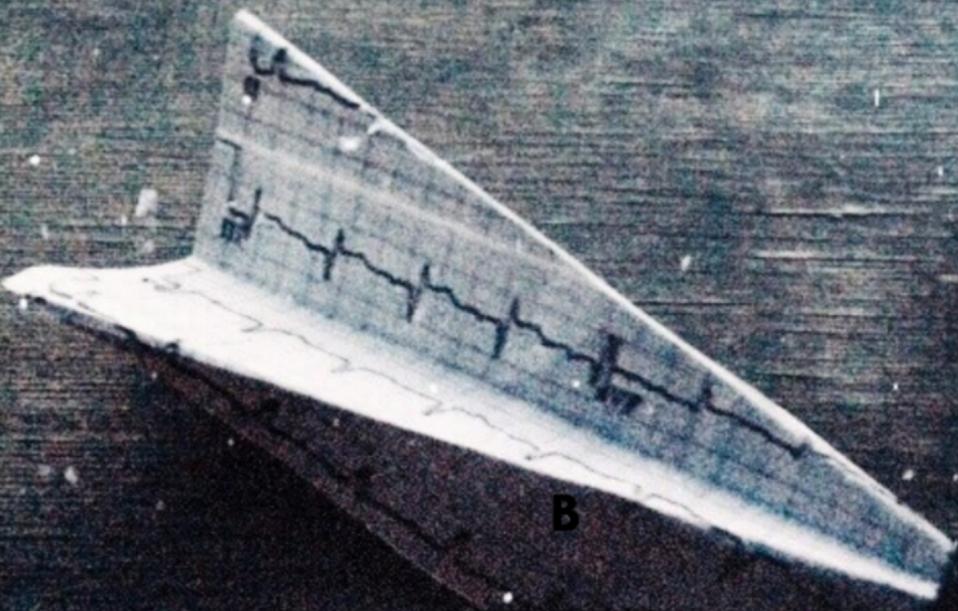

Холщору

В

ТАРАС ШИРА

Тарас Шира

Хоупфул

Издательские решения
По лицензии Ridero
2019

УДК 82-3
ББК 84-4
Ш64

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Шира Тарас

Ш64 Хоупфул / Тарас Шира. — [б. м.] : Издательские решения,
2019. — 380 с.
ISBN 978-5-4496-4347-6

Каждый мечтает быть счастливым.

Быть, ну или хотя бы казаться.

Заработать на отпуск. Выучить новый язык. Успеть на распродажу в торговый центр и заняться спортом с понедельника.

Стать лучшей версией себя. Добиться одобрения и уповать на то, что ты не останешься один.

Главный герой — не исключение. Лавируя между опасениями, ежедневной апатией и травмами детства, он пытается найти себя. Или хотя бы просто прожить еще один день.

Ведь каждый новый день — многообещающий. И каждый — обнадеживающий.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4496-4347-6

© Тарас Шира, 2019

*«...как я могу верить богу,
если я его не боюсь?»*

М. Зощенко

*«Жизнь – весьма печальная штука!
Вы вообще заметили,
чем она заканчивается?»*

И. Бродский

Глава 1

Hello! The calendar that you are holding in your hands is not a usual one. As you might have notices, there is a new word waiting for you on every page. Did you know that our brain performs best in the morning, when you have just woken up? Yeah, we also find it hard to believe :)

In any case, by learning just one new word every morning you will considerably broaden your knowledge. Just try it. We have no doubt that you'll find yourself on an exciting path to the world of English language. Let's go!

childhood [ˈtʃaɪldhʊd] – сущ. детство, детский возраст

friendship [ˈfrendʃɪp] – сущ. дружба, дружественные отношения

selfishness [ˈselfɪʃnɪs] – сущ. эгоизм, себялюбие

Begin – began – began

Bring – brought – brought

Swim – swam – swam

Так, стоп. А почему не swim – swam – swam?

Кто вообще это придумал?

Кто определял, каким глаголам суждено стать правильными, а каким – неправильными?

Откровениям в области лингвистики пора закончиться. С него хватит сегодняшнего Island, которое, оказывается, читается как «айлэнд», а не «исланд». И где тут логика?

Женя хмуро скреб поля тетради. У любого школьника поля – это зона для самовыражения. Тонкая красная вертикальная полоска, отделяющая последние 2 см страницы – барьер,

за которым можно дать волю творчеству.

Дед склонился над ним — Женя почувствовал это по ударившему в нос запаху пены для бритья.

— Бездельничаем? — поинтересовался он.

— Почему я вообще должен учить его? — Женя завел привычную и набившую уже оскомину песню. Спрашивал он без злобы и вызова. Эта фраза уже давно утратила все очертания протеста, превратившись в монотонный риторический вопрос.

— Потому что, — справедливо возразил дед. Поняв, что ответ прозвучал слишком дежурно и по-преподавательски сухо, он продолжил. — Уедешь за границу, если повезет. Сейчас все учат.

«Если». Опять эти «если».

— А если все пойдут из окна прыгать, мне тоже пойти? — ехидно спросил Женя.

Вернее, не спросил. Этот ответ он придумал уже утром, когда шел в школу. И почему все остроумные парирования приходят в голову так поздно?

Снег глухо скрипел под ботинками. Женя завистливо смотрел на темные окна сменяющих друг друга домов — кто-то еще преспокойно себе спал. В светофорах торопливо перебирали ногами зеленые человечки, которые сменялись красными, с упертыми в бока руками.

Начиная лет с 10 тебя учат быть серьезным. «Смех без причины — признак дурачины», «без труда не выловишь рыбку из пруда» — и так все время. Каждый день как день сурка. От таких поговорок Билл Мюррей в этом своем фильме сошел бы с ума еще быстрее.

А вот авторов этих пословиц и присказок в свое время следовало бы отдать на растерзание тогдашним школьникам. Ради блага настоящих.

Сухо откашлявшись, Женя с головой накрылся одеялом. Хлипкая оконная рама гудела – вчера он опять забыл закрыть форточку.

Все учебники английского беспощадно ввали про Global warming. Рефераты про парниковый эффект, презентации про озоновые дыры – все зря. Никакое глобальное потепление не грозит, пока в мае на улице +2, а в комнате, по ощущениям, так и все –10.

На улице гудел мусорный погрузчик. Водитель этой адской машины – самый ненавидимый персонаж воскресного утра. После похмелья и мыслей о предстоящем понедельнике. На секунду проскочила мысль, что создатели этих мусоровозов в доле с установщиками евроокон.

Женя стоял перед выбором – продолжать лежать под душным одеялом или, жертвуя остатками сна и рискуя больше не заснуть, дойти до окна и закрыть эту злополучную форточку.

Почти без раздумий Женя выбрал первый вариант. Он ненадолго задремал, но перебивающий весь сон, застоявшийся во рту перегар и настойчивое требование организмом воды все же вынудили Женю проснуться и начать новый день.

Накинув лежащий на кровати халат, Женя прошел на кухню и щелкнул чайником. Табуретка, которую он хотел починить еще с момента незапланированного переезда, угрожающе скрипнула под его весом. Торчащий кусок обоев, наспех приклеенный к стене клеем-карандашом, за ночь вернулся в исходное положение.

Подперев руками голову, Женя обвел глазами кухню – кофе закончился и пустая турка одиноко стояла на конфорке. В раковине кренилась Пизанская башня из грязных тарелок.

Две из них, чудом не разбившиеся, лежали на полу. Теперь понятно, что это так грохотало ночью.

Есть Жене не хотелось, а вот умыться и почистить зубы решительно не мешало.

Зайдя в ванную, он бросил беглый взгляд на зеркало.

Оттуда на него смотрел симпатичный голубоглазый блондин со слегка обветренными губами и горбинкой на носу.

Женя даже ободрился, мысленно отметив неоспоримые плюсы молодости и сопутствующего ей метаболизма — вчерашние посиделки до трех часов ночи в нем не выдавала ни одна деталь — разве что слегка обветренные губы и чуть покрасневшие глаза. Что касается того самого похмелья, то о его существовании он знал лишь от старших товарищей и из социальной рекламы на рекламных столбах. И первые и вторые снисходительно смотрели на него сверху вниз с успокаивающим «да ты подожди еще, пройдет пара лет, и ты нас поймешь».

Пока что самое худшее, что с ним случилось — это легкая головная боль и флегматично-расслабленное отупение, под которое, не перерывая диван в поисках пульта, можно было посмотреть какой-нибудь российский сериал.

Женя улыбнулся своему отражению — несколько раз ему говорили, что он просто вылитый Джуд Лоу в молодости, еще до того, как тот стал стремительно лысеть годам к 30.

Особенно самодовольно улыбнуться его заставляли фразы «Да ты, наверное, у себя в больнице со всеми переспал», а сказанное его бывшей девушкой «Ты очень хороший, но у тебя на лице написано: внимание, бабник» так вообще возглавило его негласный топ фраз, которые должен услышать каждый уважающий себя сердцеед. Хотя последняя фраза и была сказана в момент расставания, Женю это нисколько не смущало.

Можно это отрицать и не соглашаться, но Женя был полностью уверен в том, что мужчины живут признаниями их собственных заслуг. И признавать их должны не друзья и близкие и даже не грозный начальник, а именно женщины. Не будь женщин — все развитие застопорилось бы на этапе каменного века. Томас Эдисон не стал бы изобретать лампочку, а братья Райт не пытались бы, рискуя своими жизнями, взлететь на очередном дельтаплане над нашей брэнной землей. Про это даже был какой-то стендап, но Женя предпочитал считать, что до этой мысли он дошел первым.

Комплименты — одна из форм этого самого признания. Просто сначала ты слышишь их только от бабушки и мамы, но при должном обаянии, характере и чувстве стиля радиус их появления не ограничивается домашними стенами. К тому же все дети быстро понимают, что дома тебе правды не скажут. Даже если правда будет всего-навсего слегка горчить. Дома тебя берегут. За правдой надо обращаться к посторонним.

Но как и любой мужчина, которому приписывают любовных подвигов свыше имеющихся, Женя их не подтверждал, но и отнекиваться не спешил. Ограничивался манерным взмахом руки и дежурным «Да уж ладно вам, наговорите тут сейчас».

Правда, женщины постарше, с которыми его связывали недолгие отношения, как сговорившись, утверждали, что его надменность и местами колкая грубоватость были всего-навсего бутафорской декорацией — защитным панцирем, под которым прятались обычные человеческие страх и неуверенность.

Последних Женя стеснялся и их проявление считал слабостью, поэтому старался не слушать подобные замечания от, как он их называл, «психологов херовых».

— Че ж вы одни тогда под сраку лет остались, если умные такие, — хмуро размышлял он, спешно латая пробитый панцирь.

Но в целом общественному мнению он не придавал особого значения. Он вообще не любил придавать чему-то значение. От мыслей о завтрашнем дне он старался бежать, как от надоедливого уличного соц. опроса.

Женя был убежден, что жизнь на самом деле неплохая штука, пока о ней не начинаешь задумываться. Все депрессии начинаются с поиска ее предназначения. Предназначение может быть у зонтика или дуршлага, а жизнь надо просто жить.

В юношеских вопросах самопознания ему активно помогали уличные ларьки, где уставшие и хамоватые продавщицы продавали через зарешеченное окошко пиво и сигареты поштучно. Не ларьки, а настоящие бункеры – в случае Второй мировой войны они продержали бы оборону дольше, чем вся Польша. Правда, и они были с легкостью раздавлены и сметены неумолимо пришедшей сетью «Красное и Белое». Несколько партизанских отрядов таких ларьков все же остались в отдаленных районах города, куда еще пока не добрался интервент.

Чтобы выглядеть старше, Женя пытался придать голосу бастистую хрипотцу, но можно было бы обойтись и без нее – продавщицы и так с охотой продавали возвращающимся с уроков школьникам пиво и джин-тоники.

«Пускай лучше тут купят, чем всякой отравы напьются в подъезде. Да и все равно найдут, где купить», – из двух зол продавщицы выбирали если и не меньшее, то хотя бы то, что приносило прибыль их ИП.

– Брать от жизни все, говорите, – участковый хмуро читал написанное корявым, но кричаще-протестующим почерком детское объяснение со страницы административного протокола.

В отделении участка пахло сигаретами, потом и чуть-чуть правосудием.

Жене было лет 14, и они с друзьями не смогли убежать от милицейского бобика. Пивные бутылки снарядом были переброшены через оградку детского садика, но уничтожение улики все же было замечено доблестными блюстителями закона.

— Раз уж все берете, так брали бы там, не знаю, книжки в библиотеке, — продолжал милиционер. — А то говорите, что берете все, а берете-то говно одно.

Хорошо хоть, не отправили сдавать анализы. Найденное пытливым медиком в крови и других естественных жидкостях организма содержимое не обрадовало бы ни участкового, ни сидящую в углу комнаты милицейского участка, спешно прибежавшую с работы маму.

В таких ситуациях меняющейся мимике мам могла бы позавидовать любая драматическая актриса — посвященные Жене поджатые губы и сверлящий взгляд, который, казалось, был способен оставить клеймо, быстро сменялись хлопаньем длинных ресниц, неловким перебиранием пряди волос и клятвенным заверением по приходу домой устроить юному борцу с системой такую выволочку, что она, мать родная, его сама не узнает.

Уж лучше бы она кричала. Последняя фраза про выволочку, произнесенная нежно-вкрадчивым голосом, не сулила ничего хорошего. Это означало, что мама донесет всю свою ярость до дома, не расплескав ни капли.

— Как 18 стукнет, в армию отправляйте, — пробурчал милиционер, сухо посмотрев на развязно сидящего Женю. — А то потеряете пацана.

Женю это сильно задело — его тут даже не считали полноценным участником разговора и обращались напрямую к маме, а не к нему. Его мнения вообще никто не спрашивал, как

будто его мама была хозяйкой непослушного пекинеса, который сорвался с поводка и облаял прохожих.

Выйдя из участка, мама решительно устремилась вперед, оставив Женю позади.

Женщины всегда обижаются одинаково. Женя плелся следом и по звучному цоканью ее каблучков пытался определить, насколько все серьезно.

Да, обижаются одинаково. Зато каждый раз — непредсказуемо. Судя по звуку, тянуло на 6 баллов по шкале Рихтера, а то и на все 8. Бойкотом и спрятанной компьютерной мышкой уже явно не отделаться. Эти меры себя изжили. Бойкот — даже в радость, а компьютерную мышку мама прятала за аптечку, под бинты. Или в комод с обувью. Так или иначе, взрослые недооценивают способности зависимого от компьютера ребенка в нахождении пластикового предмета на проводе в квартире площадью 40 кв. м.

Обращаться к маме сейчас или пытаться оправдываться было не только бесполезно, но и чревато — тут надо было выждать паузу. Тонкий перешеек, отделяющий его от Гольфстрима из «Я в тебя столько сил вложила» и «Да сколько уже можно», можно было нарушить одним только не вовремя протянутым «Ну маам...».

Поэтому, засунув руки в карманы, Женя угрюмо волочился следом, рассматривая попадающихся по пути прохожих.

Те выглядели не лучше — насупленные мужики в костюмах и с дипломатами, женщины с поджатыми губами, агрессивно стреляющая глазами молодежь.

В России не принято улыбаться просто так. Для этого нужна какая-то веская причина. Широко улыбающийся незнакомый человек, идущий тебе навстречу, вызывает стойкое желание прижать покрепче сумку и бросить хмурое

«Спасибо, не интересуется». Только в России замечают неестественность улыбок в рекламах йогуртов, майонезов и шоколадок. Не заметить трудно — в этих рекламах даже старый дед, спустившийся к столу, улыбается и шутливо журит краснощекого внука, вместо того чтобы жаловаться на больные ноги и маленькую пенсию. Отец семейства сладко улыбается жене, а она обвивает его за шею и прижимается к щеке. Подозрительная нежность для людей, состоящих в браке. Складывается ощущение, что он вчера ей изменил, а она разбила его машину. Только никто об этом еще пока не знает. Все это счастливое семейство напоминает сценку из какого-то театра абсурда или американского ситкома. Идиллическое семейное помешательство сразу бросается в глаза и вызывает ухмылку.

А в моменте, где вся семья, лучезарно улыбаясь, смотрит в камеру, надо писать внизу предупреждение: «Не повторяйте дома. Выполнено профессионалами».

Дома мама решила, что ей надо выговориться. Или вернее, выкричаться. Для этих целей бойкот явно не подходил. Начали без прелюдий. Мама с порога развернулась на 180 и залепила звонкую пощечину. Задетая над дверью виселка с колокольчиками и висящей подковой (вроде бы она называлась музыкой ветра, или что-то типа того) тревожно брэнчала, сливаясь со звоном заложенного от удара уха. Подкова раньше висела над дверью. Мама ее то вешала, то снимала — ей все казалось, что соседи будут коситься на них, как на язычников. Отец ее успокоил, сказав, что подкова висела над дверью даже у Нильса Бора. А если великий физик не видел в таком легком фетишизме ничего зазорного, то обычная семья из Екатеринбурга — тем более.

«Весь в отца», — эхом отдалось в барабанных перепонках.

«А вот и вспомнили, — хмуро подумал Женя. — Да уж. Если бы мне платили каждый раз, когда я слышал эти слова...»

Предательская слезка капнула на треснутый кафель. Было обидно.

Жаль, что у него не было пульта, как у Адама Сэндлера — он бы просто промотал этот акт воспитания или нажал бы кнопку skip.

А вообще, в тот день он чувствовал себя даже немного героем — пускай и со славой Герострата. Месяц назад он бросил ненавистную музыкальную школу и вытекающие оттуда уроки хора, сольфеджио и фортепиано. Родители сначала ахнули, но оставили все как есть. Это-то и пробудило в нем новое чувство собственной значимости. Капитулируя, родители сами обесценили свои слова «А ну-ка марш» и «Делай через не хочу» — отныне он знал, что эти слова ничего не стоят. И делать он может как хочет и по-своему. Теперь на каждое «Марш!» он может устраивать свой собственный марш несогласных. Те три с половиной года музыкальных страданий, оказывается, можно было легко оборвать. Он помнит удивленное лицо своей учительницы пения, когда родители пришли забирать его документы. Другие ребята преследовали его до ворот и выпытывали правду, думая, что он блефует. Никто не хотел верить, что он покидает место ссылки и теперь вот так вот преспокойно будет смотреть дома «Черепашек ниндзя», пока они мучают музыкальные инструменты, свои голосовые связки и преподавательские уши. Женя старался пожимать плечами как можно невозмутимее, хотя внутри него царил праздник.

Правда, в отношении школы родители были более непрклонны. А жаль. Хотя два раза в одну и ту же воронку молния не бьет. Даже если выкинуть все громоотводы. Будь их воля, министерство образования и родительские комитеты с удо-

вольствием подправили бы биографии Стива Джобса и Билла Гейтса — в частности, ту часть, где они бросили школу. Этот факт сильно бьет по репутации учебных заведений. Будешь ссылаться ребенку на дворника, а он тебе — на Билла Гейтса.

Как и все учителя музыки, их преподаватель сольфеджио была немного не в себе и целиком отдавалась своему искусству.

— Как же так, это же Steinway — а вы: гроб на колесах, — она искренне всплескивала руками и куталась в шаль, как будто пыталась загородиться от холодного детского непонимания.

— На нем и только на нем играл Рахманинов, — продолжала она.

На детей авторитетность фамилии никак не действовала — они глазами искали ученика, волею судеб носившего такую же фамилию. С немым вопросом — что особенного он в этом пианино нашел. Но судьба была, как всегда, иронична — Рахманинов (не Сергей, а Костя) не обладал ни музыкальным вкусом, ни талантом. У него были не руки, а хватательные лапы из автоматов с плюшевыми игрушками. Из них летело все. Партитура, сменка и мелочь. Чего уж говорить об игре на пианино. Хронический проблемоголик. Не человек, а 99 problems или 22 несчастья. Ожидавшие своих внуков бабушки, перешептываясь, называли его сомнамбулой. Дети же были чуть проще и называли его придурком. А уж если кого-то обсуждают взрослые, то этим самым они дают полный карт-бланш делать то же самое своим детям. Пускай потом не удивляются.

Рахманинова приводила мама и передавала учителю из рук в руки. Не фигурально. Легким толчком в спину (таким обычно подталкивают подслеповатого котенка к миске) его мама направляла свое чадо к распахнутым дверям музыкаль-

ного класса, откуда уже доносился «распевочный» «Собачий вальс». Уходила она только тогда, когда появившаяся в дверях учительница фортепиано увлекала незадачливого однофамильца в мир музыки. На бесконечные для него 45 минут.

За рояль тот садился с лицом человека, идущего на электрический стул. Если бы вместо просьбы сыграть «Полет шмеля» учительница положила ему на голову влажную губку, а к рукам подключила электроды, тот был бы только рад такому милосердному окончанию своей экзекуции.

Учительница его недолюбливала и к концу урока откровенно морщилась при виде его нерешительных потуг. Может, из-за диссонанса, рождаемого его великой фамилией и игрой на пианино, а может, из-за того, что Костя Рахманинов был самой настоящей амебой. Вообще, женщины готовы терпеть любых мужчин: скандалистов, негодяев и хамов, но только не таких. Ни одна женщина не будет терпеть рохлю. Они к ним испытывают плохо скрываемое отвращение.

Рахманинов, как и любая амеба, это отвращение чувствовал и, вжимаясь в стул, старался стать еще незаметнее. Но доставалось не только ему – вообще, их учительница по фортепиано понимала выражение про кнут и пряник слишком буквально. Вместо кнута у нее была указка, а вместо пряников – большой поднос с барбарисками и рачками, стоявший на крышке пианино.

Было непонятно, откуда взялась указка в кабинете музыки, но тем не менее она там была. Метровая и кислотно-зеленого цвета. Она использовала ее в качестве указательного пальца, когда надо было ткнуть куда-то в направлении задних рядов, а в момент особого душевного потрясения даже замахивалась. Потом, правда, часто моргая, осекалась, понимая, что до явного превышения учительских полномочий ей оставалось всего ничего. Но любой начатый маневр требует завершения, поэтому указка обрушилась на крышку пианино. На-

верное, в тот момент она забывала, что стучит по любимому инструменту Рахманинова (Сергея, а не Кости). С верхушки барбарисовой башни несколько конфет скатывались к ее основанию. Барбариски играли важную роль в системе сдержек и противовесов. Было на подносе и несколько шоколадных конфет — их получали особо привилегированные. Любимчики или сильно отличившиеся.

Параллельно учительница сольфеджио пыталась сделать из мальчиков мужчин — но, как и все люди советского поколения, делала это топорно и категорично.

— Мальчики, вы же рыцари! — чуть ли не с шекспировской интонацией она укоряюще обводила класс глазами. — А носите по коридорам, что от вас девочки шарахаются.

Новоявленные рыцари шумной гурьбой вываливались из кабинета, ознаменовывая фойе криками и взрывами смеха. Девочки ожидаемо шарахались. Толкотня и доносящийся из гардероба матерок означали, что время рыцарских подвигов уже давно прошло и забыто. Впрочем, современные историки утверждают, что на самом деле рыцари были обычными средневековыми гопниками. Так что, наверное, ничего страшного.

Вспоминая свою группу через несколько лет, Женя прекрасно понимал, почему Рахманинов был белой вороной. При всех своих странностях он грешил кое-чем и посерьезней. Он не стеснялся своих родителей. Любой ребенок, приходя в общественное место, моментально отказывается от своего родства с мужчиной и женщиной, живущими с ним под одной крышей. Родителей стесняются, как дурацкой, но теплой шапки или варежек на резинке. Носить откровенно не хочется, но выбора нет. Родители превращаются в великовозрастный балласт, который своими вопросами — звучащими, как назло, очень громко, что всем вокруг слышно — благополучно подрывают твой тщательно завоевываемый авторитет. А любой

ребенок прекрасно знает, как его трудно заработать и, что немаловажно, удержать.

Рахманинов же родителей не стеснялся. Он позволял маме его причесывать и проводить платком под носом. Он всегда был аккуратно одет, и у него единственного до блеска были начищены остроносые туфли, которые носили только старшеклассники. Но вопреки всему, эта аккуратность не придавала ему пижонского лоска, а скорее наоборот, подчеркивала прилежную бесхребетность. Правда, однажды он пришел в свитере с Человеком-пауком – тогда как раз вышел первый фильм с Тоби Магуайром в главной роли. В тот год случился настоящий паучий бум – все дети вдруг перебороли арахнофобию и резко полюбили членистоногих какой-то садомазохистской любовью. Они подставляли под их жвала руки, плечи и шеи, проникнувшись родительской присказкой про «не убей паука в доме».

Свитер был неплох, но то, что он был связан бабушкой (а Рахманинов не врал, потому что не умел, да и ничего зазорного в домашней вязке не видел), сильно его обесценивало.

Вообще, Рахманинова бы спасло только одно – если бы его, ждущего опаздывающую за ним маму, в фойе музыкальной школы укусил бы такой паук. Рахманинов бы, пока что еще неумело, но резво, пронесся на паутине через проспект Мира под восхищенными взглядами вчерашних обидчиков.

Но к тщедушным ботаникам безразлична лишь студия Marvel. Жизнь же куда беспощаднее. Чудес и суперспособностей не бывает.

Дружить с Рахманиновым было можно, но эту дружбу по приходе в музыкальную школу требовалось тщательно микрировать за отстраненным безразличием и несчастными на-

падками. Иначе можно было в момент столкнуться с непониманием одноклассников.

В конце занятий Женя ждал Рахманинова за углом, и они вместе как ни в чем не бывало шли гулять. Рахманинов, по видимому, был готов платить такую цену за дружбу, во всяком случае, никаких упреков от него он не слышал.

После занятий, по выражению взрослых, начиналось их с Рахманиновым Великое Праздношатание. Гулять без цели и не наблюдать часов могут или влюбленные, или школьники. Занятия заканчивались в два часа, а вернуться надо было до прихода родителей с работы. То есть до шести. Короче говоря, особо не разгуляться.

Грелись и коротали время в подземных переходах.

Подземные переходы с тех пор совсем не изменились. Настоящий портал в прошлое. Законсервированные 90-е на два метра под землей. Они существовали вне времени. Пройди еще 100 лет, а в них все так же будут продавать колготки, сосиски в тесте и телефоны. Витрину с телефонами как раз и рассматривали две пары глаз – Жени и Рахманинова. Рассматривали с придыханием бедняка из «Рождественской сказки» Ганса Христиана Андерсена, увидевшего праздничный стол богача через запотевшее окно.

В отражении они видели свои красноватые шмыгающие носы, а за ними – вожаки сименсы и самсунги.

Они просто молчали и смотрели – никто из них даже не вынашивал планов о покупке. Слишком уж баснословной была цена – а считать, сколько надо откладывать с дней рождения и обедов, они даже не пытались. С такими подсчетами они обычно досчитывались до преклонных лет.

Слабая надежда на получение денег за пятерки была тут же задушена и похоронена, а на ее надгробии родитель-

ской рукой было высечено: «Хорошо учиться — это твоя обязанность». Рахманинов так тем более. По райдеру за такие просьбы ему причитался еще и подзатыльник.

Надежда, правда, как Гоголь, была еще жива и царапала крышку гроба ослабевшими пальцами — впрочем, недолго. У Рахманинова так тем более. Рассчитывать на телефон он не мог, даже если бы закончил год без единой тройки, а саму школу — в 14 лет и с золотой медалью.

Термин «социальное неравенство» Женя усвоил намного раньше, чем о нем рассказали на уроках обществознания. Однажды с мамой они забрели во двор, спрятанный от посторонних глаз за высоким забором. Двор как будто вырезали из рекламного буклета — целые качели без единого скрипа, кольца для детского баскетбола, качалка-пони на пружине. Так уж повелось, что все хорошее у нас принято прятать от посторонних глаз. Даже то, что нельзя унести. От греха подальше. Если не смогут украсть — так обязательно нагадят. От бессилия. Двор находился между двумя высотками, откуда часто выезжали серьезные дядьки с гарнитурой и тетки в кашемировых пальто. Пробрались они туда через открытые ворота, когда туда заезжал тонированный лексус.

Родители ошибочно полагают, что в детстве мальчики дружат с мальчиками, а девочки — с девочками. На самом деле все немного по-другому. Богатые дружат с богатыми, бедные — с бедными. Дети очень рано начинают чувствовать социальное и классовое неравенство. А помогают им в этом их родители. Женя нерешительно ковырялся в песочнице, поглядывая на более успешных коллег по детству — двух пацанов и девочку. У первых двух была яркая пожарная машина чуть ли не в натуральную величину, две ламборгини с открывающимися дверцами и джип, крайслер. Неслыханная роскошь. Наверное, папин автопарк в миниатюре. Девочка была

с косичками-хинди и требовательным выражением лица. Она остервенело тыкала в игрушечного Железного человека пластиковым чайничком в желании его напоить. Железный человек, окруженный кольцом из Барби, все не мог устоять под натиском чайника и валился с ног. Судя по тому, как девочка сужала кукольный хоровод и придвигала его все ближе к ничего не подозревающему Тони Старку, эти Барби имели на него какие-то виды.

Время от времени вся троица бросала на Женю косые взгляды. Иностранное тело, деловито мастерающее куличики в противоположном углу их песочницы, им было явно не по душе.

Пластиковую машинку из песочницы скоро заменит настоящая. А играющие в куклы девочки сами превратятся в кукол.

Фразу «Нет, это дорого» чаще всего слышали стены магазинов игрушек. Но не эти дети.

Родители прекрасно понимали, что этот Железный человек, который стоит как четырехколесный велосипед, в скором времени будет пылиться где-то под кроватью или встретит свою смерть в пасти бесноватого домашнего пекинеса. Их это мало волновало. Они покупали своему ребенку не игрушку, а его исключительность. Фразой «Мой ребенок достоин самого лучшего» очередная госпожа Простакова воспитывала в своем ребенке очередного Митрофанушку.

Женя однажды был свидетелем такой покупки – самое удивительное, что мама того пацана даже не произнесла sacramентального «А что надо маме сказать?». И ни слова про пресловутый стакан воды в старости. Просто рассчиталась и бросила ему: «Пойдем». Как будто купила грохотку яиц в «Ашане».

Песочница уже давно канула в Лету, а они с Рахманиновым – нет. Все так же стоят и рассматривают дорогие игрушки.

Родители полагали (и надо отдать должное, вполне справедливо), что телефон во внутреннем кармане рахманиновской куртки проживет яркую, но недолгую жизнь. «Через день его хулиганам отдашь», – отрезала мама, когда Рахманинов заикнулся о телефоне. Глагол мамой подобран был как нельзя более точный – она не говорила: «У тебя его отберут», потому что «отобрать» подразумевает хоть какое-то сопротивление.

Узнающая уже их продавщица, вечно жующая жвачку неформалка с беспросветно-черными волосами и пирсингом в носу, вызывающе на них смотрела – двое доходяг с квадратными портфелями и сменкой в тряпичных мешках могли доконать кого угодно только одним своим присутствием. На всякий случай она старалась сразу спрятаться за наушниками от случайных вопросов в духе «Сколько мегапикселей камера?» и «Сколько мегабайт памяти?».

– А вообще, так нельзя делать, как она делает, – бурчал Рахманинов на выходе из подземного перехода. – Клиент всегда прав.

Пошатавшись еще минут 40, два недовольных «клиента» покупали тархун и шли домой.

Глава 2

prohibition [prəʊsɪ'biʃn] – сущ. запрет, запрещение

injustice [ɪn'dʒʌstɪs] – сущ. несправедливость, беззаконие

helplessness ['helpləsnəs] – сущ. беспомощность, беззащитность

Шли обычно к Рахманинову. Его дом был почти на самом вокзале – сидя на кухне, вся его семья отчетливо слышала, какой поезд и с какой платформы сейчас отправляется.

Их полуторка пахла так же, как пахнут все остальные полуторки в этом районе: немного водки, немного дешевых сигарет, плесени и шпрот.

В дверях их встречал изрядно помятый глава семейства – одет он был в растянутую до колен майку, заменяющую ему штаны.

«Здорово, молодежь», – басил он и шаркающей походкой удалялся в комнату. Лысоватый и с короткими усами, он был похож на изрядно запустившегося Лукашенко. Правда, разговаривал не так смешно.

Из развлечений у Рахманинова были только телевизор «Филлипс» и музыкальный центр в зале. И если уснет отец – змейка на его черно-белой нокии.

Там же стоял мутный аквариум, в котором каким-то чудом еще теплилась жизнь в виде двух дешевых декоративных рыбок. Музыкальный центр служил продолжением стола, вмещая не поместившуюся на нем пепельницу и поднос со шкурками от колбасы, из-под которого он отзывался хриплым голосом Аллегровой.

Отец, обнажив волосатый живот, шумно зевал на диване у стенки.

Не зная, к чему подступиться, Женя обычно садился на пол и листал «Игроманию». Компьютера у Рахманинова не было, поэтому им приходилось листать страницы и фантазировать. Под аккомпанемент из отцовских зевков и чиханий.

В дверном проеме висел турник, судя по всему, по прямому назначению он не использовался — он был усеян вешалками со школьной одеждой Рахманинова.

Весь ковер у телевизора всегда был в крошках от чипсов — последний раз в белой пудре от рахат-лукума и косточках от фиников, когда сестра прислала Рахманинову привезенные из Турции сладости. Женя жевал подсохшую пахлаву и рассматривал магниты. Судя по ним, Турция была чем-то вроде филиала рая на земле. На одном из магнитов улыбались две нарисованные негритянки. Художник, ведомый своими представлениями о привлекательности, сильно размахнулся и приделал к осиной талии огромные бедра. Не забыл и про лифчики из половинок кокоса. Обнимались негритянки, как и полагается, на фоне заката.

Одним из немногих поводов для гордости были рахманиновские три коробки из-под обуви, в которых он хранил кассеты. За исключением пары мультиков, в основном это были отцовские боевики. Рахманинов, педант до мозга костей, держал их в пленке, как какую-то реликвию или артефакт. Он даже не давал лопнуть пузырьки с этой пленки. Считал, что после этого она утратит свои амортизирующие свойства.

Жажда исследования подтолкнула включить загадочные «От заката до рассвета» вместо «Незнайки на Луне». Не прогадали. Сальма Хайек, наверное, даже не догадывается, но она была виновницей всех ранних детских эрекций на постсоветском пространстве. С питоном на шее она прошла по барной стойке, а следом — по воспаленным детским умам. Лучшее из присутствующих держался Джордж Клу-

ни и вышеназванный питон. Николай Носов, к сожалению, ничего такого предложить не мог.

Следующим по списку был «Голый пистолет» с Лесли Нильсеном. Абсурдность и вседозволенность американской комедии поражала — седовласый дед, годившийся в мужья их с Рахманиновым бабушкам, самозабвенно кривлялся и вытворял на экране такое, за что этими же бабушками был бы навечно осужден, зато получил бы безграничную любовь всей начальной школы в лице Жени и Рахманинова. Женя громко смеялся даже над шутками, которых не понимал. Смеялся с запасом — он прекрасно знал, что дома на комедии на грани фола будет наложен мораторий.

Потому что дома будет бабушка. Он взял несколько кассет у Рахманинова. К просмотру была одобрена только кассета с буквами **TNMT** — Teenage Ninja Mutant Turtles, на проверку оказавшаяся мультиком про черепашек ниндзя.

Любая уважающая себя бабушка старается оградить внуков от всей грубости и хамства, которыми с удовольствием делится синий экран. Оградить непроходимой театральной портьерой, из-за которой ничего не видно и почти ничего не слышно. Все остальное попало под категорию **TЧМТ** — «Только Через Мой Труп».

В кресле и с пультом бабушка была как Цезарь в Колизее. Почти все программы достаивались ее пальца вниз и мгновенного забвения.

В бабушкин стоп-лист попали «Городок» и «Деревня дураков». Шутки Стоянова и Олейникова она считала скабрешными, а про «Деревню дураков» и говорить не приходится. По ее мнению, сегодня ребенок «насмотрится», а повзрослев, обзаведется красным носом и не будет выпускать из рук мутноватый самогон в большой стеклянной бутылке. Периодиче-

ски получая сковородой от истеричной, но в общем-то, справедливо хающей его жены.

Правда, один раз он посмотрел вестерн с дедушкой. По сюжету, щетинистый главный герой спасал от индейцев девушку. Вроде бы это спасение даже не входило в его планы, но как и любой техасский джентльмен, он не мог пройти мимо вопиющей несправедливости и ее голубых глаз. Та самая жертва, в свою очередь, носила одни джинсовые шорты и майку, заканчивающуюся где-то за полметра над пупком. В общем, демонстрировала абсолютно виктимное поведение. Индейцам, само собой, она не оставляла выбора.

Вроде бы они даже хотели ее просто сожрать — чем, наверное, сильно задели ее самолюбие. Абсолютно нерациональное использование таких ресурсов. Туземцы оказались на удивление бесхитростны и непохотливы. Но за похотливость в фильме отвечал главный герой.

Он беспощадно отстрелил всех индейцев из кольта — те даже томагавком почесаться не успели.

Ради приличия он отбросил огнестрел и сразился с главарем на копьях. Как и предполагается, главному герою расцарапали грудь (лицо в таких фильмах никогда не расцарапывают — этим лицом еще надо будет целоваться со спасенной), зато оппонент огреб сполна. Так и помер на ритуальном валуне, где должен был случиться отряд жертвоприношения. Злой дух пришел не оттуда, откуда они ждали.

Когда главный герой привез спасенную в свое бунгало и хамовато растекся в кресле, постельная сцена была неизбежна.

Он даже впервые за весь фильм улыбнулся, чем окончательно заставил ее отречься от принципа «никакого секса с незнакомцами на первом свидании». Глядя в глаза, как за-

правская порноактриса, спасенная стала медленно снимать лифчик, но тут в просмотр вступила цензура в виде волосатой дедушкиной ладони. Она легла Жене на лицо, заставив на максимум выкрутить слух и воображение. Правда, между безымянным и средним пальцем осталась узенькая щелка, которая превращала постельную сцену в настоящее пип-шоу. На удивление, поглядывание и общая «нелегальность» просмотра даже добавляли происходящему пикантности.

Оставшиеся перестрелки с бандитами казались серыми и попросту лишними. Даже финальную сцену сражения с главарем шайки на поезде во время езды Женя не запомнил. Все это казалось мелочным и несерьезным. И маленький совет сценаристам – чтобы произвести на зрителя впечатление и захватить его внимание, стреляющий пулемет Гатлинга надо было показывать до того, как показали женскую грудь.

Женя уже ждал титров, чтобы поскорее увидеть имя актрисы, которая вот так, в одночасье, в субботу после обеда, украла его сердце.

Титры показали мелко и на ускорении. Прощай, незнакомка.

А потом было «Поле чудес». Или «Кто хочет стать миллионером». Наверное, чем труднее были времена и обстановка в стране, тем безоблачнее было субботнее телевидение.

Мама Рахманинова мыла полы в школе, отец уже как полгода пачкал полы дома. С завода его уволили – вроде как не подтвердил квалификацию. Это рассказал сам Рахманинов, когда пришел в школу с хорошим, размером с грецкий орех, бланшем. Попал под горячую руку. Практика с битьем подушек у нас как-то не прижилась. Да и станет разве взрослый и самодостаточный человек бить подушки, делать пять глубоких вдохов-выдохов и заниматься

прочей ерундой? Все прекрасно знают, что для вымещения одной отцовской злости нужен один символично провинившийся сын. Впрочем, бил он в тот момент не сына, а всю квалификационную комиссию во главе с непутевым директором, который не смог встать грудью за своего ценного кадра. Вряд ли Рахманинову от этого было легче, но все же.

– Посмотрите на мои руки, – орал Рахманинов-старший, вытянув вперед ладони. – Эти суки говорят мне, что я провод в руках удержать не могу!

Ладони предательски ходили ходуном, как будто провод в них действительно был, да еще и оголенный. Но как и любой человек, убежденный в клеветничестве и заговоре, отец Рахманинова этого в упор не замечал. Ему они виделись абсолютно статичными.

Что касается рук, то, как и у любого порядочного алкоголика советской закалки, они у него были золотые. А как алкоголик непорядочный, в основном он их распускал.

Вообще, это горькая судьба любых золотых рук – использоваться не по назначению. К ним всегда идет приставка «а ведь...», а в контексте с ними используется глагол в прошедшем времени – «были».

Талант Рахманинов-старший не пропил, хоть и очень пытался. В моменты редких озарений он, вооружаясь шуруповертом и молотком, шел приделывать полки, чинить смесители и менять перегоревшие лампочки. В общем, такой проснувшийся муж на час или продуктивный медведь-шатун. В эти редкие моменты никто ему не мешал, только молча подавали гвозди и проходились по полу веником. Где-то за полночь муза его покидала – стерев с щетины опилки, он брал из холодильника банку «Охоты» или «Уральского мастера» и привычно располагался на диване.

— Завтра у этих блядей закоротит там все к едрене фене, и придут прощения просить! — не в силах забыть предательство директора, сотрясал он стены комнаты. Приходили, правда, только судебные приставы. Вместо прощения просили сбавить тон и отойти в сторону, чтобы они смогли описать имущество. После их ухода Рахманинов-старший сидел за кухонным столом с разложенными на них, как пасьянс, квитанциями за воду, газ и тепло. Нахмутив лоб, он изучал каждую — наверное, выбирал, за какую первую он не будет платить.

Мама Рахманинова с присущей женщинам методичностью бросилась изучать все возможные методики выведения благоверного из запоя и, чем черт не шутит, избавления от алкогольной зависимости. Традиционные методы в виде привязывания к кроватям она отмела, решив пойти по западному пути. На остановочном стенде с рекламой она сорвала телефон клуба анонимных алкоголиков. Клуб открылся чуть меньше месяца назад и обещал своим посетителям задушевные беседы, мудрого сенсея (экс-алкоголика) и крепкую опору в виде плеча товарищей по несчастью.

Неизвестно, кто и когда решил, что если собрать в кучу всех страждущих и скованных одной потребностью людей, дав им идейного вдохновителя, то из этого получится что-то хорошее. Последний раз из этого получился Третий рейх.

Рахманинов-старший отпирался и сопротивлялся, как дошкольник перед походом к зубному. Но в итоге не пожалел — лучшего места для поиска собутыльников, чем собрание клуба анонимных алкоголиков, было не придумать.

Мама, вздохнув, поняла, что по западному пути пойти не получится. То ли у них на Западе путь не такой тернистый, то ли у нас водка крепче. В общем, что русскому хорошо, то немцу — смерть.

Рахманинов-старший напивался и звонил своим новоиспеченным друзьям. Разговаривал на испанский манер — через несколько минут начинал кричать матом.

С утра он живо интересовался у жены, не наговорил ли им чего лишнего.

— Ты сказал ему, что он старый жид, мудака и неудачника, — с безразличием телеведущей сообщила та.

— Я не мог такого сказать! — протестовал он. — Какой же он старый? Ему еще и 45 нет!

Однажды Женя застал его приступ белой горячки. После нее все невроты и тики Рахманинова можно было легко объяснить. Вопреки анекдотам из застольного сборника, «белочка» оказалась не такой безобидной.

Глава семейства, который каких-то пять минут назад спокойно разговаривал с телевизором, стал орать и метаться, как при обряде экзорцизма, брызжа слюной и издавая какие-то бессвязные ругательства. Его лицо было подернуто безумием — рот скривился, а литературное выражение «глаза вылезали из орбит» нашло свое практическое воплощение. Никто так и не понял, что стало катализатором, запустившим эту его реакцию, но это уже было и не важно. Когда на тебя несет снежная лавина, причины ее возникновения волнуют тебя в последнюю очередь.

Рахманинов-младший дрожал мелкой дрожью. Он не пытался сохранять самообладание — напротив, он целиком отдался страху. На тетрадном листе лежала офицерская линейка. Он судорожно, не поднимая головы, обводил круги, треугольники и ромбы, пока насквозь не порвал бумагу. Ручка неприятно заскобила по деревянному столу.

Мама была невозмутима — она в это время мыла посуду, и придя на шум, молча стояла в дверном проеме, продолжая вытирать тарелку белым вафельным полотенцем. На мужа она

смотрела с холодным укором, но в целом беззлобно. Так обычно смотрят на ребенка, который после вопроса «Хочешь пи-пи?» отрицательно мотает головой, а через минуту обмачивает штаны.

По-видимому, такие перфомансы здесь были не в новинку. Демонстративно вздохнув, она вернулась на кухню и прибавила радио. Благо, алкогольный спринт длился недолго — Рахманинов-старший, как загнанная лошадь, падал на диван и, глядя в потолок, тяжело дышал.

Они смотрели телевизор и старались не замечать фигуры под одеялом в другом конце комнаты. Заснув, фигура неистово храпела, иногда, издав полусонную матерную тираду, беспокойно ворочалась и возобновляла храп. Из-под одеяла торчали грязные пятки. Уж лучше так — бодрствующим он доставлял проблем побольше.

У алкоголиков со временем снижается критичность, взамен появляется плаксивость и склонность к сантиментам. Если от песни «Отчего так в России березы шумят» начинают наворачиваться слезы — стоит крепко призадуматься. У отца Рахманинова слезы не наворачивались, а открыто бежали, прорывая ветхую плотину из опухших и покрасневших век.

В его негласную подборку «песен, от которых вы обязательно заплачете» входили их с Рахманиновым хоровые кассетные записи с «Прекрасным далеко» и «Крылатыми качелями».

Временами он доставал альбом с фотографиями. Свадебные он, почти не глядя, перелистывал, зато фото с сослуживцами удостаивались его особого внимания. Он бережно водил по ним пальцами, а фотографию его взвода от помещения в рамочку спасало отсутствие рамок. Все хрупкое и стеклянное в комнате было уже давно разбито.

Сослуживцам было тесно в объективе фотоаппарата — 30 агрессивно-целеустремленных каменных лиц и ни одной

улыбки. С фотографии осязаемо сквозило тестостероном, спиртом и крепким табаком. Самым безобидным на этой фотографии выглядел танк.

Наверное, эти фото специально созданы для запугивания потенциального врага, который мог где-нибудь на них наткнуться.

Два раза в месяц жена заставляла его надевать самые приличные из имеющихся брюк и отправляла в службу занятости. Примечательно, что местная разливайка примостилась в торце этой же пятиэтажки. Таким образом, дальше территории этого дома выплаченное пособие обычно не уходило. Соседство было по меньшей мере странным – то же самое, как если бы эволюционный центр имени Дарвина открыли при церкви. Активные граждане даже писали обращение с просьбой отцепить этот паразитический рюмочный полип с государственного учреждения.

Как и многие алкоголики, Рахманинов-старший стал отдаляться от людей и находить себе друзей в лице животных. Домашняя болонка стала ему и Бимом Черным ухом, и Хатико в одном лице. Ничего удивительного – собака никогда не скажет тебе: «Ты у меня всю душу высосал» или «Да когда ты уже, наконец, найдешь работу». Звали болонку Несси. Про то, что так ласково называли Лох-несское чудовище, Рахманинов-старший и слышать не хотел.

На зиму он купил ей комбинезон модели «похоронный саван» и пошел «показывать невесту» во двор. Жаль, что собаки не наделены чувством юмора, поэтому над облачением болонки смеялись только их хозяева.

К семейству псовых она имела весьма опосредованное отношение – обучаемость и склонность к дрессировке у нее была на уровне рыжего лесного муравья. Характер такой же.

Наверное, именно с нее Крылов писал басню про слона и моську.

Дай ей волю — она бы перегрызла шею Павлову и облаяла бы все его мигающие лампочки и звенящие колокольчики. Единственный вывод, который бы он сделал из эксперимента с условным и безусловным рефлексом — это то, что пять уколов от бешенства в живот — это действительно больно.

Было в ней что-то и от гопника со спального района — если она ловила на себе чей-то задержавшийся дольше пары секунд взгляд, то начинала утробно клокотать звуком заведенной бензопилы и буровить оппонента ответным взглядом. Если рычать и кусать протянутые руки было некому, она начинала грызть лапы собственные — наверное, надо было хоть куда-то направлять энергию чистого зла и ненависти.

Отец Рахманинова, замечая этот акт мазохизма, хлопал болонку газетой, а если нет, то Женя с Костей ее никогда не останавливали — каждый втайне надеялся, что она сгрызет себя до основания.

В магазин заходил он тоже с ней. Она посматривала на холодильники и подозрительно-подготовительно обнюхивала углы.

— Мужчина, ну куда вы с «этим» идете! — женщины на кассе недовольно косились на пса, который в этот момент отряхивался дворовой лужей. — Написано же на дверях — нельзя!

— А че нельзя-то? Он что, не человек, что ли? — бурчал Рахманинов-старший и зажимал Несси в подмышку. Та, в свою очередь, вырывалась, мельтешила лапами и всячески пыталась вернуть привычную ей гравитацию уровня человеческих щиколоток.

С работой не ладилось. Старший сын, трезво оценив обстановку: в семье мать моет полы в школе, а отец сидит без

работы и плачет над детским хором, решил не рисковать и заняться грабежами. Вернее, грабежом. Его собственный сериал «Бригада» закончился пилотной серией, не успев начаться.

К налету с двумя дворовыми друзьями они готовились основательно – напились и украли ружье у сторожа с хладокомбината.

Решили грабить место, где деньги есть точно. Например, кафе-разливайку. Свою, местную не стали грабить по соображениям безопасности и районной солидарности. Выбор пал на ту, что находилась на окраине города. Злачное место, куда каждое утро, день и ночь стекались страждущие со всего района. Богом забытое место, но к его счастью – места, а не Бога, – не забытое обитателями района. И каждый день несчастная разливайка переживала последний день Помпеи – складывалось ощущение, что кто-то мстительный каждый месяц репетировал на ней кару египетскую: четыре мордобоя за неделю были чересчур даже для ирландского паба, не то что для разливайки ниже среднего пошиба. Она трижды закрывалась и открывалась вновь, а потом и вовсе сгорела – чтобы, как феникс, воскреснуть и уже через две недели вновь распахнуть свои двери. Впрочем, никто и после пожара не заметил ощутимой разницы – легкий запах гари никому не мешал, а желтый свет тусклой лампочки до почерневших стен все равно не добирался.

И тут ограбление. Наверное, тщедушный старичок за прилавком даже не оторвался от халвы с чаем, когда на него наставили ружье – он просто пожал плечами и протянул дневную выручку. Поскольку новоиспеченные бандиты были благородными и смотрели фильмы про ограбление банков, они оставили старичку 500 рублей из кассы. «За причиненные неудобства». Осталось поделить оставшиеся 2 тысячи. На троих они делились плохо, поэтому дележку

решено было отложить. Бутылку водки они взяли за счет заведения.

Поймали их на третий день. Моги бы и на второй, но на второй был День милиции. Не до того было.

Региональные новости тут же окрестили ребят «налетчиками двухтысячных», добавив, что они, несомненно, действовали куда наглее своих предшественников из 90-х.

Старший брат Кости Рахманинова входил в общественное объединение «Чистый город», и его до этого показывали на этом же региональном канале – правда, обыгралось все не в его пользу: теперь весь город узнал, что все это время «рядом с нашими детьми» мусор с улиц подбирали «форменные отморозки».

Это был единственный случай, когда мама Рахманинова не торопилась звонить соседке с возгласом: «Галя, включай скорее телевизор, там моего старшего показывать будут!»

После этого случая Женины походы в гости к Рахманинову прекратились. Рахманинов говорил, что родители сильно переживают. Мама ревет, отец пьет еще больше.

И вообще, вся семья ломает голову и не понимает, как же так случилось. Сначала грешили на героин. Хотя откуда ему было взяться? Ведь они всегда проводили профилактические беседы и принимали превентивные меры – отец говорил, что оторвет башку, а мама обшаривала сыновьи карманы. Ничего подозрительного так ни разу и не нашли – только сигареты и презервативы.

Глава 3

remembrance [rɪ'membərəns] – сущ. память, напоминание

earnings ['z:ɪnɪŋz] – сущ. заработок, выручка, доход

employment [ɪm'plɔɪmənt] – сущ. занятость, работа

Приняв душ, Женя стал обходить комнаты в поисках фена. Причина подняться в воскресенье с кровати раньше часа дня у него была – вечером он ждал в гости Сашу, с которой он познакомился полгода назад. Было это примерно так: он не пошел на последнюю пару (в универе он, кстати, был редким гостем – большинство лекций и предметов он не считал полезными и нужными; универ был для него скорее terra incognita, нежели alma mater) и решил пойти на тренировку на пару часов пораньше. Судьба встретила его в рибоковском красном топе в унисон с красным маникюром, серых беговых леггинсах и такого же цвета кроссовках «Асикс». Женя, кстати, всегда до последних мелочей запоминал, во что были одеты девушки в момент знакомства – не специально, просто так получалось. Наверное, это компенсировалось тем, что спустя пару месяцев отношений он уже не замечал в них ничего: ни новой прически, ни новой одежды. Тоже, впрочем, не специально.

Судьбой, конечно, он в шутку называл ее только на первом свидании. Саша, не будь так проста, и сама подготовилась и проверила гороскоп – вроде бы, за какими-то небольшими сомнениями Марса и Юпитера, все у них должно было сложиться благополучно.

Женя придумал целую культурную программу, начинающуюся со столика на двоих в небольшом семейном ресторанчике и заканчивающуюся поездкой на колесе обозрения над ве-

черным Екатеринбургом. Был сентябрь, и он даже захватил из дома плед и термос — в общем, использовал все запрещенные приемы.

Такой вот спешившийся с белого коня принц, заботливо протягивающий имбирный чай с лимоном в крышке из-под термоса, не мог оставить Сашу равнодушной.

— И откуда же ты появился так в моей жизни неожиданно, — неосмотрительно ляпнула она, когда колесо обозрения заканчивало свой финальный круг.

В тот же момент, когда Женя раскусил симпатию и взаимность, пелена неприступной красоты из тренажерного зала моментально спала. Он быстро расслабился, поэтому все последующие их свидания происходили в ближайшем кофешопе, иногда прерываясь редкими походами в кино.

Но это было давно — теперь он всегда приглашал ее к себе в воскресенье, но чтобы она не чувствовала себя используемой, исправно звонил ей в понедельник и пил с ней кофе в среду.

В их отношениях они так и не определились, вернее, не определился один Женя. Саша же считала их полноценной парой, видеться чаще которой мешала Женина практика, Женины тренировки, Женина учеба (нужное подчеркнуть).

Сам Женя придерживался другого мнения — Саша ему нравилась в постели, она всегда смеялась над его шутками и всегда брала трубку, когда он звонил. Скорее всего, если бы Женю усадили за стол и, глядя в глаза, попросили перечислить, чем его еще привлекает Саша, то добавить ему было бы особо и нечего.

Впрочем, в данный момент Женю интересовал вопрос организации вечернего ужина — лениво листая меню ресторана японской кухни в телефоне, он решал, заказать доставку суши на дом или прогуляться самому, заодно заскочив в магазин

за зерновым кофе, вином и парой других мелочей. И надо было не забыть найти банкомат – вчера утром ему опять звонили из банка.

Он опять просрочил платеж за прошлый месяц, и жадный до своих денег банк в лице молодой девушки со стервозным голосом интересовался, каким образом Гурц Евгений Александрович собирается гасить образовавшуюся задолженность.

Восточные сказки про злых ростовщиков, остающихся с носом, русские сказки про чахнувшего над золотом Кощея с печально известной судьбой, американские комиксы про жадного, но несчастного Скруджа Макдака – все это было напрасно. Люди вырастают и все равно берут кредитные карты.

А молодая девушка со стервозным голосом относилась к числу тех, на кого не действовали сладкоголосые обещания, произнесенные убаюкивающим мужским баритоном. Поэтому раз в месяц Жене приходилось гасить бдительность банка несколькими мятыми купюрами, безвозвратно исчезающими в жерле банкомата.

Правда, он выявил для себя безопасную дистанцию – даже по внесении хотя бы половины суммы его целый месяц не трогали и не будили по субботам. По-видимому, где-то там, в кулуарах банковских кабинетов, из красного – срочного – списка должников он переходил в оранжевый – второстепенный, до которого неповоротливая бюрократическая машина уже не добиралась.

Решив немного развеяться, Женя накинул на футболку пальто, старательно начистил туфли, сделал четыре щедрых пшика подаренных на 23 февраля Сашей burberry london на шею, запястья и волосы. Проверив хлопками по карманам ключи, телефон и кошелек, Женя вышел из прихожей и закрыл дверь.

Выходя из подъезда, он вспомнил, что оставил на вешалке хомут Zara, тоже Сашин – подаренный ему на день рождения.

Что касается подарков, сам Женя всегда отделялся букетом цветов и картой в «Летуаль». Он не хотел казаться жадным, ведь щедрость — это такая же часть имиджа, как и чистые туфли. А щедрость при отсутствии денег — это даже немного благородство. Что касается отсутствия всякого разнообразия в выборе подарков, то, поскольку длительность Жениных отношений оставляла желать лучшего, до вторых дней рождения, 14 февраля и 8 Марта никто не «доживал». И как следствие, в отсутствии фантазии упрекнуть его тоже было некому.

Деньги. Они у Жени не держались никогда. Кошелек был для них чем-то вроде короткой остановки или перевалочного пункта, в котором они толком не успевали обжиться, как уже спешно покидали его ненадежные кожаные стены. Тратил он их быстро и не задумываясь.

В случае если все же несколько купюр оседали в его кошельке, отправиться им предстояло на один из двух эшафотов — гардероб и развлечения. Это были две основные статьи Жениных расходов. Если говорить по-русски — шмотки и алкоголь. Чеки из Zara, Ermenegildo zegna, Henderson, Abercrombie & Fitch и других бутиков по истечении 14 дней на обмен становились для денег их последним и окончательным некрологом.

Наверное, Женя и сам пользовался у денег дурной славой: в ответ они относились к нему настороженно и с опаской, предпочитая обходить стороной. Заведенная бабушкой и мамой песня о его расточительности проходила лейтмотивом через все его детство — в какой-то момент он уже и сам поверил, что это вовсе никакой не недостаток, а его отличительная черта.

Временами он даже кичился таким отношением к деньгам — это была его месть всем разноцветным бумажкам, кото-

рые заставляют почти весь мир вставать в семь утра 365 дней в году. Отпуска и выходные он опускал, чтобы такая несправедливая действительность выглядела еще драматичнее.

Но абсолютно уверен он был в одном – поговорку «не в деньгах счастье» придумали те, у кого их навалом, или те, у кого их совсем нет. Вернее, придумали первые, а вторые охотно поддержали.

Любые студенческие подработки Женя решительно отменял и не рассматривал, считая ниже своего достоинства. Тем более с началом практики у него появилась уважительная причина эту самую подработку не искать.

В прошлом году, правда, он поработал официантом и администратором в гостинице. Проработал где-то пять месяцев – и то в сумме.

На первой работе официанта он уяснил, что сфера обслуживания в России находится на запущенном уровне. Вернее, чтобы привести ее в запущение, предполагается, что до этого она должна существовать. А ее не было совсем. Надевая официантскую форму, ты еще надевал на себя клеймо мальчика на побегушках и позывное «Эй ты!».

Плох тот официант, кто через месяц бегом с подносом не заявляет в курилку о том, что зато с этой работой он стал разбираться в людях.

«Если существует синдром вахтера, – говорил Женя, затаиваясь стрелянным у кого-то „Кентом“, – то должен быть и синдром посетителя ресторана». Новички в курилке слушали и кивали.

«Этому синдрому подвержены два типа людей, – вещал он. – Первый тип – нервные женщины-руководители и скандалисты-начальники, которые забывают, что они не у себя в офисе, а снующие с подносами ребята – не их подчиненные. Вторая категория – обычные офисные работники, которые весь день страдают от тех самых нервных

женщин-руководителей и скандалистов-начальников. Для тех и других ты всего лишь неясная фигура, отделяющая их, голодных, от вожделенной тарелки. И так выходит, что, сука, именно эта фигура уже целых 10 минут не несет им их салат „Цезарь“».

Конечно, в достаточном количестве попадались и молодые девушки. Они были милы и строили глазки, но зато не оставляли чаевых.

К барменам относились гораздо лучше. И неудивительно — у этих ребят был алкоголь. А с человеком, который заведует алкоголем, приходится считаться.

В гостинице было чуть лучше. Первую неделю было даже интересно разглядывать живых иностранцев и проституток. Иногда было даже и весело — например, когда охранники пытались обучить какую-то китайскую делегацию премудростям великого и могучего. Обучали самым необходимым в обиходе словам, но акцент сделали на двух: «жопа» и «пиздец». Весьма символичный выбор.

Китайцы постоянно улыбались и переспрашивали — маленькие негодяи как чувствовали, что учатся чему-то нехорошему.

За теорией следовала практика. Выученные слова китайцы незамедлительно тестировали на стоящих на ресепшене Жене и девчонках-администраторах, чем вызывали буйный восторг охранников и покрасневшие уши девушек. В общем, все развлекали себя как могли.

Проституток приходило много. Гостиничные, по-видимому, были дорогие. Смотрелись серьезнее и дороже многих гостей. Знали себе цену, не иначе.

У всех был холодный взгляд поверх голов — приведишь им шанс ухватить Ричарда Гира, героиню Джулии Робертс они не моргнув ударили бы бутылкой «Моёт» по затылку. И поделом — в этом бизнесе каждый сам за себя.

Были и эскортницы. Многие — вполне милovidные девчонки с высшими образованиями, модельными карьерами и не совсем еще вульгарными лицами. Проституток они не переносили. Называли шлюхами, пресекая любые намеки на их с ними сходство и наличие общего дела. Многие были в первый раз — это было видно по тому, как они теребили клатчи, постоянно поправляли сережки и бросали по сторонам быстрые взгляды, опасаясь встретить знакомых. В остальном же это были настоящие самки богомоллов — от откушенной головы их спутников спасали толстые шеи и такие же толстые кошельки.

Первое время Женю не покидало какое-то странное чувство — казалось, тебя посвятили в клуб для своих. Как будто ты попал в очередную книгу Фредерика Бегбедера. А мысль, что эти двое сегодня переспят с твоей легкой руки, бронирующей им номер, даже несколько воодушевляла. Пособничество греху всегда будоражит воображение. Каждый второй администратор с удовольствием расскажет тебе, что сын «того самого» нюхает кокс, а тот, кого показывают щас по телеку, хотя и старый дед, но часто останавливается у них с двумя девушками в номере.

Ты, конечно, и так подозревал нечто подобное за небожителями из местной администрации и городскими миллионерами, но тут тебе это официально подтвердили.

Сериал «Калифорникейшн», только Дэвид Духовны в нем ты. Ты всего лишь студент, борющийся с зевотой, у которого уже с самого утра урчит в животе.

А проходящий мимо управляющий то и дело заставлял натянуть улыбку.

«Что за мина, ребят? Вы же все лицо отеля», — бодро проносился он мимо трех смурных лиц на ресепшене. Эти лица, в свою очередь, постоянно что-то жевали и бегали курить. Таких лиц отеля никому не пожелаешь. Вредно для бизнеса.

Все постоянно выговаривались и жаловались. Но лучше, когда они жалуются тебе, чем на тебя. Это не указывается в трудовом договоре, но любой человек, работающий в сфере обслуживания, работает на неоплачиваемые полставки психолога. Или даже психотерапевта.

В зарубежных фильмах люди платят 80 долларов в час, чтобы им, сидящим в мягком кресле перед журнальным столиком со стаканом воды, убедительно объяснили, почему их больше не возбуждает жена и как смириться с тем, что сын вот-вот вылетит из колледжа.

Здесь же для этого есть ты.

Зато в конце смены, стоя в курилке, есть возможность рассказать вновь устроившимся зеленым студентам, что зато на этой работе ты наконец стал разбираться в людях.

Спал Женя в бэк-офисе на двух офисных стульях. У них не было ручек, зато все колесики были на месте. Импровизированная кровать то и дело норовила разъехаться в разные стороны. Была в этом какая-то ирония — сдать кому-то номер за 29 тыс. рублей за сутки и, сняв пиджак, пойти спать в душевую комнату на двух катающихся табуретках.

Зато уйма свободного времени позволяла читать новости. Было настолько скучно, что Женя дошел даже до статей о политике. Ночные смены и мерцающий экран ноутбука позволили разобраться во всех этих Кудряшовых, Чайкиных и Сердюковых.

Политические и экономические новости оказались самыми бесхитростными. Разбавлялись они лишь очередными статьями про проворовавшихся чиновников. Новостные медиа эти статьи усиленно форсировали, сопровождая заголовки эпитетами вроде «скандальный», хотя никакого скандала не было. По крайней мере, не в наше время. Самый скандал был у Гоголя в «Мертвых душах», с тех пор мало что изменилось. А интереснее уже вряд ли случится.

К этим разоблачениям уже все давно привыкли. Замечено: если слишком часто повторять слова «чиновник» и «красть», то они становятся однокоренными.

К тому же мало кто делает акцент на слове «воровство». Любой школьник, даже не отличающийся политической прозорливостью и осведомленностью, по существу вопроса безучастно скажет: «Не поделился с кем надо», «Вовремя не забашлял».

Воровство уже приобрело формат неизбежности. Как очередь в поликлинике или снег в декабре.

Пару раз, шатаясь ночью по фойе, Женя общался с приезжими.

После двух чашек кофе Женя осмелел и заказал у бармена рюмку коньяка.

— Плохой день? — услышал он голос с сильным акцентом, принадлежащий приехавшему недавно американцу. Его номер не успели убрать и в лучших традициях российского гостеприимства предложили посидеть в баре.

— Ну почему же, — возразил Женя. — Как раз наоборот.

Иностранец был, что называется, самым типичным: лиловый джемпер был накинут на плечи, а его рукава завязаны небрежным узлом на груди белоснежной рубашки. На запястьях болтались какие-то фенечки и браслеты. В кинематографических и российских фильмах так обычно изображают либо

иностранцев, либо геев. Разумеется, через каких-то несколько минут разговор приобрел сугубо национальный характер.

Кофеин и этиловый спирт придавали разговору изрядную долю категоричности и драматизма. Женя утверждал, что Россия никогда не будет такой, как Америка. Что словом «менталитет» мы давно маскируем все царящие кругом проблемы. Что насколько мы и хотим жить богато, как в Европе, настолько же сильно мы будем сопротивляться своему в нее превращению. Потому что... что? Правильно, менталитет. Женя даже назвал размер российских стипендий – на западных гостей это всегда действует безотказно.

– Мы не хотим меняться, потому что мы – это мы. Самобытность, возведенная в максимум, становится национальной идеей, – Женя с упоением жаловался голосом беженца, которого по шкале от 1 до 10 попросили оценить, насколько ему необходимо политическое убежище. Американец внимательно слушал, не отводя глаз. После чего кивал и соглашался. Он даже не спорил. Такой покорный слушатель – ночной кошмар какого-нибудь Владимира Соловьева. Собери из таких зал и позови поучаствовать в дискуссии – программу закроют уже через неделю из-за никудышных рейтингов. Все-таки так смотреть и слушать, как тот американец, могут только иностранцы. Для неподготовленного слушателя это выглядит неловко и настораживающе. Кажется, что ты находишься на сеансе у психолога. После такого проникновенного и понимающего взгляда у нас обычно просят дать взаймы. Или предлагают послушать о Боге. Но когда вместо этого американец сказал, что он все прекрасно понимает, и предложил угостить еще одной рюмкой, Женя успокоился.

Сам американец говорил меньше, но по существу. Он утверждал, что Россию у них любят. Хотя скорее всего, так бы сказал любой человек, находящийся в гостях на чужой земле. А произнесенное пусть и весьма дружелюбно, но с пугающим

российским акцентом «Хау ду ю лайк раша» где-нибудь на улице не предусматривает никакого другого ответа, кроме положительного. Но верить и обманываться всегда приятно.

А еще им нравится Путин. Хотя ничего удивительного. В их представлении Путин – это оголенный по пояс, миролюбивого вида мужчина, который едет куда-то на лошади. Вероятно, в российский аналог Белого дома. А может, он просто решил проехаться по своим владениям или заскочить в какой-нибудь уездный город – проведать чиновников.

Напоследок они крепко пожали друг другу руки. Американец честно признался, что у них, в Америке, все давно знают, что в России нет медведей и балалаек на улице, а Женя честно соврал, что у них, в России, все давно знают, что в Америке нет расизма и половина населения страны не страдает ожирением.

Глава 4

layoff ['leɪɔf] – сущ. увольнение, увольнение сотрудников

poverty ['pɔvəti] – сущ. бедность, нужда

ambition [æm'biʃn] – сущ. амбиция, цель

Свои первые «серьезные» деньги он помнил хорошо. Как-то в детстве дедушка подарил ему 20 долларов – две купюры по 10. Большие для ребенка деньги, даже по старому курсу. Пока Женя держал их в руках и рассматривал одухотворенную и будто слегка встревоженную физиономию Александра Гамильтона, дедушка посоветовал сохранить их на удачу, положив в отдельный отсек кошелька. Кошелька у Жени, конечно, не было, о чем он сразу напомнил деду – но как оказалось, кошелек был вторым и основным подарком, идущим в комплекте к первому. Дедушкина манера превратить обычное поздравление в номер с неожиданной развязкой всегда нравилась Жене.

Кожаный кошелек приятно тяжелил уличные шорты и школьные брюки – Женя еще не знал слова «солидность», но уже не сомневался, что этот мужской атрибут сделает его на порядок взрослее ровесников.

Звенящие пятирублевки теперь не вылетали при беге, а спокойно лежали себе в отдельном кармашке кошелька, под защитой серебряной заклепки.

Что касается тех 20 долларов, то принесли они удачу гораздо раньше, чем пророчил дедушка – если быть точным, то уже на следующий вечер, когда Женя обменял их в ближайшем банке на родные и легко используемые в обороте рубли.

Послужил тому совет старшеклассника, который не только раскрыл значение таких непонятных слов, как «валюта»

и «курс доллара», но и взял весьма символическую — с его слов — плату за финансовую консультацию.

Так уж вышло, что за отсутствием денег, и как следствие, ненужностью кошелька был продан через пару дней тому же предприимчивому старшекласнику за какие-то смешные деньги, о чем Женя очень сильно жалел уже через пару часов. Но скрепленная мужским рукопожатием сделка в присутствии свидетелей-одноклассников быть оспорена уже не могла.

Правда, еще больше пожалел он об этом вечером, когда вся семья, включая гостей и приехавших родственников, собралась за семейным столом, чтобы отметить прошедший Женин день рождения. Прозвучавшее громом среди ясного неба бабушкино «Жень, а ну-ка покажи тете Тане, что тебе дедушка подарил» и устремленные на него взгляды присутствующих заставили его не только подавиться апельсиновым соком, но и начать жалеть, что он не может, взмахнув скатертью, исчезнуть, как Амаяк Акопян из бабушкиного телевизора. Он был даже не против изобразить средней серьезности сердечный приступ — все что угодно, лишь бы отвлечь всех присутствующих от нежелательной темы разговора.

Деньги в семье были, но не сказать, что их было много — если это слово вообще употребимо по отношению к деньгам. Женино детство пришлось на расцвет поттерианы — только когда другие дети мечтали получить письмо из Хогвартса, Женя мечтал получать столько же, сколько Дэниел Рэдклифф. И бог с ним, с Хогвартсом.

Женин папа работал айтишником в какой-то компании из пяти человек, в полуподвальном помещении старого офиса. Маме это место не очень нравилось, и она не упускала момента об этом заявить: в детстве Женя всерьез считал, что «Шарашкина контора» — официальное название папиной работы. У папы же на этот счет было свое мнение — от него

слышались эпитеты «перспективная» и «стремительно развивающаяся».

К папиной работе мама относилась настороженно-прохладно. Все потому, что она не особо разбиралась в том, чем он занимается. Если бы ее муж был врачом, она пророчила бы ему должность самого лучшего хирурга. Если бы он был писателем, то она с нетерпением ждала бы его Пулитцеровскую премию в области литературы. Возможно, излишне претенциозно, но как и любая женщина, мама не была готова довольствоваться чем-то средним и посредственным. Хотя бы в своих мечтах.

А так — программист. Мама не знала, чем у программистов измеряется успех. Правда, однажды за утренним кофе, когда отец, сложив вчетверо газету, направился в прихожую, она попросила у космоса, чтобы отца взяли на работу к Биллу Гейтсу. Эти полгода, как мама уволилась, космос буквально разрывался от ее посланий.

В то время само словосочетание «мой папа — айтишник» рисовало в воображении образ сутулого доходяги в старом вытянутом свитере, едва проглядывающем из-под катышков. Голову такого субъекта должны были венчать сальные волосы, а чуть ниже, в районе переносицы — вечно красные глаза, смотрящие на мир через очки с диоптриями на минус бесконечность.

Это сейчас слово «айтишник» финансово синонимично слову «бизнесмен», а фамилия Абрамович потихоньку уходит из разряда нарицательных — ее потеснили не менее звучные фамилии Дуров и Цукерберг. А старый вытянутый свитер сейчас бы признали винтажным.

Мама работала бухгалтером — в то время Женя наивно полагал, что человек, работающий с деньгами, этих денег

и сам имеет в достаточном количестве. На практике же все деньги были у директора, его зама и любовницы директора, работающей в другой организации на два этажа ниже. Вот такой вот беспощадный финансовый треугольник. О повышении никто не заикался – по маминому утверждению, диалог с директором напоминал обезвреживание противопехотной мины – сегодня ты плачешься в его жилетку от Burberry и чувствуешь на своем плече ободряющее похлопывание, а уже завтра на летучке эту самую жилетку выжимают на твое лицо, а вслед кидают счет на оплату химчистки.

Впрочем, Женя не жаловался – все же он видел своих ровесников, чьи родители остались без работы – 90-х он не помнил, но забежавших в гости друзей по двору, которым налитая его бабушкой тарелка супа казалась небесной амброзией, он помнил хорошо. Пацаны обжигались горячим борщом, хлюпали сопливыми носами и вороватыми движениями хватали хлеб, как будто этот аттракцион невиданной щедрости мог закончиться в любой момент. В кухне стояла гробовая тишина, прерываемая лишь чавканьем и звоном ложек, удаляющихся о дно и края тарелок.

Женя, лениво вылавливающий из борща картошку, не без любопытства смотрел на своих товарищей – а ведь те даже и не подозревали, что суп – злейший враг их ровесников. Эти ребята не знали слов «я первое не буду».

Вообще, дети из небогатых семей и выросли гораздо раньше – у них сокращенная программа по «вере» в Деда Мороза, волшебству и прочим счастливым заблуждениям детства. Одного паренька со двора отец огорошил правдой чуть ли не перед поступлением чада в детский сад – просто присел перед ним на корточки в прихожей и поставил перед фактом: папа горбатится на двух работах, а мама сидит с маленькой сестрой. Поэтому о существовании какого-то деда с бородой из ваты, который ни с того ни с сего появится

и подарит тебе железную дорогу, можно смело забывать и воспринимать его сугубо в роли фольклорного персонажа. Не более. Да и вообще, если тобой вдруг интересуется какой-то пожилой мужик с накладной бородой и обещает подарить подарками, в злокозненности его намерений не может быть сомнений. Пацан тот, конечно, хорошо проревелся, зато в садик пришел уже совершенно взрослым человеком.

Нельзя сказать, что родители этого пацана, как и многих других пацанов с окрестных дворов, были противниками выражения «все лучшее – детям». Просто из лучшего на все лето у них был отцовский футбольный мяч, пара старых игрушек и несколько футболок, купленных мамой в местном секунд-хенде.

Сам сэконд-хенд представлял собой один сплошной лабиринт из раскладушек, расположенных под открытым небом рядом с рынком. Женю всегда удручал его вид. Из этого лабиринта не помогла бы выбраться ни одна нить Ариадны. Она бы просто запуталась в какой-нибудь раскладушке, а полная продавщица смотала бы ее обратно в клубок и выставила на продажу рядом с какими-нибудь шалями и спицами для вязания.

Родители, видя немецкие или английские слова и цифры на спине футболок, даже оглядывали вещи на предмет дыр и разошедшихся швов уже не так придирчиво. Все дворы пестрили Тайсонами, Джорданами и Джеймсами Лебронами. Двое братьев ходили даже в футболках с полковником Сандерсом из KFC.

Женя с мамой тоже были там частыми гостями. Пару раз брали отцу штаны. Вслепую. Потом, возвращаясь на рынок, мама долго спорила с торгашами о применимости словосочетания «обмену и возврату не подлежат».

Хуже мог быть только поход на китайский рынок с бабушкой.

Стоять, как дурак, на грязной картонке под оценивающими взглядами торгашки. Как будто ты пропустил объявление конкурса на самый твой нелепый вид. Продавец достает замыленное зеркало без рамки — судя по твоему отражению, оно было украдено из комнаты кривых зеркал.

Длинные рукава пуховика встречают одобрителем кивком. Прозвучавшее от продавца «на вырост» и «за лето вымахает, и все новое покупать придется» получают согласное бабушкино «ой, и не говорите».

Вот именно, не говорите. Желательно вообще закройте рот и уйдите. Все.

Подавляя злость, Женя пытался выдавить из себя: «Да нормальный пуховик... Ну че, пуховик как пуховик...»

Любой ребенок знает, что даже если тебя спрашивают: «Ну как тебе?», это совсем не означает, что от тебя действительно хотят услышать ответ. Этот вопрос — фикция. Дань приличию и условность, не более.

Женя успокаивал себя тем, что все равно носить он его не будет. Главное сейчас — отмучиться на этом акте унижения, а там можно будет выпросить у мамы что-нибудь поприличнее.

Попросили покрутиться вокруг себя. Потрясающе. Продавец уже вернулась и стоит с пластиковым стаканчиком с чаем и горячим беляшом. На холоде от них идет пар, как от дымовой шашки.

Эти торгашки, наверное, при устройстве на работу проходят конкурс «Как одеть ребенка в чучело и при этом не заржать». По правилам, когда становится уже совсем невмоготу, следует сказать: «Это сейчас модно».

В ее закуске висели ряды невнятных шапок, странных сумок и каких-то чудовищных кальсонов. Наверное, их забрали

со съемок какого-нибудь древнего фильма Никиты Михалкова. Продавщица взяла удилице и подцепила с верхних рядов очередной экземпляр, который назвала пуховиком. Для этого тулупа это была явная лезть и счастливая случайность.

Женя покорно стоял, облаченный во что-то болотно-зеленое. Бабушка удовлетворенно кивнула и расстегнула молнию на сумке. Все. Это конец. В горле першило, и потихоньку подступали слезы.

Конечно, не сдержаться и начать рыдать тут, при всех из-за какой-то куртки мешал здравый смысл и какое-никакое мужское достоинство. Хотя хотелось. И даже очень.

– Приходите еще. У нас на мальчиков осенние куртки есть, – не унималась продавщица. Вдвое сложив купюры, она убрала их в нагрудный карман.

Женя уже представлял, что при входе в раздевалку пуховик надо будет снимать и нести в руках. Или оправдываться: «Да он старый, еще с позапрошлого года».

Сравнимо с этим был только поход в парикмахерскую в последних числах августа. Было немного унижительно, когда тебе, якобы выросшему за лето (со слов родственников), на ручки кресла подкладывают дощечку.

В парикмахерской было много товарищей по несчастью. Парикмахерши просили их не ерзать и иногда больно цепляли уши гудящей машинкой. Спутанные и отросшие за лето волосы охапками летели на пол. В то время родители были твоими стилистами. Даже на вопрос о прямых и косых висках отвечала бабушка.

Сидящие у дверей бабушки шелестели «Комсомольскими правдами», мамы – журналами «Космополитен» и «Гламур».

Парикмахерша одним глазом смотрела «Контрольную закупку» или телесериал про частных детективов. В особо драматичные моменты забывали про сидящих детей и ахали всем персоналом.

Ладони у них были большие, красные и полностью покрытые мелкими волосками от предыдущих стрижек. Особого доверия они не вызывали и напоминали руки йети. Ученые искали снежного человека в Альпах и Гималаях, а они все это время преспокойно были здесь — в парикмахерской «Светлана».

Но хуже всего была сама прическа. Казалось, единственной ее целью было подчеркивание твоих больших и к тому времени ставших алыми ушей.

На языке парикмахерш это называлось «сделать из тебя человека».

Бабушке почему-то тоже нравилось. А жаль. Ведь когда-то Жене казалось, что у нее есть вкус.

Направляя послания в космос, попутно мама увлеклась буддизмом. От Будды она позаимствовала распечатанное на принтере «Если найти работу мечты, то тебе не придется работать ни дня в жизни».

Это выражение гордо висело на холодильнике, окруженное рецептами пирогов и салатов.

В непреложности этой цитаты мама несколько не сомневалась. Для нее она была аксиомой. Мама искренне считала, что живут они не так, как надо. А если уж женщина в чем-то убеждена, то она будет пытаться донести свои убеждения до домочадцев и до всего мира любым доступным способом. Из всех способов мама выбрала увольнение с работы. Женя с отцом не были уверены, что Будда что-то об этом говорил. Будде, наверное, надо было сделать какое-то примечание к своим красноречивым речам, а конкретно к этому диссидентскому высказыванию про работу мечты. Какую-нибудь ссылку, где бы он сказал, что ни к чему не призывает. По-видимому, Будде надо было не так уж и много. Скорее всего, он не собирал детей в школу и не скидывался на ремонт класса.

Он не слышал про ипотеку, и у него никогда не ломалась стиральная машина.

Мама же всю испытывала эйфорично-увольнительные настроения. Она сидела на кухне, включив на полную громкость Лолиту. Звонила подружкам и, нетерпеливо выслушивая их ответ на ее дежурное «как дела», выдавала то, что уже не могла больше сдерживать:

– Галя, я уволилась!

– Катюш, не поверишь. Уволилась я!

– Мишенька, привет, позови маму. Настя, золотая моя, здравствуй! Ну наконец-то. Теперь свободная. Уволилась!

Монологи примерно такого содержания Женя с отцом слушали весь следующий вечер.

Отсутствие работы и наличие свободного времени крайне опасно для человека без определенной цели. Мужики начинают пить, женщины – ищут спасение в эзотерике.

Так в мамину жизнь пришел фэншуй. Изобретатель фэншуй стал вторым после Мавроди ненавидимым человеком среди мужского населения России. Его стараниями отцы семейства по всей стране вынуждены были вертеть диваны и кровати, чтобы они не стояли острыми углами к двери, раскладывать кадки с цветами в определенном порядке и снимать со стен «неправильные» и «отрицательно заряженные» картины.

Потом мама ушла в трансерфинг. Мимоходом увлеклась книгами о множественной реальности. Ей не давала покоя мысль, что если вселенная бесконечна, то в какой-то из параллельных реальностей ее семья была богатой и обеспеченной. С этим мама мириться была не готова. Она хотела счастья и благополучия в измерении этом. Но так уж вышло, что им выпало проживать жизнь обычной рабочей семьи из Млечного пути.

В конце концов, окольными путями мама пришла к индийской медицине. По-видимому, она поняла, что с космосом каши не сваришь. На равных с ним общался только Стивен Хокинг, остальных смертных он не особо слушал. Индийская фармацевтика совершила захват и революцию в кухонной аптечке. Из традиционных лекарств оставила только аспирин и ушные палочки. Все остальное было беспощадно заменено какими-то таблетками с неясным назначением и непереводаемым составом. На вопрос «От чего они?» мама уклончиво отвечала: «От всего». Как и полагается, пахли они отвратительно. После застолий она пыталась всучить эти таблетки и отцу – с пояснением «от изжоги и похмелья». Отец стоически отказывался. К каждой инструкции прилагались фотографии каких-то ученых старичков в тюрбанах. Они блаженно улыбались и умудрялись светиться здоровьем даже через черно-белое фото. Маркетологи не зря ели свой хлеб. Эти старички смотрелись так же успокаивающе, как бабушки из деревни на пакетах молока. По-видимому, из-за этих таблеток вся Индия никогда не страдала похмельем и изжогой.

Затем еще три месяца резюме и собеседований.

На четвертый месяц космос вспомнил о посланиях и отозвался звонком из офиса. Мама, стоя босиком в прихожей, нервно наматывала на палец провод телефона, а затем, закрыв рукой трубку, крикнула стоящим в прихожей Жене и мужу: «Берут!»

С этим «Берут!» в квартире постепенно начали исчезать безделушки, непонятные поделки из перьев и тотемы из слоновой кости. Маме больше не надо было общаться с космосом. Взамен него появились вполне реальные люди – две ее подружки с новой работы. Вадима Зеланда мама не моргнув променяла на Ингвара Кампрада. Ни один школьник не бе-

жал тратить обеденные деньги на мороженое, как мама бежала в Ikea после первой зарплаты.

Оказывается, если не брать в расчет новогодний корпоратив, работа приносит счастье целых два раза. Первый раз — когда на нее устраиваешься, и второй — когда с нее увольняешься.

Глава 5

addiction [ə'dɪkʃn] – *сущ. зависимость, пристрастие*

fallacy ['fæləsi] – *сущ. заблуждение, ошибка*

fairy tale ['fɛəri teɪl] – *сущ. сказка, волшебная сказка*

Отец почти не пил. Пара пятничных бутылок пива не в счет. Его друзья, как ни странно, не пили тоже. После этого становится понятным, почему программистов недолюбливают. То, что если человек не пьет и не курит, то, скорее всего, он сволочь, считал не только Чехов, но и почти весь их подъезд.

Зато мужики из их дома пили по-черному. Отец Рахманинова на их фоне даже немного мерк. Вообще, у русского человека особые взаимоотношения с алкоголем. Бутылка водки стояла абсолютно в каждом домашнем серванте. У некурящего человека вряд ли можно найти сигареты, а вот водку найти можно было даже у непьющего.

«Для гостей», для «натирать суставы», на «черный день» – список можно продолжать бесконечно.

Да и само выражение «зеленый змий» не звучит пугающе. На ум почему-то приходит Змей Горыныч из детских мультфильмов. Беззаботный, безобидный и простой – если не сказать, глуповатый. Большое – будто пивное – чешуйчатое брюхо, маленькие крылышки и общий инфантилизм нивелирует три огнедышащие пасти и острые когти. Такой точно никому не навредит. Дай бог, чтобы сам не поцарапался.

А вот мужики, которые пили, навредить могли. Они давали мартыновским печам женские имена и кидали в них стальные болванки. А вечером, открыв створки гаражей, пили и – чуть реже – пели. Иногда дрались. Но потом снова продолжали

пить и — чуть реже — петь. В перерывах что-то чинили и сверкали сварочным аппаратом.

В Женином лестничном кармане жил один из таких — крупного вида работяга, похожий на сильно запившего Илью Муромца. Продолжая тему русского фольклора, про такого можно было сказать «богатырь» и «косая сажень в плечах». Советская пропаганда немного лукавила, изображая алкоголиков субтильными доходягами. Эта дородная фигура, подходя к своей двери, заслоняла весь свет, пробивающийся с окна лестничной площадки. А пила не меньше. Правда, вряд ли жена дала ему лежать на печи хотя бы лишний час, не говоря уже про 33 года. В полседьмого утра его глухие шаги уже раздавались вниз по ступенькам. Женя его побаивался, и на его тихое и нерешительное «здравствуйте» тот никогда не отвечал — даже головы не поворачивал. То ли после заводской жизни его уши не воспринимали шум ниже 80 децибел, то ли он просто не считал нужным здороваться с каждым сопляком. Правда, напившись, он мог начать жаловаться подвернувшегося некстати Жене на жизнь, работу и зарплату. Получалось это скорее на мимическом уровне, нежели словесном. Сосед сотрясал пространство кулаками и выразительно хмурился, потому как язык уже его не слушался. Оставив затею, он махал рукой и мерил Женю недовольным взглядом — как будто цельного рассказа не получилось из-за Жениного неумения понять все с полуслова.

Его жена не была такой терпеливой, как у отца Рахманинова. А сравнение с Ильей Муромцем так и вовсе стало неуместным после одного случая.

Сидя дома за домашним заданием, Женя услышал звук резко открываемой соседской двери, а следом — женский голос на повышенных тонах. Женя ринулся в прихожую — в то

время под дверным глазком у него всегда стояла подготовленная табуретка. Взобравшись на нее, Женя прильнул к глазку. Сосед стоял у распахнутой двери и рыдал. Женя понял это не сразу — было трудно поверить, что эта скала, одетая в засаленную тельняшку, вообще может рыдать. Но именно это она и делала. Сосед размазывал слезы пятернями, которыми мог поднять на домкрате камаз.

— Горе ты мое, да что же мне делать-то с тобой, — жена выла, как неисправная сирена. Вой переходил в причитания, от чего становился еще ужаснее и невыносимее. Сосед бормотал что-то нечленораздельное и растирал волосы, как будто пенил голову шампунем. Его и без того красное лицо стало пунцовым.

Трагизм русских женщин описан еще классиками — крича и путаясь в халате, она вцепилась мужу в грудь. Тельняшка с треском стала рваться по шву.

Женя видел похожую ситуацию в какой-то комедии с чернокожими — загулявший муж вернулся домой, а дверь открыла его ярко накрашенная чернокожая жена. На ее голове были бигуди, а на лице — полное отсутствие уважения к притесняемому веками народу. Но скандалить получалось у нее на удивление смешно — выпучив глаза, она уперлась рукой в бок, а пальцем другой руки выводила перед лицом мужа отчетливые пируэты. Она чеканила слова, не престававшая буравить мужа испепеляющим взглядом. Тот вскидывал брови домиком и горячо оправдывался. Они быстро помирились. И действительно, можно ли долго обижаться на человека, который, сдув выбившуюся прядь волос со лба, говорит: «Ладно, тащи свою черную задницу к столу. И твой полоумный папаша опять утопил в супе свою вставную челюсть».

Здесь же не было ничего смешного. Жене хотелось отвести взгляд — казалось, он наблюдает за чем-то постыдным. Сосед напоминал огромного двухметрового карапуза, у кото-

рого отобрали соску. Он не закрывался от ударов, только чуть отводил голову назад и щурился, как от яркого света.

Семейная драма длилась минут 15.

Если коротко – в этот вечер сосед клялся, что больше никогда не будет пить.

Скорее всего, он даже ее не обманывал. Вернее, завтра он тоже напьется – это было ясно как божий день. Но в данную минуту сосед действительно ненавидел водку. Это мог бы подтвердить любой полиграф, а свои показания сосед был готов подтвердить под присягой на любом Страшном суде.

И наверное, в этот момент ему было действительно жаль – отчасти жену и проснувшегося ребенка, орущего из комнаты, но в большей степени ему было жаль себя самого.

Вообще, жизнь хоть и гораздо прозаичнее, но как правило, куда страшнее любой драмы – Женя вспомнил об этом, когда наводил порядок и наткнулся на лежащие на полке книжки про того самого Гарри Поттера. Он решил выбросить старый стеллаж и заодно избавиться от книг – читать он бросил уже давно. Взяв последнюю книгу из серии, он перелистнул несколько последних страниц в надежде уловить ностальгические нотки. Когда-то концовка саги о парне с зигзагом на лбу казалась ему пиком драматургии – сейчас же вызывала лишь усмешку и ощущение ненастоящего хеппи-энда. Все же Джоан Роулинг надо было отдать дописывать концовку какому-нибудь другому писателю – например, Сергею Минаеву. В его исполнении никакого финального побоища бы не было – Гарри Поттер втерся бы в доверие к Волан-де-Морту еще в четвертой части книги, замочив парочку неудобных тому добрых колдунов. Аккуратно плел бы интриги и в конце концов подсадил б Темного лорда – тот бы даже своим змеиным носом не повел. Интриганство, может, вещь

и не самая благородная, но оттого не менее изматывающая и нервная – в процессе плетения интриг Гарри Поттер неминуемо подсел бы на какие-нибудь магические порошки, делающие его волшебную жизнь еще волшебнее. Ведомый паранойей, он обвинил бы своих друзей в заговоре и послал бы куда подальше. Купил бы самую дорогую метлу и не обращал бы никакого внимания на ограничители скорости, а вдобавок осчастливил бы несколько молодых третьекурсниц – в общем, делал бы то, что на его месте делал бы любой уважающий себя избранный. В конце, правда, он бы раскаялся, прошел курс усиленной реабилитации от магически-наркотической зависимости, извинился перед друзьями и устроился в Хогвартс простым учителем.

Не нравится Сергей Минаев – пожалуйста, пусть отдаст концовку Ирвину Уэлшу.

Тогда бы все закончилось еще проще – на подлете к Хогвартсу Волан-де-Морта с его компанией скинули бы с метел и помяли фанаты-околофутбольщики. За невнятный прикид самого Волан-де-Морта и его свиты. Авада Кедавра – это, конечно, стильно и смертоносно, но как показывает практика, розочка из бутылки при должном обращении обладает всеми теми же свойствами. Да и чем «улыбка Глазго» не заклинание Круцио?

Но старина Уэлш не был бы собой, если бы под конец не раскрыл бы личность и прошлое самого Волан-де-Морта. Оказалось бы, что все его наполеоновские – а вернее, гитлеровские – планы по захвату мира возникли неспроста: в приюте тот подвергался домогательствам беспризорников постарше, а директор эксплуатировал детский труд. Такая нездоровая среда не могла не превратить перспективного волшебника в не менее перспективного злодея. Чтобы остановить порочный круг из растления и неоплачиваемого детского труда, миловидный колдун отрезал себе нос и спалил

брови, поклявшись отомстить всему миру и не волшебному сообществу. В общем, годился любой вариант концовки – но уж никак не роулингский.

Секунду посомневавшись, Женя отправил книги в большой 15-литровый мусорный пакет из «Ашана». Туда же отправилась серия энциклопедий «Аванта +». Выкладывать их на «Авито» Жене было лень.

Хотя, по Жениному мнению, были книги и похуже – больше всего его раздражали пособия в духе «как изменить восприятие, мыслить позитивно и сделать свою жизнь лучше – за год, за вечер, за 5 шагов». Отсутствие смысла маскировалось неубедительной мотивацией и модными терминами. Взятые из английского языка, да и просто модные словечки имеют свойство преувеличивать важность того, что они на самом деле означают. А зря. В конце концов, профессия «ассенизатор» тоже звучит весьма престижно.

Книжные магазины просто пестрели подобной беллетристикой. Половина из них учила, как заработать миллион, вторая половина утверждала, что этот миллион тебе не нужен. Женя все порывался посмотреть, не один и то же ли автор писал все эти пособия. Если с теми, что про «заработать миллион», еще что-то можно понять, то со вторыми все обстоит сложнее. Несмотря на то что они переведены на русский, для россиян они так и остаются написанными на иностранном языке.

Фабула и завязка у них проста и по большей части одинакова – последняя из прочитанных Женей книг была о том, как какой-то миллиардер, разочаровавшийся во всеобщей меркантильности и стяжательстве, задумался о душе и здоровой жизни, отказавшись от быстрых машин и быст-

рых углеводов. На этом он не остановился — поддавшись порыву, он раздал все свои миллиарды, ролс-ройсы, дома и ушел в монахи.

Читатели в недоумении. Все потому, что у «них» это называется «нашел себя», у «нас» же это зовется «ну совсем тронулся на старости лет». Когда на 60-й странице автор открывается читателю и рассказывает, какие чувства он испытал после того, как вдохнул аромат горного цветка, найденного где-то в Тибете, у большинства читателей еще не выходит из головы его рассказ про трехэтажный коттедж и бассейн с десятой страницы. По-хорошему бы надо переставить эти книги из раздела «Психология и мотивация» в раздел «Фантастика». Всунуть куда-нибудь между «Игрой престолов» и произведениями Толкина.

Далее по сюжету автор-миллиардер познал нирвану, оставил монастырь, построил лачугу и предался хобби, которому мечтал посвятить всю свою жизнь. А мечтал он вывести свой сорт не то яблок, не то помидор — оказалось, бывший CEO огромной компании с миллиардными оборотами, приближающиеся шаги которого в свое время ввергали в ужас подчиненных и отдавались у них в ушах похоронным маршем, все это время видел себя на грядке, с лейкой и в смешных кроксах. А еще он любил мастерить табуретки и отдыхать на них в свободное от земледелия время — по-видимому, сказывалось чувство вины за то, что последние 25 лет он провел на каждом стуле за тысячу долларов.

Жена его поняла и приняла, а это вселяло в Женю уверенность в том, что автор лукавит. Почему жена добровольно согласилась страдать от мужниных поисков смысла жизни — неизвестно. Вряд ли, возвращаясь из спа-салона, она думала о том, что через каких-то полгода вместо глины косметической она будет вымазана в глине строительной после совместной постройки избушки на отшибе мира.

Приехавшие коллеги бывшего директора щупали ему лоб, проверяли давление и наперебой обещали подобрать самого лучшего психиатра и самую лучшую клинику от избавления от наркотической зависимости. Лишь бы он вернулся в строй.

Но экс-миллиардер лишь одаривал их своей просветленной улыбкой и признавался, что все это время он из-за деревьев не видел леса. Посему он остается здесь, а коллегам желает счастья и здоровья.

Эти самые коллеги непонимающе хлопали глазами, брали протянутые им яблоки неизвестного сорта и в поисках ответа вопросительно смотрели на его жену – но та лишь пожимала плечами.

Тогда они, аккуратно ступая между свежевырытыми грядками, стараясь не запачкать брюки от Brooks Brothers, перешептывались и пятились к воротам. А потом уходили. Навсегда. Вот и сказочке конец. А кто слушал – тот доверчивая домохозяйка. Поиск морали, мотивы главного героя, да и сам он целиком и полностью отдаются на растерзание читателям.

Глава 6

reprobation [reprəʊ'beɪʃn] *сущ.* – осуждение, порицание
trustfulness ['trʌstfʊlnəs] *сущ.* – доверчивость, легкоеверие
concern [kən'sɜ: { } n] *сущ.* – забота, опасение

Хлопнула подъездная дверь. Вечерний Екатеринбург встретил Женю небольшим туманом и накрапывающим дождем, едва проступавшим мелкой рябью на лужах. Далеко на горизонте виднелись свинцовые грозовые тучи.

Застегнув молнию до самой шеи и подняв ворот пальто, Женя вышел из-под подъездного козырька.

Он жил в старой, но аккуратной пятиэтажке – пару лет назад местное ТСЖ постаралось и превратило этого архаичного кирпичного динозавра в этакий ретродом с закосом на добродушное гостеприимство. Жителей подъезда – а это в основном пенсионеры – у входа встречал ковер, а вернее, целых два: один, поменьше, прямо за подъездной дверью и второй, побольше, на ступеньках. Окна лестничной площадки были заставлены кадками с какими-то неприхотливыми домашними растениями.

Как-то там еще стояли и иконки, но их быстро кто-то прибрал к рукам. Набожная председательница ТС, вздыхая, от руки написала объявление с просьбой их вернуть – правда, никто не откликнулся. Стоить эти иконки ничего не стоили, так что разошлись, наверное, по дачам и торпедам автомобилей. Трудно сказать, оберегает ли от чего-то добытая таким способом икона, но Женю мало волновали вопросы религии и общедомовой собственности.

Председательница ТСЖ – а по совместительству она была еще и старшая по подъезду – каждое утро устраивала осмотр

подведомственной ей территории: сложив руки за спиной, с видом тюремного надзирателя она обходила двор, беспощадно сдирая с подъездной двери объявления спа-салонов и подработок и критично осматривала подъездные подоконники на предмет окурков и пивных крышек. «Сначала дай одному нагадить — там и остальные придут», — говорила она. Вряд ли она была знакома с теорией разбитых окон, но ее основные принципы она уловила весьма верно.

Председательница пристально всматривалась во все новые лица, появляющиеся в их дворе — так смотрят, не отводя глаз, только старики и еще не начавшие стесняться долгого зрительного контакта маленькие дети. Больше всего ее тяжелый взгляд ощущала на себе изредка собирающаяся во дворе молодежь — случись что, она бы без запинки составила фоторобот любого, кто околачивался у ее дома неделю назад. Вплоть до родинки за ухом и щербинки на переднем зубе. На прошлой неделе она уехала в сад на пару дней, и одна из таких компании смеха ради надела пустые пивные бутылки на ветки деревьев. Бормоча ругательства и проклятья, она принесла стремянку и снимала с веток эту инсталляцию из архауса и хамства. Она даже переборолла первобытный пенсионерский страх упасть и сломать шейку бедра.

Чем-то она слегка напоминала Жене его соседа с родительского дома, где он жил раньше. У того мужика зона наведения и поддержания порядка тоже не ограничивалась пределами квартиры. Возвращаясь со школы, Женя частенько заставлял его выравнивающим грядки, зашивающим сетку на дворовых футбольных воротах и красящим бордюры. Но к ТСЖ никакого отношения он не имел — просто местный доброхот, пытающийся спасти их маленький и уютный дворик от большого и дремучего декаданса.

Женя считал его слегка ненормальным — в России работающий без присмотра человек выглядит как минимум странно. Вымирающий вид — последний раз такие были замечены на мотивирующих советских плакатах, висевших на заводах. Завидев такого, начинаешь невольно озираться в поисках причины, которая заставила его пойти на такой странный шаг. Но не увидев участкового, следящего за ходом исполнения исправительных работ, начинаешь искренне удивляться.

Раз в пару дней этот мужичок спускался во двор со своим чемоданчиком с инструментами, внимательно обводил двор глазами и обязательно находил себе работу.

Парковались машины, бегали дети, хлопали подъездные двери — но этот самый сосед, присев на корточки, с невозмутимым видом прикручивал отваливающуюся от скамейки спинку крестообразной отверткой.

Курящие на балконах соседи — самые жесткие критики. Предвзятые и не очень. За те четыре минуты, пока сгорает крепкий Winston или тонкий Vogue, они успевают обсудить, кто как паркуется и кто во что вырядился. Так и здесь — их мнения разделились на «не, ну молодец мужик так-то, но ведь все равно засрут все» и «безработный, видать, вот и делать нечего». Выдвигались и версии о его импотенции — по мнению многих, именно при таком печальном исходе человеку могло прийти в голову начать облагораживать двор в пятницу вечером, вместо того чтобы коротать время с женой перед телевизором.

Про него даже можно было бы придумать какую-нибудь современную притчу — в духе того, что каплей в море человек все-таки смог накапать море. Может, и не такое большое, как у Хемингуэя, зато свое, маленькое и аккуратное. С красивыми скамейками, цветными бордюрами и зашитой на футбольных воротах сеткой.

Новую же квартиру Женя снимал за бесценок у бабушкиной старой знакомой — тети Тани. Есть такая категория бабушкиных и маминых подруг, с которыми ты знаком чуть ли не с пеленок, и даже повзрослев, обращаться к ним по имени-отчеству язык не поворачивается — слишком уж это официально, да и трудно обращаться так к человеку, который треть твоей жизни видел тебя бегающим в памперсе. Вот и тетья Таня осталась тетей, а не превратилась, повинувшись всем правилам этикета, в Татьяну Григорьевну.

В свою очередь, для тети Тани Женя тоже оставался тем самым Женей с детских фотографий. Она уже запечатлела в своей памяти так полюбившийся ей детский образ и принимать другой уже не могла.

Наверное, она была единственным человеком, который в свое время поверил в сбивчивое Женино «Теть Тань, да это не я курил, а ребята, я просто рядом стоял. Бабушке не говорите только». Поверила искренне — и ведь даже дыхнуть не попросила.

В детстве она всегда угощала Женю шоколадными конфетами и не досаждала рассказами про советскую власть — за это он был ей отдельно благодарен.

В отличие от всего остального престарелого населения двора, тетя Таня не сидела на лавке рядом с подъездом и не гадала, кто из забежавших с соседнего двора пацанов еврей или татарин. Почему-то под старость лет все бабульки становятся ярыми ксенофобами. Старушечьи методы определения национальной принадлежности, зачастую основывающиеся на чистоте футболок и зависящие от того, поздоровались ли с ними или просо пробежали мимо, тетю Таню мало интересовали. Она была выше этого.

А еще она классно готовила.

Взрослые искренне считают, что вкуснее у них дома, дети же уверены, что вкуснее всегда в гостях.

После похода в гости у родителей наготове был провокационный вопрос. У кого вкуснее – у нас или у тети Тани?

Тут следовало все взвесить. Это то же самое, если на невинный вопрос новой девушки о комплекции бывшей наивно признаться, что у прежней грудь была лучше. Женя врал, что вкуснее у бабушки – он с детства усвоил, что женщинам лучше говорить то, что они хотят услышать. Даже если речь идет пирогах.

Весь кулинарный талант тети Тани не ограничивался банальными пирожками. Тете Тане были под силу двухуровневые пироги и какие-то молодежные салаты с грецкими орехами, кинзой и сыром фета. Такими было бы не стыдно угостить даже Гордона Рамзи. Он бы попросил выключить камеру и спокойно наворачивал бы его столовой ложкой, восхищенно матерясь и бормоча что-то про мишленовскую звезду.

Пару раз тетя Таня даже готовила вместе с Жениной бабушкой. Две женщины на кухне – это война не на жизнь, а на смерть. В редких случаях – кооперация и слаженная работа по созданию кулинарных шедевров. Они успевали обсудить лекарства, новости и даже слегка поссориться, не придя к единому мнению в вопросе, сколько надо томить пирог в духовке, чтобы он поднялся. В соседней комнате Женя смотрел «Пауэр рэйнджеров» и представлял, как бабушки, затянув потуже фартуки, кладут свои ладони друг поверх друга и начинают творить гастрономическую историю.

Про таких, как тетя Таня, даже есть отдельная поговорка – что не плюй в глаза, все божья роса.

Но плевать в тетю Таню Женя не собирался – во-первых, относился он к ней хорошо, и когда та болела, исправно приносил ей лекарства и связку апельсинов, а во-вторых, здесь имел место и его шкурный интерес – все же освободить

старушкину квартиру в случае ее смерти ему не сильно хотелось.

Сама квартира, к слову, выглядела на удивление современно, и понять, что в ней живет пенсионерка, можно было лишь по расписанию приема таблеток, висевшему на самом видном в квартире месте – на зеркале в прихожей. Там же тетя Таня разместила записи об актуальных ценах на килограмм риса, сахара и муки. С карандашными пометками и стрелочками они напоминали выписку с фондового рынка, тщательно записанную биржевым брокером. Этакий ее личный индекс Доу – Джонса, только вместо поднятия курса доллара и удешевления барреля нефти тетя Таня пророчила повышение стоимости соли и обвал цен на гречку.

В самом низу даже были выведены пометки о ценах на бензин.

Машины у тети Тани никогда не было, зачем ей следить еще и за изменением цен 92 и 95 бензина. Наверное, до кучи – лишний повод пощекотать себе нервы.

В зале стояла большая стопка газет, перевязанных бечевкой. Судя по их количеству, собирала их тетя Таня уже как минимум пару лет – вполне возможно, это было что-то вроде ее личной «Википедии». А может, собиралась сдать на макулатуру, когда наберется приличный вес.

В остальном же квартира была очень аккуратной – никаких тебе, как это часто бывает у пожилых людей, сервантов с десятками рюмок и бокалов (и это-то у непьющих пенсионеров) и смотрящих на тебя через запыленное стекло многочисленных родственников со старых черно-белых фотографий.

Эти серванты Женя никогда не любил: выглядели они по-стариковски пессимистично и удручающе, а те самые фотографии с прадедушками и прабабушками, напоминающие Жене реквизит из фильмов ужасов, всегда хотелось упрятать подальше в какой-нибудь фотоальбом.

Почти на всех фотографиях были тети-Танины дети — сын и дочь, которые уже давно куда-то разъехались. Куда именно, Женя не помнил. Звонили редко — поздравить с праздниками и поинтересоваться здоровьем.

Старушка каждый раз искренне радовалась и даже записывала дату такого памятного звонка. Женя даже видел эти каракульки: «26.02 — звонил Вова», «27.02 — звонила Марина». Жили они в разных городах, так что, по-видимому, заранее кооперировались и договаривались, кто и когда звонит первым.

Женя же каждый раз верил — не менее искренне, чем радовалась тетя Таня, — что звонили они лишь с одной целью — узнать, не оправилась ли еще старушка.

Взаимоотношения поколений перешли на новый уровень, когда Женя рассказал тете Тане про вотс ап. С энтузиазмом пенсионера, осваивающего новые технологии, она вертела Женин телефон, пытаясь разглядеть фронтальную камеру.

Правда, экран казался старушке маленьким, а внуков, смотрящих на нее через шестидюймовую диагональ телефона, было много, поэтому раз в месяц она просила Женю принести ей ноутбук.

Тетя Таня готовилась к разговору по скайпу как к саммиту Большой восьмерки — причесывалась, надевала сережки и пудрила щеки.

Ее дети, правда, готовились к беседе чуть менее официально, предпочитая деловому стилю стиль неофициальный — майки и треники. Когда дежурные вопросы про погоду и здоровье заканчивались и начинались затяжные паузы, они звали своих детей — двух тети-Таниных внуков и внучку. Вставая шеренгой, карапузы односложно отвечали на ее вопросы и не задавали своих, торопясь поскорее отделаться от этой формальности и бежать дальше по своим детским делам. Тетя Таня смотрела на них с вожденной улыбкой и каким-то упо-

ением – Женя замечал, что в эти моменты одной рукой она теребила сережку, а другой – щелкала мышкой, как будто пыталась зажать курсор и перетащить всех троих оболтусов поближе. Наверное, при виде внуков и внучки у нее срабатывал древний тактильный рефлекс, знакомый только бабушкам. Правда, дать ему развернуться она не могла – дети и внуки приезжали очень редко. На Жениной памяти последний раз они были здесь пару лет назад.

Женя прекрасно понимал тети-Таниных детей. Они не были какими-то неблагодарными негодьями, но как только у них появилась возможность, они тут же поспешили вырваться из-под крыла (вернее, сдавливающих объятий) маминой гиперопеки. С их отъездом в другой город для них закончилась эпоха вечно завязанных вокруг шеи тугих шарфов, указаний быть дома, пока не стемнело, и регулярных вопросов о том, поели ли они – и это даже тогда, когда они обзавелись уже детьми собственными. Такой вот заботливый тоталитарный режим с сердобольным диктатором во главе. Свергнуть нельзя, а вот найти политическое убежище где-нибудь подальше – можно.

Парадокс заключался в том, что чрезмерная любовь напроць убивает любовь ответную – этого-то пронизательная и всезнающая тетя Таня понять так и не смогла. Хотя, наверное, и не стоило – это бы полностью испортило образ старушки-одуванчика и матери Терезы в одном лице, которая и накормит, и напоит, и одеялом накроет. А на обратном пути еще и беспризорного котенка домой заберет – для повторного проведения описанной выше процедуры.

Что касается разговора по скайпу, то такой телемост между тетей Таней и ее детьми заканчивался почти всегда оди-

наково — тетьа Таня всплакивала и сетовала, что совсем потеряла своих детей. Женя говорил ей что-то про взросление, птенцов, покидающих родительское гнездо, и цитировал не то японскую, не то индийскую поговорку в духе «ребенок — гость в твоём доме: накорми, выучи и отпусти». Поговорка казалась тете Тане слегка кощунственной, но к Жене она прислушивалась и кивала. Успокаивалась или нет — неизвестно.

А тех, к кому тетьа Таня всерьёз прислушивалась, было немного — Женя насчитал самого себя да Андрея Малахова, чей электронно-скрипящий из-за плохо настроенной антенны голос доносился из старого тети-Таниного телевизора.

Когда он изредка забегал к ней, то часто заставлял её за просмотром очередной остросюжетной программы — в последний раз, когда он пришёл к ней с ноутбуком, уже из прихожей он услышал драматические интонации ведущего телеканала НТВ. Загробным голосом тот рассказывал что-то про школьников и наркотики.

Тетьа Таня, забыв про прочитанную заметку в газете ЗОЖ о допустимом расстоянии сидения у экрана, прильнула к телевизору. Она свято верила, что нервные клетки не восстанавливаются, но в моменты вечернего выпуска новостей была готова пожертвовать последней из них. К месту и не очень ведущий сгущал краски, а слово «спайс» произносил с особой угрожающей интонацией, которую, наверное, несколько раз репетировал до эфира.

У руководства телеканала НТВ как будто был квартальный план по запугиванию и без того беспокойных старушек: утром они рассказывали им про убийства и грабежи, днём — про продажу наркотиков.

Вечером, правда, они рассказывали о паре морских львов, которых завезли в местный океанариум. Но старушкам до них уже не было никакого дела — какие уж тут мор-

ские львы, когда утром убивали и грабили, а днем — продавали наркотики.

Других программ тетя Таня не смотрела. Переключившись на какую-нибудь «Нашу Рашу» или «Камеди клуб», она кривилась, как доцент кафедры лингвистики от слова «звОнит». Женя несколько раз пытался донести до нее, что «Наша Раша» — это самая что ни на есть настоящая сатира на злободневную действительность. Высмеять что-то плохое и несовершенное — значит это самое плохое и несовершенное обезоружить.

Тетя Таня же считала по-другому. Больше, чем Галустян в розовом спортивном костюме, избивающий своих подопечных футболистов, ее ужасал Светлаков с Челябинского сталелитейного завода.

По ее мнению, смеясь над проблемой, ты ее принимаешь и таким образом с ней смиряешься. Протягиваешь руку и усаживаешь рядом с собой за стол. Отныне это уже и не проблема, а твой повод для гордости. Твоя исключительность. Изюминка. Твое «не так, как у других». Если проблему не замолчать, ее попытаются обелить — говорила она и тянулась за пультом. Она переключала канал и спасала футболистов от разъяренного Галустяна. Женя только улыбался — все эти переключения программ ему были знакомы с детства. Все-таки в чем-то все бабушки единоличны.

Зато новостям тетя Таня верила безоговорочно. Молодое поколение невосприимчиво ко всему тому, что доносится с голубого экрана. Отделять зерна от плевел может. Самым доверчивым написанное между строк вечернего выпуска новостей с удовольствием разъяснит «Медуза» и «Лента.ру».

Пенсионеры так не могут. Телевизор — их единственный друг. А друзьям принято верить. Как говорила тетя Таня, в ее возрасте все друзья и подруги либо уже поумирили, либо того хуже, впали в старческий маразм. Найти ровесницу, с которой

можно поговорить по душам, не скатываясь в старческое брюзжание, весьма затруднительно.

— Вот и начинаешь, — говорила она, — изливать душу кому-нибудь в очереди в поликлинике или троллейбусе. Вроде и понимаешь, что твое старушечье бормотание слушают исключительно из вежливости, но поделать ничего не можешь. Хочется знать, что тебя еще кто-то может выслушать. Хотя бы до тех пор, пока троллейбус не распахнет двери и не закончится очередь.

Выполнив дневную норму социальных коммуникаций, тетя Таня покупала кошачий корм и шла домой.

Да, она собирала с улицы котов — а что ей оставалось делать? Правда, судьба поступила с тетей Таней по-скотски. В первую очередь как с женщиной. Сперва она забрала у нее мужа, а потом наградила аллергией на кошек.

Тете Тане пришлось их всех раздать — оставила она только одного. Назвала Борей в честь почившего мужа. Универсальное имя — коту оно тоже подходило.

Кот был выманен из бойлерного подвала китикэтом, безразлично шагнул в тети-Танины объятия, а затем — в кошачий рай. Религии утверждают, что в рай, да и в целом на небо, животные не попадают. Но Боре было грех жаловаться — он попал к тете Тане. А это как минимум не хуже.

Кот упивался своим везением со всей присущей котам наглостью. Как и многие другие представители семейства кошачьих, он так и не усвоил назначение и смысл лотка. Но при этом был чуть ли не единственным котом, которого не тыкали носом в свои постыдства.

Тетя Таня считала этот дрессировочно-наказательный акт примитивным и грубым, а по отношению к Боре — так и по-давно.

Разумеется, такой символизм с именами не мог остаться простым символизмом — вскоре тетя Таня начала замечать у кота повадки мужа.

В сущности, кот был самый обыкновенный. Серый и лоснящийся британец, из тех, кто постоянно дремлет с полузакрытыми глазами и не подумает подвинуться ради тебя на кровати. И как любой кот, он спал до обеда и шарахался ночью. Но тете Тане это было неважно. Потому что точно так же делал ее Боря. Даже когда Боря нынешний съедал полмиски корма (съесть всю миску ему мешали слегка преувеличенные тетей Таней представления о том, сколько ест среднестатистический самец кота массой 5 кг), тетя Таня видела сакральное совпадение и в этом. Она вспоминала, как ее покойный Боря за утренним чаем съедал только половину шоколадной конфеты. Остальную половину он заворачивал и оставлял на вечер.

После смерти человека все его привычки становятся трогательными, а недостатки идеализируются. С особой теплотой почему-то вспоминается не абстрактное «был добрый и отзывчивый», а постоянные опаздывания, привычка курить на кухне и хождение по дому в обуви, чтобы проверить крапы или утюг.

Глава 7

doubt [daʊt] – сущ. сомнение, сомненье

migration [maɪ'greɪʃn] – сущ. миграция, переселение

inequality [ɪni:'kwɔlɪti] – сущ. неравенство, неравноправие

Таких пятиэтажек, наподобие той, где сейчас жил Женя, оставалось только две – с других сторон подступали одинаковые серые высоты. Они были от одного застройщика, который, по-видимому, ярким цветам предпочитал строгий урбанистический стиль. Правда, он перестарался, и панельные дома по цвету чуть ли не тон в тон совпадали с цветом асфальта – стоящие в ряд, они будто росли из него и были его продолжением. Казалось, после дождя они даже темнели одинаково. Вопреки ожиданиям и рекламе на баннерах, напоминали они почему-то не деловые апартаменты, а дома из фантастических фильмов про недалекое будущее, где все живут без чувств и эмоций.

На перекрестке пустовал закрытый магазин электронной техники, хотя на его стеклах еще оставались яркие баннеры со скидками на телевизоры или холодильники.

Магазины электроники переживали не лучшие времена – с появлением сайтов с китайским товаром народ убедился в том, о чем он уже давно догадывался: пластиковые чайники действительно могут стоить 150 рублей. Если главу «Алиэкспресса» найдут зверски убитым, первым делом надо проверить алиби владельцев «М. Видео» и «Эльдорадо».

Передвигаясь рваными траекториями и выбирая наиболее чистые места, чтобы не запачкать туфли, Женя вышел на проспект. Свой город он любил, хотя, как и любой человек, живущий в России, иногда грезил о переезде.

Но грезил он не настолько, чтобы зайти в интернет, поискать программы Work and travel, пройтись по требуемым за рубежом вакансиям и сравнить стоимость проживания в заграничных хостелах и общежитиях. Хватало его максимум на то, чтобы за чашкой кофе посмотреть пару видеоблогов, где наши вчерашние соотечественники машут руками в камеру и с упоением рассказывают, как хорошо тут, в Мюнхене/Праге/Бостоне.

Редкие истории успеха о том, как какой-то предприниматель из Перми, устав протирать штаны в кожаном кресле под гул офисного кондиционера, бросил все к чертовой матери, прихватил с собой шлепки, плавки и билет в один конец, оставив соседям на неопределенно-пожизненное время ключ от квартиры для поливки двух кактусов, Женя никогда не дочитывал — он в них не верил, а возможно, ему не хотелось допустить, что все может быть вот так просто.

Глядя себе под ноги, Женя усмехнулся — в голову почему-то пришло сравнение вечно собирающегося за границу на ПМЖ россиянина с семилетним пацаном, отчитываемым за невинный проступок чрезмерно строгим отцом.

Это когда после отцовой оплеухи ты сидишь на полу, размазываешь слезы по лицу и, не поднимая на отца глаз, кричишь: «Мне тут плохо, я от вас с мамой к Диме жить сбегу! Он вообще только с бабушкой живет и говорит, что я могу хоть сколько у него жить». Вот только все знают, что ни к какому Диме ты не сбежишь. И не потому, что тебя этот самый Дима со своей бабушкой не ждут, а потому, что у самого кишка тонка. Ссыкотно, говоря по-русски.

Запомнившиеся слова учительницы начальной школы о том, что «вас там никто не ждет, и никому вы там не нужны», навсегда засели в тогда еще детской голове, не привык-

шей к тому, что тебе, такому всему светлому и на пятерки учащемуся, где-то могут быть не рады.

Будучи ребенком, парировать сказанное и он не мог — спорить всерьез в этом возрасте еще никто не умел. Особенно с учителями. Редкие стычки с классной руководительницей проходили под восхищенно-гробовую тишину класса и заканчивались, как правило, просьбой достать дневник.

«Безобразное поведение», — каллиграфическим почерком «вторая мама» выводила приговор на полях Жениного дневника. Самый беспощадный и предвзятый судья с красным стержнем. Он же и прокурор в одном лице — про защиту подсудимого никто и слыхом не слыхивал.

Приговор вступал в силу через четыре часа, когда Женина мама возвращалась домой. Обжалованию, разумеется, не подлежал.

Зато сейчас он мог бы привести 100 аргументов в духе «Зато тут вы прям охренеть как нужны, в России. Как там, кстати, министерство образования? Балует вас?».

Вот только спорить-то было уже не с кем. Да и незачем.

Женя любил Америку. Идеализированной любовью человека, который там никогда не был. Вот там, считал он, все предельно ясно — если ты не родился в гетто и черным, то полпути к успеху ты уже прошел. Оставшуюся половину ты проходишь, когда получаешь высшее образование: эти ребята с квадратными цилиндрами на голове и в синих мантиях в пол не зря так широко улыбаются на выпускных фотографиях — они знают, что впереди их ждет светлое будущее. И придет оно к ним быстрее, чем подброшенные ради красивого кадра головные котелки с кисточками вернутся обратно к ним в руки.

В России не важно, где ты родился. Важно — у кого.

Блат и ушлость — две черепахи, на которых стоит Россия. Первая черепаха — самая старая, и не поворачивается язык сказать «мудрая». Ее панцирь — надежный и многослойный, а передвигается она неторопливо, отмеряя каждый свой шаг с какой-то успокаивающей покровительственностью. Вторая — более проворная и вороватая, с бегающими глазками и загнутым сильнее обычного клювом. Но на своих четырех она тоже стоит вполне уверенно. С ней трутся те, кто не боится флиртовать с Уголовным кодексом Российской Федерации. Но опять же не боятся как раз те, кто в ладах с первой черепахой. Круг замкнулся. «Остапобендеровщина» без поддержки сильных мира сего зачастую плохо заканчивается.

Блат нужен всегда и везде — начиная от выбора родильного отделения с большим телевизором и жалюзи и заканчивая хорошим местом на кладбище.

Блат — еще и самое лучшее подспорье для молодого юноши или девушки, начинающих познавать мир. Доверительно взяв за руку, он заботливо проведет тебя мимо тут и там расставленных грабель, на которые упорно наступают все твои ровесники. А если на них все-таки наступишь и ты, то он обязательно позаботится о том, чтобы на тебе не осталось синяков и ушибов. А злополучные грабли спишут и утилизируют.

Блат — это все равно что после слов «на старт — внимание — марш» начать километровый забег на своих двоих под руководством опытного тренера, в то время как твои соперники скачут за тобой в мешках под подбадривания детского аниматора.

Снующий народ торопливо набирал шаг, чтобы не попасть под усиливающийся дождь. Небо стало пепельно-серым.

Правда, пока существуют утренние новости, симпатичная (но не слишком смазливая — иначе половина мужиков уедет на работу с чувством сексуальной нереализованности, а их жены — с комплексом неполноценности) ведущая расскажет, что все не так уж и плохо. Наверное, у федеральных каналов есть целый штат сотрудников, ответственных за превращение обценной лексики в ободряющие эвфемизмы и эпитеты. Выражение «жопа с работой» становится «неоднозначной ситуацией на рынке труда», а «катится в ебень» их стараниями превращается в «идет своим самобытным путем». Несмотря на то что на часах 6:15 утра, за все 40 минут эфира ведущая так и не зевнула или хотя бы не поборолась с зевотой, имелись веские сомнения относительно вопроса, человек ли она. По всей видимости, размеры Солнца сильно преувеличены. Если бы оно действительно было таким большим, то найти под ним свое место было бы гораздо проще.

Глава 8

indifference [ɪn'dɪfrəns] – сущ. безразличие равнодушие

arrogance ['ærəgəns] – сущ. высокомерие, надменность

desire [dɪ'zaɪə] – сущ. влечение, желание

Пнув лежащий на обочине дороги камень, Женя поравнялся с магазином.

Зайдя внутрь, первым делом он двинулся к ряду с кофе – его он мог найти с закрытыми глазами. Ученые все никак не могут прийти к однозначному выводу – полезен кофе или все-таки вреден. Даже с вином уже вроде как давно все решили. А здесь не могут. «Ради кофе можно пойти на все. Даже на работу», – эта цитата Билла Гейтса занимала почетное первое место в Жениных заметках на телефоне. Он иногда записывал крылатые выражения и высказывания, чтобы козырнуть в разговоре с собеседником или превратить в тост на пьянке. Записывал, чтобы тут же их забыть и не вспомнить.

Прихватив с соседнего ряда две бутылки «Либфраумильх», Женя подошел к кассе.

Пикнув сканером пакет зернового Egoist, кассирша, молодая девушка с татуировками, на секунду задержалась глазами на двух бутылках. Выглядела она вполне ничего, но красная и пыльная спецформа магазина портила весь внешний вид.

– Вам есть 18? – подняла она глаза.

– Есть, конечно. А вам? – с ехидной улыбкой спросил Женя.

Женин вопрос был встречен каменным лицом. Продавцы в алкогольных магазинах давно привыкли к трезвым и не очень попыткам пошутить.

– Пакет нужен? – вяло поинтересовалась она.

Дождь усиливался, поэтому Женя решил поторопиться. Людей на улице почти не было – редкие прохожие, чьи лица уже не были видны под зонтами, торопились уйти подальше от проезжей части, чтобы не быть облитыми случайной машиной.

Заходя во двор, Женя услышал крик с детской площадки:
– Мальчик! Мальчик!

На детской скамейке под дождем сидела маленькая фигура, обмотанная в шаль. Издалека она походила на оставленный кем-то старый спальный мешок.

Женя, сделав вид, что не слышит, решительно шел к подъезду.

Он прекрасно знал, что этой фигурой в шали была его соседка этажом ниже – пенсионерка с, по-видимому, прогрессирующей деменцией. Она уже давненько теряла связь в пространстве и с окружающей действительностью.

Знал он и то, что она забыла, где живет, но сегодня помогать он ей не хотел – то ли из-за плохого настроения, то ли просто устав от того, что бабулька все никак не могла запомнить свою квартиру. «Ну и нахрена она выходит тогда? – озлобленно думал Женя. – Все сериалы на Первом канале закончились?»

Он часто встречал ее на лестнице между этажами – подняться для старушки на свой четвертый этаж было сравнимо с восхождением на Эверест. Она нередко зависала между этажами, но не для того, чтобы отдышаться. Она внимательно рассматривала двери на лестничной клетке, как будто видела их в первый раз. Даже сейчас, когда старшая по подъезду большими черными цифрами заботливо вывела номера этажей на стене, это не сильно облегчило старушке задачу. В квартиры она не звонила – то ли не решалась, то ли попр-

сту не знала, что сказать открывшим ей соседям. Так или иначе, те самые соседи ее часто там и подбирали, застывшую и растерянную. Пару раз так делал и Женя, но к тому времени, как он на нее натыкался, бабулька частенько забывала, возвращается ли она сейчас со своей прогулки (если, конечно, можно назвать прогулкой ее многочасовые посиделки на лавочке) или только собралась на нее. Это больше всего Женю и раздражало.

— Бабуля, не тормозим, решаемся уже скорее, — чуть ли не по слогам он обращался к растерянной старушке, сверля ее испытывающим взглядом. От укоризненно-раздраженного тона та еще только больше пугалась и терялась, поэтому вразумительного ответа Женя не получал.

Поэтому он достаточно быстро отбросил все свое самари-тянство и благородство. «Ну не за рукав же ее домой тянуть, в самом деле», — с этими мыслями он огибал маленькую растерянную фигуру, укутанную в шаль, и бодро перешагивал через одну ступеньку, оставляя ее наедине с решением этой лестничной головоломки.

На самом деле ответ на вопрос, почему ей так не сидится дома, был очень прост: именно тогда, когда жизнь от тебя уходит, ты начинаешь цепляться за нее обеими руками. И пытаешься взять от нее все — ну или по крайней мере то, что еще успеваешь и на что еще физически способен.

Еще в начале своей практики в приемном отделении он заметил, что все старики и старухи с неутешительными диагнозами, ходить-то уже толком не умеющие, которым лежать бы спокойно на больничной койке с какой-нибудь газетенкой, все куда-то рвутся, бегут, спешат. В них просыпалась прямо какая-то детская неугомонность — вчерашние доктора наук, заслуженные учителя и профессора вмиг превращались в больших и седых детей. И несмотря на дружные окрики мед. персонала, шаркающей походкой норовили покинуть

стены палаты, будто пытаясь убежать от смерти по коридорам больницы в дурацких одноразовых тапочках на два размера больше.

Думать об этом ему не хотелось, но одно знал точно – до такого возраста он доживать не хочет. Один психолог, какой именно – Женя уже забыл, писал, что, находясь в трезвой памяти, он клятвенно попросил своих детей при первых признаках старческого слабоумия сдать его в дом престарелых – мол, ему уже все равно будет, когда он перестанет детей и внуков узнавать, а для них – обуза с плеч.

Только вот этот психолог со своими грантами и дипломами не учел, что эта светлая мысль первой же вылетит из его головы и цепляться он за свою жизнь, пусть и бессмысленную, будет так же, как и другие.

Бабулька, не теряя надежды, продолжала его звать, но ответом ей послужила захлопнувшаяся за спиной Жени подъездная дверь.

Поднимаясь по ступенькам, Женя пытался отогнать эти неуместно нахлынувшие мысли о бытии – в самом деле, в планах на сегодня хороший вечер, а он тут все о смерти и больничных тапках.

Пройдя на кухню, Женя бросил пальто на соседний стул, достал из буфета кофемолку и засыпал туда свежие зерна.

Ободряющий громкий гул кофемолки и следовавший через несколько секунд терпкий запах кофе моментально подняли Женино настроение. «Вот ведь рефлексы, – подумал он. – Звук ужасный, как у соседского перфоратора в 10 утра в субботу, а уже слюни потекли. Все мы собаки Павлова по природе своей».

Потягивая свежесваренный кофе, Женя заказал небольшой набор суши по акции и две пары палочек – устраивать что-то масштабное ему было лень, да и представлять из себя большее, чем он имеет на самом деле, уже не требовалось.

Так что фруктовые тарелки, вымытые до блеска бокалы и чистая посуда в шкафчике у раковины в последний раз были замечены в тот вечер, наутро после которого Саша в первый раз уехала от него на такси.

Сильный поток ветра распахнул приоткрытое окно, капли дождя барабанной дробью застучали по подоконнику. Вдалеке послышался раскат грома.

Женя, зевнув, подошел к окну и окинул глазами двор.

Скамейка с престарелой соседкой уже пустовала. За много лет земля под этой грязно-желтой лавочкой уже притопталась, и та походила на маленький плот посреди опоясывающей ее большой лужи.

Саша, как всегда, приехала вовремя. Жене это всегда нравилось, он даже не раз ей говорил что-то в духе «Саш, ты же девочка, ты не должна приходить вовремя. Это дурной тон».

Саша была в красном пальто, бежевых брючках и туфлях на платформе.

– Кошмар, таксист не мог мой подъезд найти. Пришлось бегать и искать его. Да еще и дорогу показывать, – откинув мокрую прядь волос, Саша улыбнулась. В ее улыбке было что-то детское. Скорее всего, это было из-за резцов – они слегка выступали вперед, как это бывает у маленьких детей.

Женя помог ей снять пальто.

– Ты голодная у меня? Пошли на кухню, сейчас суши привезут.

– Ой, а я аспирин выпила... – рассеянно сказала Саша, пройдя на кухню и увидев две бутылки вина на столе. – Температура со вчерашнего. Можно мне кофе лучше?

– Сашууля, – театрально растянул Женя, – что же ты раньше не сказала? Я бы тебя не погнал к себе сквозь дождь и грозы.

«Хорошо, что не сказала, — подумал он про себя, прижимаясь губами к ее лбу. — Провести воскресенье в одиночестве мне точно не хочется».

— Слушай, и правда маленько есть. Ну ты у меня всегда горячая женщина была, так что ничего страшного.

Хихикнув, Саша села за стол.

— Ну что ж, тогда обе бутылки мои. Скажу честно, я на это и рассчитывал, — улыбнулся Женя. Убрав второй бокал в буфет, он достал из шкафчика штопор.

— Слушай, а есть градусник у тебя? — спросила Саша.

— Конечно, есть, — улыбнулся Женя. — Как это, у врача и градусника не будет.

После непродолжительных поисков в аптечке Женя нашел ртутный градусник с застывшими на нем 38,1 с прошлой болезни.

Встряхнув его несколько раз, он протянул градусник Саше.

Раздался звонок в дверь.

— О, а вот и романтический ужин, — сказал Женя.

— Приятного аппетита, — кивнула курьер, промокая до нитки женщина с капельками дождя на стеклах очков.

— Спасибо, ага. Не простыньте, — бросил Женя.

Вернувшись на кухню, он торжественно положил пакет на стол.

— Все для больной тебя, кушай. А в рыбе еще и омега-3 есть.

Женя налил полный бокал вина и сразу осушил половину.

— Ну рассказывай, что нового у тебя.

— Да ничего. Тут вот маму навещала в больнице.

— Ой, точно, там же с мамой у тебя... Как она, кстати?

— Да пока непонятно, все поправиться не может. Кашляет уже месяц. Вот анализы сдавать будет завтра.

Женя допил бокал и налил себе еще один. В уголках его губ появилась блуждающая улыбка.

— Знаешь, а я сейчас домой шел и бабушке не помог. Как думаешь, я в ад попаду?

— А что такое? Через дорогу не перевел? — Саша ехидно посмотрела на него.

— Да нет, там соседка достала уже. Каждый день во дворе теряется. Ей либо, как в лабиринте с Минотавром, надо веревочку от двери привязывать к руке, или как в том фильме, который мы с тобой смотрели, где мужик каждый день с чистого листа жизнь начинал. Ну где татуировки себе набивал с подсказками, чтобы вспомнить, что делать надо.

Саша укоризненно цокнула языком:

— Ну вот за такие слова ты точно в ад попадешь.

Хмыкнув, Женя выпил второй бокал и поставил турку на плиту.

— Что там у нас набежало, кстати? — спросил он, кивнув головой в сторону сжатого под мышкой градусника.

Саша достала градусник и, всмотревшись в ртутную полоску, удивленно произнесла:

— 36,6.

— Ну вот видишь, это я благотворно влияю на тебя, — не поворачиваясь, ответил Женя. — Пять минут общения со мной, и уже прошла температура, кожа стала упругой и гладкой, морщины разгладились.

— Вот только этих пяти минут нашего редкого общения мне недостаточно, — Сашин голос звучал слегка укоряюще.

Женя сделал вид, что не расслышал.

— Про че мы там говорили? А, про то, что я в ад попаду, — Женя налил себе бокал и небрежно сел за стол, закинув ногу на ногу.

— Ну на самом деле, я думаю, у меня уже есть билет туда за чревоугодие, алкоголизм и распутность, — на последнем

слове он с выжидающей ухмылочкой посмотрел на Сашу, ожидая цепную реакцию.

— А вот с последним поподробнее, — Саша театрально нахмурилась, слегка ударив вытянутой ногой Женю под столом.

— Да шучу я. Где ж я еще такое сокровище найду, — Женя демонстративно прижал руку груди. — Такого больше нигде нет.

— Ага, ты всем такое говоришь, наверное.

Женя самодовольно улыбнулся.

С полминуты они сидели молча. Тишину нарушали лишь падающие из крана редкие капли.

— А ты в рай и ад веришь? — вдруг спросила Саша.

— О, это целая тема для разговора. Моя любимая, кстати, — Женя, усевшись поудобнее, подобрал под себя ноги.

— Знаешь, мне вот нравится, что Омар Хайям говорит про это, — Женя, допив бокал, потянулся за второй бутылкой.

— И что он говорит?

— Ну вот дословно не скажу, там в стихах. Но общая мысль такая — что, типа, я вот живу здесь и сейчас и не знаю, попаду ли я в рай или ад и есть ли они вообще.

Бутылка открылась с громким хлопком.

— Поэтому живу, как считаю нужным. Если действительно будет там какой-то Страшный суд, то хорошо, пусть меня судят. Бежать-то уже некуда будет. Но все это будет потом, — Женя неопределенно махнул рукой куда-то в сторону. — А еще он говорил: простите, а если вы такие все из себя правильные, а в раю-то тогда есть вообще кто-то?

Женин бокал наполнился шипящими пузырьками.

— Хоть одна душа, а? Если чуть что — сразу в ад?

Сделав большой глоток из бокала, он остановился, как будто вспомнил что-то очень важное.

– М! И еще – надо грешить. Ну, скорее не надо, а можно. А то как ты прощение получишь, если не грешил? А через отпущение грехов-то в рай и попадают. Поняла, как у них система работает?

Саша слушала его со слегка снисходительной улыбкой, с какой родители слушают рассказы своих расфантазившихся чад.

– Нет, я уже маленько бухой, так что могу путано говорить, – заметив ее взгляд, сказал Женя. – А про рай: представь, вот стоишь ты перед воротами небесными, руки заламываешь, волнуешься. Нет, не волнуешься даже. Ты же не грешил, тебе че волноваться-то. Стоишь с тупой физиономией, как инфузория-туфелька в человеческом теле. Как провинциальный дурачок, который на экскурсию пришел и ждет, когда к нему гид подойдет. Тебя там ангелы встречают или апостол Петр. Список послужной смотрят, а тебя прощать-то не за что. Не грешил потому что. А как жил-то тогда? И жил ли вообще? Если не знал, что хорошо, а что плохо.

Женя почувствовал, как по его телу пошли мурашки – так бывало, когда после хорошей дозы алкоголя или травки он, как ему казалось, находил ответы на вопросы о мироздании.

Саша, положив подбородок на сложенные замком руки, улыбалась и не отрываясь смотрела на Женю.

– Все, понесло меня? – Женя взъерошил волосы.

– Да нет, мне интересно, – ответила Саша. – Это все тоже Омар Хайям говорил?

– Ну почти, это я интерпретирую. Вольный перевод.

– Понятно. А что там с собеседованием тем?

– Каким?

– Ну, которое по валютным рынкам.

– А, это...

На днях Женя ходил поклевать носом на какой-то семинар по валютному рынку. Офис трейдинговой компании располагался в большом бизнес-центре со стеклянными стенами — поначалу все выглядело заманчиво, но при ближайшем рассмотрении офис оказался нечто средним между лекционной аудиторией и большой картонной коробкой. Женя представлял все это немного иначе — он ожидал увидеть внутри если и не Уолл-стрит, то хотя бы что-то подобное. Если верить кинематографу, то, когда висящий на стене колокольчик пробивает конец рабочего дня, все как по команде ослабляют на шее галстуки и достают из кейсов, сумок и дипломатов пакетики с кокаином (он у них лежит где-то рядом с ланчбоксами, которые им собрали дома жены-модели). Тем временем в дверях появляются уже непонятно кем вызванные стриптизерши. Все это время сотрудники безудержно матерятся, несут похабщину и в целом ведут себя как какой-нибудь 7Б класс обыкновенной общеобразовательной школы. Хлопая друг друга по щекам и надрывно крича, всем своим видом они опровергают дарвиновскую теорию эволюции, ставя под сомнения все его доводы о *homo sapiens* как о венце творения.

Но здесь все было по-другому. Нога Мартина Скорсезе сюда не ступала. На входе всех приветствовала — вернее, должна была приветствовать, но корпела над каким-то бумагами — анорексичного вида блондинка. Не поднимая головы, она щелкала степлером и дыроколом, выдергивала из каких-то отчетов скрепки и вставляла на их место новые. Лицо ее сохраняло важную отрешенность, как будто она была секретарем на Нюрнбергском процессе. За ее спиной громоздился левиафан из коробок с бумагами. По виду они стояли там уже давно, и к ним никто не притрагивался — их толщина и забитость спасала их от риска быть разобранными и разложенными по папкам. Словом, если не считать играющего по офисно-

му радио Элджея, никакого намека на разнузданное веселье и отрыв не было. Неопределенным жестом блондинка махнула куда-то в сторону, где располагался лекционный зал.

Всю аудиторию, желающую познать секреты валютного и фондового рынка, составляли пенсионеры, студенты и домохозяйки. Женя усмехнулся. Чего и требовалось ожидать. Незабвенное трио всех подработок в городе, откликающееся на объявления в духе «работа 3 часа в день с зп 40 тыс. руб.». Настоящие городские бедуины. "Зарплата.ру" и «Хедхантер» водят их по всему городу, как Моисей по пустыне — они тоже что-то обещают и сулят, но только никому не известно, когда это «что-то» наступит.

К слову, по телеку с утра говорили, что средняя зарплата по стране — 40 тыс. рублей. «Скажите это сидящим здесь», — думал Женя. Кто сказал, что статистика — вещь скучная и серая? В ней ты молодой специалист 25–29 лет, ростом 180 см, вешишь 71 кг, ездешь на море каждое лето, имеешь форд фокус и полуторку. И пресловутые 40 тысяч в месяц. Многие из здесь присутствующих мечтали бы жить в этой статистике.

Все собравшиеся томились в ожидании заработать легкие деньги. Есть такое замечательное слово — «халтура». Такие слова раньше очень обожал Задорнов. Произносил лилейным тоном и даже с некоторой нежностью. Язык так и чешется сказать, что это уникальное и реликтовое слово есть только у нас, а у американцев, как водится, аналогов этому слову нет.

Искать его надо рядом со словами «авось», «наобум» и «сойдет». Это что-то вроде «подработки» или «калыма», только в отличие от этих двух, в «халтуре» слышится какая-то легкая небрежность и юление. Халтура — это работа, на которой можно и нужно не стараться. Короче говоря, будь она выполнена чуть хуже — заставили бы переделывать. А так — черт с тобой, бери деньги. Как-то так. Это пояснение для американцев.

Началась лекция. Вышел какой-то холеный брюнет лет 35 — представиться он забыл, но назвал себя куратором, после чего выкатил в центр пластиковую доску на колесах.

Почти без прелюдии он начал чертить графики и диаграммы. Это было его главной ошибкой — как только он закончил выводить какую-то параболу, напоминающую привидение из *Rasputin's*, то моментально растерял внимание половины аудитории. Некоторые из слушателей сидели с блокнотами и порывались туда что-то записать, но занося ручку, все время останавливались. Когда и что именно стоит записывать, оставалось неясным. По залу летала большая муха — ее жужжание вкупе со скрипом фломастера по поверхности пластиковой доски начинало напоминать какую-то новую экспериментальную пытку из Гуантанамо. Муха то садилась на плечо к ведущему, то, разогнавшись до космической скорости, летела между рядами в желании встретить свою смерть на чьей-нибудь переносице.

Несколько раз ведущий задавал вопросы и в ожидании, что кто-то подхватит его мысль, подыграет и закончит предложение, поворачивался в зал. Обратной связи не было — кто-то из приличия хмурил лоб и симулировал мозговую деятельность, большинство же сохраняло анемично-отрешенное выражение лица. Для полноты картины отчаянно не хватало пения сверчков.

Многие финансовые термины появились в результате заимствования из английского, поэтому их значение можно было понять без особого труда. Разумеется, экономический английский содержал свою специфичную терминологию, но Жене вполне хватало своего *Upper-Indermiddeate*. На свою беду, он ответил на несколько очевидных вопросов, чем заслужил безграничную любовь ведущего. Теперь весь оставшийся час тот поворачивался только к нему.

В какой-то момент Женя заскучал и стал незаметно рассматривать сидящих рядом с ним.

Слева сидела ярко покрашенная женщина, которая уже на протяжении 10 минут что-то искала в сумочке. Было ощущение, что внутри этой сумочки открылся какой-то косметический ящик Пандоры — за все это время из нее уже два раза с шумом выпадали тушь и помада.

Впереди, прямо перед Женей, примостился мужичок лет 50 — на вид бывший строитель или заводчанин. В офисах он до этого вряд ли сидел — это было видно по старой рубашке устаревшего фасона, с воротником, как у итальянских мафиози. От него разило потом и дешевым одеколоном. Чувствовал он себя явно не в своей тарелке — каждые несколько минут он стирал пот со лба и сухо кашлял, от чего стул под ним ходил ходуном.

Женя насчитал еще парочку таких же мужичков. Непонятно, каким ветром их сюда занесло. Возможно, все они проснулись с твердой решимостью бросить все и начать новую жизнь, сменив горячий цех с глуховатым и оттого вечно орущим начальником на просторный кабинет с видом на город.

Хотя, скорее всего, новая жизнь и Джим Керри из «Всегда говори да» здесь ни при чем — прийти сюда их вынудило увольнение или сокращение. Когда у тебя дома жена и ребенок, которые хотят есть, пить и одеваться, тут уж становится не до поисков себя.

Ведущий пригладил волосы и посмотрел на часы.

— Ну что ж, на сегодня все. Есть вопросы? — без особого энтузиазма спросил он. В ответ несколько человек отрицательно покачали головой.

Скрипя стульями, толпа неловким потоком устремилась к дверям. Многие закрывали блокноты, в которых так ничего и не записали.

Ведущий в середине лекции упомянул, что хороший брокер должен быть немного психологом. Что ж, в таком случае по лицам выходящих из зала людей он должен был догадаться, что сюда они больше не придут.

— Да херня очередная, — ответил Женя. — Ничего интересного. Очередное разводилово.

Он посмотрел на Сашу — вино давало о себе знать. После двух выпитых бутылок она казалась ему особенно сексуальной. Золотистые волосы, аккуратно лежащие на плечи. Правильные черты лица, изящные формы тела. Омара Хайяма и вопросы жизни после смерти постепенно вытесняли вполне земные потребности и желания.

«И ведь любит меня», — подумал Женя. Странные они, женщины. Вроде и материнские инстинкты, и женская интуиция. И взрослеют ведь раньше мальчиков. А выбирают все не тех. Не научились. Взяв ее за руки, он притянул ее к себе.

— Духи у тебя шикарные, — сказал он, укутавшись в ее волосы. — Это Boss? — целуя Сашины плечи, он увидел бретельку красного лифчика.

— Lancome, — ответила Саша, сев к Жене на колени и положив руки ему на плечи.

— Ох, опять не угадал. Обожаю красный цвет. Пошли в спальню?

Глядя в потолок своей спальни, Женя чувствовал Сашин взгляд. После секса он почему-то не любил смотреть девушкам в глаза, было ощущение какой-то незащитности и уязвимости. Обниматься почему-то сразу становилось душно, хотелось отвернуться и просто молчать.

В такие моменты он иногда жалел, что бросил курить. Он часто представлял картину из фильмов, когда главный герой,

закуривая в кровати после бурной любовной сцены (а в таких фильмах она всегда бурная, об этом свидетельствовали мокрые тела героев, стараниями съемочной группы обильно омытые водой с маслом), передает сигарету своей девушке, и оба они лежат на спине, выпуская в потолок облака дыма.

Правда, почти всегда в таких фильмах в конце кто-то из них умирал. Таковы уж каноны жанра.

И было одно но: лежать он хотел не с Сашей. Да и от сигарет зубы желтеют, в конце концов.

Женя взял в руки телефон и бессмысленно листал инстаграм, делая вид, что не замечает Сашу, опершуюся на локоть и смотрящую на него.

Сколько раз он порывался уже его удалить — уже и не вспомнить. Из всех социальных сетей именно в огороде инстаграма летели все Женины камни. Он листал ленту с видом человека, пришедшего в Кунсткамеру: вроде и неприятно, но уж очень хочется посмотреть. Настоящая свалка человеческих комплексов — и вместе с тем круглосуточный филиал дорогой и красивой жизни, помещающийся в твой карман. Ода гедонизму и культ вечного отдыха, а также беспощадная конвейерная лента, ежесекундно уносящая в конец страницы очередной кусок коллажного баннера: остановишься — и вот тебя уже не видно, а твое место заняли другие, не менее красивые, сисястые и спортивные. Успевай — история исчезнет через 24 часа, а вместе с ней — и воспоминания о тебе. В общем, настоящий праздник жизни. С самой жизнью, правда, там тугова-то, зато праздника — хоть отбавляй.

Если бы дедушка Фрейд был жив, он бы обязательно посвятил инстаграму отдельный трактат, а у его пользователей нашел бы зашкаливающее число комплексов, начиная от комплекса неполноценности и заканчивая эдиповым — а уж за ним бы не застоялось. А может, даже придумал бы парочку новых.

Полуобнаженные девушки в купальниках, вечно находящиеся на море. А если вдруг они почему-то не на пляже, а в офисе — то обязательно с букетом цветов, пока подписчицы ломают копыта и голосуют, стоит ли ей все же перекрашиваться в блонд или нет.

Здесь же — какие-то вечно замотивированные молодые пацаны с плохо сидящими галстуками, судя по лицам, недавно закончившие институт, но уже приглашающие тебя на свои бизнес-тренинги.

Отдельный привет от дедушки Фрейда был бы передан человеку, придумавшему лайки — рамки популярности теперь измеряются пиксельными сердечками. И сейчас уже трудно понять, как раньше без них определяли пределы привлекательности. С появлением лайков все соцсети неизбежно превратились в крупнейшие краудфандинговые площадки по их сбору.

Все бы было хорошо, и наверное, Женин цинизм мог бы иметь под собой почву и быть оправданным, если бы не одно но — он и сам был завсегдаем инстаграма в частности и других соцсетей в целом. Он не был взбунтовавшимся винтиком, который начал крутиться в другую сторону — крутился то он в ту же, что и все стальные, только при этом больше других ворчливо скрипел.

Вконтакте, фэйсбук и инстаграм — три точки равнобедренного Бермудского треугольника, в котором пропадает человеческая жизнь, и его жизнь не была исключением. У некоторых, правда, этот треугольник имел и другие точки, превращаясь в параллелограмм или параллелепипед — но суть всегда остается той же.

Женя отложил телефон.

— Ну что, по домам? — спросил он, изображая зевок. — Завтра на работу.

Фраза «по домам», произнесенная в своем же доме, хоть и не имела смысла, но уже и не звучала как «может, тебе домой пора?».

– По домам, – Саша, сидя на кровати, застегивала лифчик.

Женя открыл Uber. «Такси приедет через 12 мин», – высветилось на экране.

– Сашуль, с каким-то Муроджоном на соларисе ты сегодня едешь домой, – улыбнулся Женя, глядя в экран. – Напиши, как доедешь. А то заберут в гарем еще мое сокровище.

Саша, улыбаясь, надела блузку.

– Полежать еще хочется с тобой.

– Тоже хочется, но он уже через две минуты подъедет, не успеем. В следующий раз пораньше соберемся.

– Проводишь меня?

– Ага.

Дождь закончился, и лишь редкие капли, гонимые ветром, падали с листьев и отражались на поверхности луж. Пахло свежестью и мокрой травой.

У дальнего подъезда горели фары приехавшего такси.

Дойдя до машины, Женя открыл заднюю дверь.

– Давай, малыш, напиши, как доедешь.

– Хорошо. Увидимся на неделе?

– Обязательно.

Возвращаясь к подъезду, Женя думал о том, что сегодня он опять не выспится, и том, что ему хочется еще вина. А лучше чего-нибудь покрепче.

Глава 9

boredom [ˈbɔːdəm] – сущ. скука, тоска

disgust [dɪsˈɡʌst] – сущ. брезгливость, презрение

rescue [ˈreskjʊː] – сущ. спасение, избавление

Не зря ведь говорят: хочешь возненавидеть любимую песню – поставь ее на будильник. Вот и сейчас некогда любимая knocking on heavens door Боба Дилана заставила Женю щуриться, рыская по кровати в поисках телефона.

– Mama put my guns on the ground... – приглушенно доносилось из-под подушки.

Яркий экран слепил. Женя отключил будильник и сел на край кровати. Голова слегка звенела.

– Доехала, целую, – прочел он Сашину ночную смску.

Зайдя в ванную, он умыл лицо прохладной водой и потянулся за зубной пастой. Содержимого тюбика хватило ровно на горошину. «Прямо как в детской рекомендации по чистке зубов», – подумал Женя. Только присмотра взрослых не хватает.

Выйдя из ванной, Женя бросил взгляд на часы – без пятнадцати восемь. Выпить кофе он уже не успевал.

С прошлой недели заведующая взяла за привычку проверять пунктуальность своих сотрудников. Женя был практикантом, но ее это не сильно волновало. «Раз ты находишься здесь, значит, ты полноценный сотрудник», – беспрекословно заявила она в первый же день производственной практики.

Тот факт, что заведующая была женщиной, имел, в общем-то, свои плюсы и минусы.

Главным минусом было отсутствие возможности подарить бутылку хорошего коньяка, тем самым значительно сократив

пребывание своей скучающей физиономии в больничных стенах. Бутылка коньяка – самая надежная буква в языке взятки. Если бы у взятки был алфавит, то она была бы в нем первой. Язык, кстати, универсальный – его придерживаются и им свободно владеют многие университеты, больницы и другие государственные учреждения.

Если мужчина-начальник симпатизирует молодой практикантке, то это понятно сразу. Это означает, что она может приезжать к одиннадцати, а потом еще до часу пить кофе. Возгласы про похотливость и sexual harassment можно попридержать – мужчине-начальнику совсем необязательно от нее за это что-то хотеть взамен. Просто красивым и молодым девушкам принято все прощать. Звереть и доводить до слез начинают закомплексованные и сексуально нереализованные индивиды.

С женщинами немного иначе. Они могут испытывать к тебе даже влечение, но случись что, писать объяснительную все-таки придется.

Женя предполагал, что все дело было в женском отрицании своей продажности и отвержении малейшего намека на то, что ее можно купить. Так уж заведено, что мужчины склонны к взяточничеству гораздо больше.

Правда, благодаря природному обаянию и паре льстивых комплиментов он выходил сухим из воды, или как говорил его коллега по практике Макс, языком проложил себе дорогу к свободному графику.

Сам Макс уже получил первую небольшую выволочку, опоздав на каких-то 10 минут. Попивая чай в обед, такому настроению заведующей они нашли самое простое мужское объяснение, к которому не сговариваясь приходили все мужчины во все времена – муж не трахает.

Испытывать судьбу Жене все же не хотелось, поэтому он поспешил на автобус.

Опоздал он на дежурные 30 минут – но к счастью, заведующей еще не было.

Закинув пальто на вешалку, он поздоровался с Максом – судя по его виду, тот боролся с похмельем, и счет был явно не в его пользу. На его столе стояла кружка крепкого чая с двумя заварными пакетиками.

Макс относился к категории друзей, которые по окончании университета или увольнении с работы пропадают – ну или пропадешь ты сам. Без видимых на то причин – никаких ссор или разногласий. Ваше общение превращается в череду поздравлений с праздниками и взаимных обещаний созвониться и увидеться, когда вы наткнетесь друг на друга в супермаркете.

При других обстоятельствах они вряд ли бы сдружились – Женя считал Макса странноватым. Одевался тот в длинное серое пальто поверх какого-то старперского кардигана, да еще и ходил с огромными идиотскими наушниками. Как будто только что отошел от диджейского пульта – правда, он вроде как в свободное время как раз и занимался тем, что миксовал дома треки. Женя ничего не спрашивал о его хобби – боялся услышать в ответ оживленный и долгий рассказ увлеченного своей страстью человека. В прошлый раз Макс и так основательно подсел ему на уши, рассказывая о методике «геймификации». Отжимаясь или читая конспект, он воображал, что прокачивает силу и интеллект, как в какой-нибудь РПГ. И так до тех пор, пока не получит новый уровень.

В ответ Женя сказал, что из всех игр жизнь Макса больше всего напоминает «Марио». Только без спасения принцессы. Та, потупив взгляд, в конце игры сказала бы Максиму, что она все обдумала и решила остаться в замке с драконом. А такой,

как он, обязательно найдет себе другую. Даже лучше. Макс бы скакал все уровни назад, содрогаясь от всхлипываний и извиняясь перед оставшимися в живых черепахами.

Дружба для Жени была всегда чем-то необязательным, спустя какое-то время он как будто пресыщался общением: друзья начинали казаться навязчивыми, их шутки — тупыми и неуместными. Случалось это гораздо быстрее, если при всем этом человек не был для него полезен. Он часто менял компании, но в то же время не мог похвастаться наличием хотя бы одного друга, которого можно было назвать «лучшим». Хотя он редко занимал или брал в долг, а это уже по определению сводило шанс потери друзей к минимуму.

К дружбе он относился скорее как к договору взаимного оказания услуг, который заключался на определенный срок и мог продляться в случае взаимного интереса и согласия сторон.

Друзьям, которым он как-то на посиделках озвучил эту теорию договорной дружбы, по душе она не особо пришлась. Как и то, что этот самый договор Женя часто мог расторгнуть в одностороннем порядке, не придя на какую-то важную встречу или в последний момент изменив свои планы.

Утраченных друзей он негласно делил на несколько категорий. Одна из первых, так называемые клубные — об их потере, правда, он не сильно жалел. Отличительные черты этой категории были в том, что рано или поздно у тебя начинало складываться ощущение, что видишь ты их только через призму бокала, плотный дым кальяна и свет стробоскопа. В обычном и трезвом состоянии они как будто не бывают, а если и бывают, то торопливо стараются это неуютное состояние миновать. Пьянки — единственная нить, связывающая вас. Бросаешь нажираться по пятницам — и вот уже ловишь непонимающие взгляды и очень быстро перестаешь

именоваться «братаном» и «братишкой». Как будто настоящая дружба теперь проверяется не преданностью и стремлением выручить в трудную минуту, а готовностью распить бутылку вискаря.

Вторая категория, и самая Женей ненавидимая, это так называемые друзья, ушедшие под каблук. Те самые «жесткие парни», удобно или не очень устроившиеся под туфлей 32 размера.

Девушка такого друга постепенно обростала недостатками в Жениных глазах – и так до тех пор, пока окончательно не превращалась в последнюю суку, чего, по Жениному мнению, кроме него, никто в упор не замечал.

Масла в огонь Жениного сексизма подливало и то, что в выборе проведения досуга между ним и девушкой друг неизбежно выбирал девушку. Роль второго плана Женю не устраивала, поэтому ставший уже бывшим друг отправлялся на списание с пометкой «подкаблучник».

Психологи бы назвали это ревностью, но Женя называл это слабохарактерностью – не своей, разумеется, а того самого друга. Тот, забыв их трезвые и не очень клятвы, превращался в этакого Марка Брута, только вместо ножа у него был телефон с входящим на него звонком от «Любимой». Хотя каких-то пару недель назад она была простой «Маша универ».

Ну и оставшиеся друзья – это друзья, из которых он «вырос». Тут и так все понятно.

Макс задумчиво чесал свою слегка рыжеватую бородку, рассеянным взглядом уткнувшись в стену перед собой.

– Я, Макс, поэтому на виניшко перешел, – оценивающе рассмотрев коллегу, улыбнулся Женя.

Макс женится на первой девчонке, которая стерпит все его витания в облаках и оторванность от суетного мира. Про-

изойдет это где-то через полгода после их знакомства. Оба негласно признаются самим себе, что лучше они уже не найдут, а сказка про разбитое корыто с возрастом становится все актуальнее. Да и вообще, такие интроверты, как Макс, не ищут себе девушек в привычном понимании этого слова — они просто плывут по течению, а когда на их пути попадается такой же интроверт, хватаются за него и плывут дальше. Только уже вместе. Неторопливым кролем и подальше от всяких штормов и волн. А уже через год заведут ребенка. Потому что захочется ей. А она в свою очередь объяснит Макс, что это же хочется и ему. Изменять он не будет — не хватит фантазии и мотивации. Такие, как Макс, не используют адюльтер в качестве доказательства сохранения своего спроса на рынке отношений. Ему не надо никому доказывать, что он не на скамейке запасных — по той простой причине, что на ней он провел всю свою осознанную жизнь. Он наизусть помнит каждую шляпку гвоздика и каждую ее неровность. Там безопасно и тихо, а отдаленный гул кипящей где-то жизни доносится приглушенным эхом. И гораздо меньше шансов, что тебе разобьют лицо или сердце.

Мурашки по их спинам пробегут от силы два раза — первый, когда он ей на гитаре полупьяный сыграет Земфиру где-то на балконе в гостях, а второй — в загсе, когда будет надевать ей на руку кольцо.

Зона их общего комфорта сузится до 35 км² студии в ипотеке. Вечера выходных они будут коротать в торговых центрах, молча поедая запеченную картошку на фуд-корте после шатания по магазинам. Облюбуют кухонный гарнитур и зарекутся купить его в следующем году. Сексуальные желания будут подогревать купленным в «Интимисси» кружевным бельем (на ее ДР) и китайскими травяными настойками из секс-шопа (виагра — слишком топорно и прямолинейно, да и к тому же покупающий ее негласно признается себе и персоналу

аптеки в своей прогрессирующей импотенции), обещающими новую гамму чувств и продленный половой акт.

Это лайт-версия страсти — с мягкими стенами и без острых углов. Без общения с назойливыми бывшими и не вовремя догадавшимися обо всем нынешними. Взамен эйфории и тремора производитель обещает легкую усвояемость и отсутствие головокружения. Такую любовь презирали все поэты века этак с двенадцатого. Ну или когда там появились первые стихи о любви.

Отсутствие наполеоновских амбиций и готовность довольствоваться тем, что есть, здорово сберегает нервную систему. Нейроны Макса, наверное, говорят ему спасибо за его трезвый прагматизм в вопросе любви.

Залетела Настя.

А вот Настя — совсем другой разговор. Медсестра. Работает здесь полгода или около того.

Есть такие ситуации, когда после первого взгляда и пары слов ты уже понимаешь, что у вас что-то может быть. Когда заведующая представляла практикантов, Настя смотрела в Женины глаза чуть дольше, чем это принято при знакомстве. Это красноречивее всех тех остальных невербальных сигналов, о которых наперебой кричат все мужские журналы. Никаких поправлений волос или, упаси бог, закусывания нижней губы и перебрасывания ноги на ногу — все эти приемчики остаются на совести Шэрон Стоун из «Основного инстинкта».

— Не приходила она? — спросила Настя.

— Неа, сама еще спит, по ходу, — ответил Макс.

Настя, сев за стол, открыла косметичку и начала краситься.

Женя обвел глазами своих коллег. Макс перебирал бумаги на своем столе с таким видом, как будто видит их в первый раз, а Настя, приоткрыв рот, красила ресницы.

Да уж. Вот они, лучшие из лучших. Тройка будущих врачей, согнувшаяся под тяжелой ношей клятвы Гиппократа.

В приемном отделении Жене не сильно нравилось, а перспектива сидеть тут два месяца чуть ли не полный рабочий день, не получая при этом зарплату, нравилась ему еще меньше.

К тому же он был очень брезгливым, что не совсем характерно, и более того, совсем не приветствуется у человека его будущей профессии. Через приемный покой проходило множество людей – отличающихся друг от друга возрастом, полом и социальным статусом. В последнем и была загвоздка – сюда редко привозили домохозяек, которым стало плохо дома на кухне. В основном привозили тех, у кого как раз этого дома не было. Проще говоря, бомжей.

Гуманизм и сострадание не были чертами характера, которые Женя мог бы указать в своем будущем резюме. Каждого из таких пациентов он мерил самым презрительным из своих взглядов – обычно после такого взгляда полагается не менее презрительно сплюнуть. Ощувив этот взгляд на себе, незванный гость, так опрометчиво прибывший сюда на носилках и потревоживший Женин покой и гармонию, непременно бы извинился за беспокойство и поспешно удалился – вот только поступали бомжи почти всегда в бессознательном состоянии, поэтому доставить такое удовольствие Жене они не могли.

Оказание им помощи он считал не чем иным, как отсрочиванием их участи, неминуемой и предсказуемой в силу их образа жизни.

К его счастью, редкий алкоголик или бомж попадал к ним из-за порезанного пальца – в основном их состояние было или очень тяжелым, или критическим, поэтому их сразу везли в реанимацию, минуя приемное отделение.

Поначалу Женя не переставал удивляться, как далеко может зайти человек в своем саморазрушении.

Гангрены, открытые переломы, эмфиземы и некрозы – первые две недели практики утренний завтрак настолько часто подступал к горлу, что казалось, окончательно попадал в желудок и переваривался только к вечеру. Конечно, Женя не раз видел фотографии всевозможных травм в различных медицинских пособиях, вот только безымянные страдалцы, поименованные как Рис. 1 и Рис. 2, со страниц пособий не орали и, что самое главное, не пахли.

Женины же «клиенты» могли похвастаться и тем и другим. Каждый раз Женя тщательно мыл руки, щедро выдавливая в ладони антисептик – и это даже в том случае, если поступивших он даже не касался. Он всегда настаивал на том, чтобы держать окна открытыми, хотя это и запрещалось. Ему казалось, что разрезающий палату, резкий сладковато-спертый запах пятидневного перегара и грязного тела никуда не уходил, а проникал под кожу, оставаясь под верхними слоями эпителия.

Что касается процедур наподобие гигиенического душа, ванны или осмотра на предмет педикулеза, то в случае, если бы заведующая обязала его провести что-либо из перечисленного, он был готов разорвать журнал производственной практики и напоследок хлопнуть покосившейся деревянной дверью в палату, чтобы с нее слетела облупленная местами белая краска.

Дверь палаты открылась.

– Принимайте, – послышался мужской голос из коридора.

В палату торопливо внесли носилки с лежащим на них мужчиной лет 40. За врачами скорой помощи, несущими носилки, зашла женщина – по-видимому, его жена. Она что-то

причитала и металась между врачами, пытаюсь помочь, чем им же и мешала.

Мужчина дышал так, будто пробежал марафон. Его живот вздымался и опускался. Воздух из легких выходил с громким шумом.

Мужчину положили на каталку, врачи скорой ушли.

Подошла Настя и внимательно осмотрела пациента.

– Рассказывайте, – она подняла глаза на женщину.

– Да вот, с собакой гуляли, я в магазин зашла, он с ней на улице остался, – сбивчиво начала женщина. – Ну, с собакой. Выхожу, он на земле лежит. Я ему: «Костя, Костя», а он молчит. Ну я скорую сразу и вызвала.

Настя достала из стола фонарик и подошла к каталке:

– Константин, глаза откройте.

Реакции не последовало.

– Константин, слышите, что я вам говорю? Глаза открываем! – громко повторила она.

Ответом ей послужило неразборчивое бормотание.

Настя поочередно подняла веки больного.

– Так, на меня посмотрите. На меня! Теперь на палец.

Судя по всему, это простое задание давалось больному с трудом.

«Инсультник», – подумал Женя. Все, добежался.

Он поднял глаза – больной продолжал тяжело дышать, а в окружении врачей в белых халатах своим вздымающимся животом и неестественной гуттаперчевой позой он походил на выброшенного на берег кита, вокруг которого, перекрикиваясь, бегали чайки.

Настя узнала у жены больного его возраст, рост и вес.

– Макс, ЭКГ готовь, – сказала Настя.

– Щас.

– Так, Константин, сейчас магнезию поставим вам, – громко сказала Настя. – Будет жарко маленько, потерпите.

Больной замычал и начал нервно ерзать, сбросив одну ногу с каталки — по-видимому, напуганный словом «терпите».

— Костенька, лежи-лежи, сейчас укол сделают, — запричитала склонившаяся над ним жена. — Не вставай, родненький.

Она растерянно положила руки ему на плечи в желании удержать, но, боясь сделать больно, не делала для этого никаких усилий.

Костенька, мыча, стал приподниматься.

— Константин, лежите ровно! — громко сказала Настя, держа шприц в согнутой руке.

— Костя, не надо, — уговаривала его жена.

Женя равнодушно смотрел на происходящее — уговаривать его в таком состоянии было равносильно тому, что уговаривать не ерзать и не крутиться человека, положившего голову на эшафот. Зато Настя была очень сексуальна в белом халате — Женя давно заметил, что, когда она в нем, у него сразу возникает дикое желание схватить ее и уложить на больничную каталку прямо здесь, в палате — но ровно так же быстро оно и пропадает, когда она, снимая его и вешая на спинку стула, оказывается в повседневных джинсах и кофте. Да и какая тут каталка, если на ней, сука, этот стоноущий бегемот...

— Нне... не... — доносилось с каталки.

Настя с нетерпением посмотрела на Женю:

— Может, поможешь?

Издав вздох, означающий то, что справиться могли бы и без него, Женя убрал телефон и подошел к каталке.

— Слева держите крепко, — бросил он женщине, смерив большого безразличным взглядом патологоанатома.

Мужчина лежал с закрытыми глазами и едва заметно хмурился. В уголках его глаз скопились слезы. На серой кофте виднелись шерсть и черные следы собачьих лап — преданный барбос, по-видимому, всеми собачьими силами

пытался реанимировать своего хозяина, отчаянно вылизывая ему лицо.

Женя до побеления прижал ладонь больного каталке.

Поняв, что бежать некуда, тот перестал вырываться и обмяк, смирившись со своей участью.

– Так, все хорошо, уже почти закончили, – успокаивающе произнесла Настя. Женя слегка ослабил хватку. Ладонь больного безвольно повисла.

– Все, Константин, молодец. Жар чувствуете? – услышал он голос Насти.

– Уу... ммм... – больной издал звук, напоминающий утвердительный.

В палату зашел Макс с аппаратом ЭКГ.

Женя сел за стол и достал телефон. Макс просил больного не дергаться и цеплял к его груди датчики.

Этого представления со всхлипываниями и причитаниями ему хватило. К тому же время было уже без десяти четыре – самое время собираться.

– Что у него? – услышал Женя слабый голос жены пострадавшего.

– Пока точный диагноз не могу сказать, – ответила Настя. – Состояние тяжелое, будем электрокардиограмму сейчас делать.

– Всем счастливо, – бросил Женя, скинув халат и на ходу надевая пальто.

Глава 10

democracy [di'mɒkrəsi] – сущ. демократия, демократическое государство

choice [tʃɔɪs] – сущ. выбор, отбор

exercise [eksəsaɪz] – сущ. упражнение, тренировка

Вечером Женя все же собрался с силами пойти на тренировку. Организм, требующий комфорта в виде вечера на диване, всячески отговаривал его от этой затеи. Их преподаватель по физиологии всегда говорил, что с собой надо бороться, ведь мозг настроен на минимальное энергопотребление, и как следствие, деградацию. Правда, судя по его вываливающемуся животу, в этой борьбе он придерживался пассивного нейтралитета.

Выпив четвертую за день кружку кофе, Женя открыл ноутбук.

Во вкладках застыли два каких-то недосмотренных на половине сериала. В одной из вкладок надрывно голосила вездесущая реклама онлайн-казино. Теперь, чтобы посмотреть «Доктора Хауса», ты должен вытерпеть эпилептического вида ролик с летящими в экран купюрами. Трудно представить, чтобы сегодня у кого-то получилось обойти порносайты по популярности – но онлайн-казино с этим с успехом справилось. Кто-то по ту сторону интернета нас люто ненавидит. Им мало отправить нас спать с пустыми яйцами – теперь они хотят оставить нас и с пустыми зарплатными картами.

Идти на тренировку хотелось все меньше. Женя равнодушно щелкнул по иконке ютуба.

«Мотивирующие видео».

Enter.

Первый попавшийся ролик — брюнетка в лосинах с целеустремленным взглядом. «Интересно, с какого дубля получилось снять это героическое выражение лица?» — подумал Женя. Она взбежала на гору, прыгала через колеса от каких-то самосвалов, а затем на канате тянула за собой колеса поменьше — в общем, всем своим видом давала понять, что все атрибуты женственности она давно променяла на лозунг по rain — по gain, а в солярий и на шугаринг, судя по загорелой и ровной коже, она вчера просто так сходила. Пока для нее готовили полосу препятствий.

Женя едва досмотрел первый ролик до половины и закрыл ноутбук: мотивироваться от роликов с девушкой в лосинах — то же самое, что лечиться от депрессии сборником анекдотов.

Бросив в сумку спортивные штаны, футболку, потертые nike air max, как-то быстро вышедшие из моды и исчезнувшие с улиц, Женя вышел из дома.

На улице немного потеплело, и во дворе уже вовсю рассекали мамы с колясками.

Проходя мимо них, он услышал обрывки разговора о том, как какой-то Митенька вчера плохо кушал и как какой-то Димочка сказал очередную наивную детскую белиберду, до колик рассмешившую всех родственников.

Женя находил в этих разговорах нечто общее и неизменное — ни одну из сидящих на этой лавочке абсолютно не интересовало, что вытворил ребенок собеседницы. Цель — рассказать, что учудил твой.

Наверное, так общались первые пещерные люди, пока еще не способные к эмпатии, но уже начавшие постигать удивительные свойства диалога.

Такой вот незатейливый лавочный разговор мог продолжаться неизвестно сколько, пока Митенька не напрудит в шта-

ны и не запросится домой, а Димочка, не потеряв лопатку, а с ней и последний человеческий облик, начнет раздавать подзатыльники соседям по песочнице.

Детей Женя не особо любил – еще будучи школьником, лето он проводил в деревне, где жили его родственники и два мелких двоюродных брата. Нахождение с ними в одном, пусть и просторном деревенском доме было настоящим испытанием для его барабанных перепонок. Все, что делали эти два близнеца – это бегали и орали. Иногда еще падали, а затем снова орали. Все три месяца летних каникул для Жени были ядреным коктейлем из грязных пеленок, тошнотворно-сладкого детского питания и вечно орущего дятла Вуди с экрана телевизора. Женя, наверное, был единственным ребенком, который с нетерпением ждал Первое сентября.

А еще Женя любил сентябрь за выборы. Это сейчас при слове «голосование» где-то активизируется один оппозиционер, а остальные просто машут рукой. В том числе и Женя – все, что надо было знать о борьбе с ветряными мельницами, рассказали на уроке литературы, когда они проходили «Дон Кихота».

Тогда же это был целый ритуал. Дед, зная о любви внука к выборам, частенько брал его с собой на избирательный участок. Пока Женя нетерпеливо топтался в прихожей, дед не спеша расчесывался перед зеркалом. К выборам он готовился обстоятельно: тщательно брился, гладил брюки, и вообще, перед выходом из квартиры сам походил больше на кандидата, чем на избирателя. Женя был бы не против такой дедовской карьеры: армейская выправка, седые, но густые волосы, стройность и поджарость 68-летнего – не поворачивается язык сказать – старика могли запросто дать фору «молодежи» с агитационных листовок. Что касается последних, Женя искренне не понимал, почему одно лицо в синем галстуке должно внушать

доверия больше, чем такое же лицо в красном. На Женин взгляд, все они были абсолютно одинаковы. С экранов телевизора, настенных календарей и буклетов они в унисон обещали взять бразды правления в свои крепкие руки и прикрыть граждан своими широкими и, как ехидничал какой-то местный полужелтый журнал, татуированными куполами спинами. После такой форсированной атаки из обещаний рядовой избиратель наконец-то чувствовал себя оцененным и нужным — такие чувства, наверное, испытывает какая-нибудь затретированная отличница-дурнушка из американской комедии, к которой в одночасье вдруг повернулись первые школьные красавцы, а извинившиеся за все свои козни пафосные стервы торжественно вручили ей выпускную корону.

Родители депутатов как-то различали и даже спорили о том, кто из убаюкивающе улыбающихся Иванов Борисовичей и Петров Федоровичей сможет взять их всех за руку и привести наконец к светлому будущему. Ну или хотя бы отремонтировать дороги и детские площадки. Женина же гражданская позиция была простой и однозначной — набрать побольше булок и пирожков в столовой при избирательном участке.

Дети, вообще, больше всех обожают демократию — в день выборов всегда шумно, весело и кормят.

Правда, уже на следующий день после выборов вся эта волшебная плеяда вдруг куда-то пропадала. Буклеты и листовки выцветали на асфальте, а уличные щиты опять заклеивали рекламами магазинов бытовой техники и стирального порошка. Отличницу-дурнушку разыграли, а ее доверчивый восторг сняли на видео — теперь ее беспечно-радостное, но уже что-то начинающее подозревать лицо в съехавшей короне видела вся школа. Все возвращалось на круги своя. Депутаты ассоциировались у Жени с кем-то вроде Дедов Морозов для взрослых — те ведь тоже ждали от них чудес.

И для этого даже не надо было целый год вести себя хорошо.

Что же касается качества исполнения загаданных ими желаний, то тут Женя ничего сказать не мог — для любого ребенка в детстве семья и есть государство, со своими законами, казной и формой правления. В порядках другого государства разбираться как-то не приходится. Но судя по вздохам и сетованиям о том, что раньше жилось лучше, его родители тоже были одними из тех, кто получил мыльные пузыри и упаковку цветных мелков вместо долгожданного радиоуправляемого вертолета.

Женя вышел на остановку — там уже стояли несколько студентов, пара бабулек и представителей офисного планктона, дожидаящиеся своей маршрутки.

Автобус подъехал почти сразу — надев капюшон и наушники, Женя занял сиденье в самом его конце. По лицу кондуктора было видно, что совершать такой долгий путь для продажи билета, да еще и по ходящему ходуном автобусу, ей совсем не хотелось.

Листая на телефоне альбом Rammstein, Женя безуспешно пытался поймать тренировочный раж.

У входа в тренажерный всех посетителей встречала большая светящаяся вывеска, бросающая свет на растяжку с изображенной на ней парой — девушкой в чисто символическом белье и парнем с гипертрофированными мышцами рук. Измотанным и снующим проходим, иногда поднимающим на них голову, они улыбались белоснежными офотошопленными улыбками. Такая идиллическая пара из параллельного мира, в котором все как один подтянутые, спортивные и красивые, висит над каждым вторым залом любого города. Эта парочка будто смотрит на тебя с высоты трех метров и говорит: ты

не имеешь права быть другим. Хочешь стать успешным и что-то из себя представлять на рынке отношений — иди к нам.

В зале был час пик — пахло сыростью душа, дешевыми дезодорантами и сладким протеиновым коктейлем.

Женя занял беговую дорожку, стоявшую напротив окна. Стояла она таким образом, чтобы тренирующемуся открывался живописный — по мнению управляющего залом — вид на город.

Впрочем, из-за темноты на улице и яркого света в зале Женя видел в окне лишь свое бегущее отражение и тренирующихся позади него людей.

Женя вытер пот со лба — сердце уже стучало как после хорошего кросса, а он только начал тренировку.

Таймер беговой дорожки показывал шесть минут.

«Шесть минут, а уже сердечко колошматит», — подумал он. Надо с кофе завязывать.

Конечно, завязывать он не собирался. Примерно так же собирается завязать заядлый курильщик, который, почувствовав днем покалывание в сердце, зарекается сегодня же вечером скачать Алана Кара. И вспотевшей ладошкой тянется за спасительной сигаретой, как только это покалывание прошло. Алан Кар-то никуда не денется, а сейчас надо нервы успокоить.

Вытерев уже насквозь мокрым полотенцем пот со лба, Женя окинул глазами зал.

Парочка долгоязыких школьников, старшеклассников, по видимому, купив абонемент по какому-нибудь спецпредложению, нерешительно оглядывали зал, не зная, к чему приступить. Ощущался приближающийся наплыв «готовящихся к лету».

Группа мужиков-завсегдаев громогласно переговаривались о чем-то в другом углу, иногда заглушая вполсилы играющее в зале радио взрывами смеха.

Женя, размявшись, лег на скамью для жима штанги.

Школьники уже облюбовали гантели и делали сгибания на бицепс. «Классика», — подумал Женя. Стандартный комплекс новичка. Сейчас еще пресс поделают и по домам.

Во втором зале кто-то надрывно кричал — по-видимому, надрывался на приседаниях.

Когда-то в раннем студенчестве Женя, как и любой парень, подстегиваемый комплексами и растиражированным образом накаченного тела, исправно ходил в зал три раза в неделю, читал биографию Арнольда Шварцнеггера и презрительно обходил пивные ряды в супермаркете — но это было в прошлом.

Женя не считал, что он сдался и бросил тренировки из-за лени, махнув рукой на поставленную им цель — он предпочитал считать, что избавился от комплексов и стал воспринимать себя таким, какой он есть — немного долговязым и худым.

Так что напоминанием о былых спортивных временах служила пара старых травм в спине и коленях, стойкая нелюбовь к обезжиренному творогу и несколько банок изпод протеина, в которых тетя Таня хранила муку. На качков с плакатов в зале он уже не смотрел. Дизайном зала, как водится, занимался сам тренер, имевший свои представления о дизайнинге, поэтому на каждом метре стены висели ретроплакаты 80-х и 70-х. Беспощадный мужицкий декор — прямой, как удар поленом. Чернокожие ребята в очках, как у Терминатора, улыбались всеми венами на лбу, изредка приобнимали стоящих рядом девушек в купальниках. Почему изредка — да потому, что позировать с обеими свободными руками было удобнее. И никто не заслоняет твои выгодные ракурсы и рабочие стороны. Интересно, что сподвигло этих ребят в начале карьеры каждое утро начинать с овсянки и яиц? Может, в колледже их тоже задевали пле-

чами старшеклассники и отказывались идти на свидание девушки?

Судя по освобожденной площади и завезенным стульям на длинных ножках, в ближайшее время здесь ожидался фитобар с симпатичной девушкой-администратором, бананами и овсяным печеньем. Словом «фитобар» можно было гнать отсюда тренера, как ладаном — черта. Тренеру был знаком только второй корень этого слова. «Бар» — место, куда ходили мужики с его плакатов, чтобы отпраздновать первое место на «Мистере Олимпия».

Женя лег на скамью и поднял штангу. Опустив ее на грудь, он почувствовал легкое головокружение. Кровь начала приливать к голове, как будто он повис вниз головой. Стук сердца шумно отдавался в ушах.

Сделав глубокий вдох, Женя поставил штангу на крепления. Несколько секунд лежал на скамье, чтобы восстановить дыхание. Яркие люминесцентные лампы неприятно резали глаза, а музыка, доносящаяся из радио, оглушала, хоть и играла негромко.

Аккуратно встав, Женя подошел к кулеру.

«Даа, старичок, — подумал он. — Пора тебе тоже пресс сделать да домой двигать».

Почему-то вспомнились слова Сергея Шнурова про друзей-спортсменов, мающихся от травм, а некоторых и вовсе не доживших до сих дней, и их ровесников-алкоголиков, которые живут и бед не знают.

Холодная вода потихоньку привела его в чувство. Женя достал телефон, машинально листая соцсети.

Почему-то пришла мысль написать Насте — что он сразу и сделал.

«Не мог оторвать взгляд от тебя в халате;»), – написал он. Он знал, что она сейчас дома с мужем и писать подобные сообщения значило подвергать ее риску. Но он любил обозначать себя именно так – неожиданно и немного вульгарно. «Пускай маленько понервничает, – улыбнулся он, убирая телефон в карман. – Хоть какое-то разнообразие внесу в ее смертельно скучную семейную жизнь».

Сняв и бросив пластиковый стаканчик в урну, Женя пошел в раздевалку.

Головная боль и стук в висках не проходили. Он сел на скамейку в раздевалке и обессиленно сбросил кроссовки.

Сил оставалось лишь на то, чтобы приехать домой, выпить аспирина, и если повезет, залезть в теплую ванну.

Глава 11

miracle [ˈmɪrəkl] – сущ. чудо, диво

illegal [ɪˈliːgəl] – прил. незаконный, нелегальный

rebirth [riːbzːθ] – сущ. возрождение, воссоздание

Утром Женя проснулся раньше обычного – но на удивление, чувствовал он себя прекрасно. Напевая какой-то заевший радиохит, он поставил на плиту сковородку, капнул подсолнечного масла и разбил в нее три яйца. На столе стоял холодный зеленый чай, заваренный им вчера после тренировки. Сделав глоток и поморщившись, Женя вылил его в раковину. Там уже стояло несколько грязных кружек из-под кофе. Изнутри они были черными и напоминали жерло извергнувшегося на днях Везувия. Такие, после того как разобьются, автоматически попадают в керамический рай.

Ставя на плиту турку, он вспомнил, что после вчерашнего дня в холодильнике еще остались суши.

Распахнув его, он невольно усмехнулся – перед ним открывался типичный холодильник молодого холостяка: на нижней полке разбросанными патронами лежали сосиски, там же стояло блюдо с засохшими дольками лимона и солью – напоминание о субботней бутылке текилы. В самом углу полки стояла коробка молока – сомнений относительно давности ее покупки не было, поэтому она была отправлена в мусорное ведро даже без предварительного обнюхивания содержимого. Молочная продукция в холодильнике одиноко живущего мужчины рано или поздно превращается в нашатырь. Тестирование кисломолочки после сильной пьянки грозило немилым рвотным рефлексом.

На второй полке покоились заботливо переданные тетей Таней банки не то с вареньем, не то с аджикой – Женя в них не заглядывал и не открывал с самого переезда, из вежливости обнадежив старушку, что все было очень вкусно.

Позавтракав, Женя отправился на работу.

Приехал он даже за 10 минут до начала рабочего дня. «Раз такое дело, заслужил уйти домой на час пораньше», – подумал он.

Без двух минут восемь дверь палаты распахнулась, и на пороге показалась Полина Георгиевна – сегодня заведующая была вовремя.

Макс был на месте, а вот Настя, как всегда, опаздывала.

– Доброе утро, коллеги, – официально поприветствовала Полина Георгиевна нестройные ряды будущих представителей отечественной медицины.

Слово «коллеги» было произнесено с интонацией, сквозь которую отчетливо слышалось слово «подчиненные».

– А Настя где? – хмуро спросила она.

– Полин Георгиевна, ну вы что в такую рань пришли, – ухмыльнулся Женя. – Мы еще спим все, тут ночевать остались вчера. Настя зубы чистит.

– Я еще через пять минут зайду, – улыбнулась заведующая.

Дверь закрылась.

Женя стал наводить на столе какое-то подобие порядка, укладывая хаотично разбросанные записи и страницы в одну стопку.

– Прикинь, вчерашний-то оклемался, – услышал он голос Макса.

– Это который?

– Ну вчерашний инсультник. Мужик тот. Я сегодня с Димычем в курилке стоял с утра, так он говорит, тот ночью встал и пошел. Из реанимации, блин.

– Ну у них же, сам знаешь, глюки начинаются, они не контролируют себя. Двигательная активность наладилась, а мозги в отключке. – Женя собрал все бумагу в одну большую стопку и теперь думал, оставить ее так или разделить на две стопки поменьше.

– Так в том-то и дело, его схватили, давай обратно укладывать. Тонометр нацепили, у него там чуть ли не 120 на 80. Он все понимает. Где находится и почему тоже. На вопросы отвечает. Говорит: домой надо, я здоров.

– Да ладно? – Женя поднял глаза.

– Ага, они сами охренели. Анализы взяли, щас еще проверят, что и как. Но в общем-то, говорят, что он вполне здоров.

– Не, ну это вообще что-то новенькое, – задумчиво сказал Женя. – Я видел его, там все. Можно было уже веночки выбирать.

– Да вообще.

Забегала Настя.

– Мы Полине сказали, что ты в медицине разочаровалась и пошла флористом устраиваться, – ухмыльнулся Женя.

– Приходила?

– Ага, сейчас снова должна прийти.

– Блин... – Настя, положив сумку на стол, стала торопливо причесываться.

– У нас тут чудеса, понимаешь ли, происходят, – подхватил Макс. – Люди встают. Этот вон уже человека похоронил и барбарисок на надгробие уже ему положил, – кивнул он в сторону Жени, – а ты спишь.

– Какие чудеса?

– Да я вот щас Жентосу рассказал. Вчерашний, которого перед обедом привезли. Я ему ЭКГ делал – там вообще все печально было. А ночью ожил сегодня.

– Ого... – расческа застыла в Настиных руках.

– Вот-вот.

– А сейчас как состояние?
– Да поздоровее нас с вами будет он сейчас, – ответил Макс. – Спрошу днем еще у пацанов.

Главной темой утра, да что там утра – всего дня, стало неожиданное выздоровление больного.

Макс гуглил какие-то истории быстрого восстановления после инсульта, но все они были приправлены хорошей долей вымысла. В основном это были байки о том, как сосед такого-то соседа, которого автор лично-то и не знал, разбитый инсультом, через неделю чуть ли не крутил на турнике солнышко.

Мягко говоря, верилось в это слабо, но сегодняшняя новость заставила циников в белых халатах засомневаться. Женья посмотрел на часы. Как всегда, время тянулось издевательски медленно.

- Макс, – позвал он коллегу.
- А? – поднял тот голову.
- Слушай, ты че сегодня вечером делаешь?
- Да не знаю пока. А че?
- Может, по ляпочке?

Макс оживился. На его уставшем бородатом лице появилась первая искренняя за утро улыбка.

- А давай.
- Отлично. Достанешь?
- Вообще не вопрос.
- Ну все, в восемь жду.

Макс появился на пороге без двадцати восемь – казалось, он пришел на свидание – от него веяло «Фаренгейтом», туфли были начищены, пальто казалось новым без привычных катышков и волос.

– Макс, ну ты прям жениться приехал на мне, – усмехнулся Женья.

– Ага, не дожدهшься, – улыбнулся Макс. – Я и пивка захватил.

Женя протянул руку за увесистым пакетом.

– Поверить не могу, такой обходительный, а еще бабу не нашел. Давай я в холодильник уберу.

Макс повесил пальто на вешалку.

– Айда в зал. Я щас второе кресло принесу, – сказал Женя. – Скажешь потом, что должен тебе по деньгам.

Женя сдвинул стоящие в комнате кресла в круг, поставив между ними журнальный столик. Достав из пакета две бутылки «Бада», одну протянул Макс.

Два звука открывающихся бутылок прозвучали почти синхронно.

– Ну что, давай за российскую медицину? – Женя вытянул руку и звонко чокнулся о бутылку Макса.

– Ага, чтоб росла и процветала, – ответил Макс.

Обжигающий пивной холодок приятно запузырился в горле.

– Ну давай, доставай там уже свой гербарий, – махнул он бутылкой в сторону Макса.

– Уже, что ли?

– Ну а чего тянуть. Пива и я без тебя попою.

Макс вытащил из кармана маленький комочек из фольги и небольшую металлическую трубку.

Женя предвкушающе потер руки.

– Жентос, слушай, – заговорил Макс, с аккуратизмом ювелира уплотняя содержимое трубки. – А вот тебе нравится твоя работа? Ну, чем ты занимаешься.

– Макс, – отмахнулся Женя. – Работа не должна нравиться. А то как ты будешь свободное от нее время ценить? Ты и не поймешь, что вот эти три оставшихся до сна часа – твой отдых.

– Не, я серьезно.

– Ну давай щас по одной выкурим и перетрем с тобой, – кивнул Женя.

Женя поднес трубку ко рту. От приятного хвойного запаха марихуаны слегка сводило скулы. Чиркнула зажигалка.

Женя сделал глубокую затяжку – легкие и горло обожгло дымом. Он жадно вдыхал его в себя, стараясь не выпустить раньше времени ни одной струйки.

Прокашлявшись и вытерев выступившие слезы, Женя откинулся на кресло.

– Ох, вообще забористая. Про работу ты начал. Ты вон посмотри на Настю или других парней из отделений. У кого спроси, вроде и не то чтобы нравится, но и взять и написать заявление на увольнение тоже повода нет. Это, Максимыч, самое опасное состояние, кстати, – Женя с металлическим звоном бросил трубку на журнальный столик. – Когда человеку плохо, ну прям совсем плохо, он что-то меняет. Но надо до точки дойти. Раньше мы не пошевелимся.

– Мы – это кто? – спросил Макс.

– Ну мы все. Народ наш в целом.

– А до точки дойти – это что для тебя? – продолжал допытываться он.

– Да хер его знает. Не знаю. Да блин, Макс, надо из Рашки валить. Нечего тут делать молодым специалистам.

– Я сколько тебя знаю, ты все свалить планируешь, – хмыкнул Макс. – А там че делать будешь?

– Ой, Макс, только не начинай эту херню про то, что хорошо, где нас нет. Избавляйся от этого упаднического мировоззрения. Это мировоззрение черепахи, которой еду протягивают, а она по привычке в панцирь прячется.

– Да не прячусь я никуда, – возразил Макс. – Вон заведующая у нас неплохо зарабатывает, пацаны знакомые у меня в частных клиниках реабилитируют за хорошие деньги. У нас тоже можно карьеру сделать.

– Да куда там. Выстрадать если только ценой своего здоровья. Ты понимаешь, ну не должен человек, который лечит, получать меньше дизайнера, архитектора, фотографа и еще какого-то там херова специалиста по красивой жизни. Ну хоть убей, не должен.

Женя встал и сходил на кухню за пакетом чипсов.

– А знаешь, сколько в Америке врачи получают? – спросил он, вернувшись в комнату и высыпав содержимое в блюдце.

– Прикидываю. Но у них и жизнь дороже, – ответил Макс.

– Хорошо, завтра на работу придешь с утра – забей в инете ради интереса. Сколько стоит там у них за хату платить, сколько еда стоит и сколько зарплата в месяц. У врача в Америке. Любого причем, я тебе не про стоматолога и кардиохирурга говорю. Расскажешь потом Димычу в курилке. Поплачете на плечах друг у друга.

– Тут видишь, с какой стороны посмотреть, Женек, – возразил Макс. – У меня у сестры в вузе на лингвистическом два пацана из Венесуэлы учатся, так те счастливы, что у нас еда на полках в супермаркетах есть и на улицах не стреляют. Большого им не надо.

– Макс, да этим сравнением с детьми из Африки нас с тобой с самого детства на место ставили, – сказал Женя, отправив в рот горсть чипсов. – Типа: а кому-то еще хуже, чем вам, и ничего, не жалуются. Там, блин, уже дети эти африканские все выросли, и до сих пор все икают, и у всех уши горят, и икают. Я прям так и вижу – сидят они ночью вокруг костра жертвенного, и тут давай икать один из них. Прям, знаешь, хоть убей, а остановиться не может. Самый молодой спрашивает: а что это за херня с ним? А те, кто постарше, отвечают: да не обращай внимания, пройдет скоро. Его просто сейчас в России в пример приводят.

Макс расхохотался.

– Давай еще одну? – Женя почувствовал, как настроение неумолимо поднималось. Чипсы казались ему вкуснейшим деликатесом, а Макс – не таким уж и придурком.

– Давай, космополит ты комнатный, – Макс, кряхтя, потянулся за трубкой.

Через обожженное горло дым уже почти не чувствовался.

– Понимаешь, жить в России – это как сидеть на пороховой бочке, – просипел Женя сквозь кашель. – Половину пороха сперли, а остальное – просыпали. Но сидеть все равно, сука, страшно. И патриотизм этот тоже херня полная. Помнишь, как у нас в универе один был? Задрот этот, как же звали-то его. Говорил, типа, дети мои в России жить будут. А как учиться дальше поступать, так он что-то за границу поехал. И че, вернется, думаешь? Я вот его фотки смотрел из Калифорнии, и что-то на них не сильно у него рожа-то тоскливая была. И флага нашего я у него в руках не увидел. А вот я хотя бы честно говорю, что думаю, и не боюсь, – с вызовом сказал Женя.

Макс хмыкнул – не то с ободрением, не то с усмешкой.

– А я ничего не должен своей стране, – продолжил Женя. – Я не говорю, что терпеть ее не могу. – Он сделал глоток и задумчиво посмотрел в потолок, пытаясь поймать мысль. – Я так скажу. Мы с ней нейтралитета придерживаемся.

– Это как?

– Она мне как мачеха. Только знаешь, не та злая, из «Золушки», а обычная такая мачеха. Которая как-то пару раз тебе сникерс или конфеты давала с утра – ты радовался, а она просто завтрак готовить не хотела. А однажды уехала к подруге, а ты без ключей до самой темноты по дворам соседним шатался и насморк заработал. Под ночь приехала, вроде даже раскаялась. Обняла, утешила и спать уложила. Пообещала, что «акция» эта разовая была. Но мультик не включила – потому

что сама сериал смотрит. Вот наподобие такой, Макс. И день рождения у тебя в августе, а она тебе в подарок тетради купила, дневник и набор шариковых ручек. В школу на Первое сентября. И ты стоишь такой, пытаешься задавить слезы и сказать спасибо, чтобы дрожь в голосе не слышалась. А потом закрываешься в комнате и навзрыд ревешь. Бросаешь ручки в стену, что аж колпачки разлетаются и закатываются под кровать. Ведь ты совсем другое просил. Когда еще две недели назад ей на кухне страницу из каталога «Лего» показывал. Вот такая она мачеха.

— Дааа, — протянул Макс.

— А одноклассники на линейке обязательно спросят, что тебе на день рождения подарили. И что ты им ответишь?

— Вот-вот.

— А знаешь, что самое прикольное? — продолжил Женя. — Это у нас исторически так. У нас в языке даже слово «утопия» созвучно со словами «топить» и «утопленник», но уж никак не вяжется с понятием какого-то идеального мира. Мне пока в школе на уроке литературы не объяснили, что же такое утопия, я всегда считал, что это что-то херовое. Типа, знаешь, такой логический ряд: девальвация, кризис, утопия.

— А ты заметь еще, — вставил Макс. — Про утопию только зарубежные писатели все пишут. Это прям их тема излюбленная.

— Ну это потому, если б наши стали бы писать — была бы совсем фантастика, — ухмыльнулся Женя. — Инопланетян и ведьм еще можно представить, но утопию в России — нет.

Женя сходил на кухню и принес две бутылки пива. Во рту приятно сушило. Хотелось много пить и много разговаривать.

— Слушай, ну вот бывает же так, — задумчиво сказал Макс.

— Что именно? — открыв бутылку, Женя протянул ее Макс.

– Да я про сегодняшний день. Про мужика этого. Вот когда ты последний раз видел инсультника, который встал и на следующий день бы пошел? Я вот видел одного мужика в том месяце, но того полгода таскали по реабилитологам, массажистам, прежде чем он пошел. А до этого он еще спортсменом был, марафоны бегал. В общем, все рубашки, в которых родился, он до дыр сносил. А вчерашнего видел?

– Ну тут реально чудо, – неохотно согласился Женя. – Я хоть и не верю во все это, но вчера прям судьба мужику второй шанс дала. Ну, если это только она не разминалась перед тем, как его второй раз настигнуть.

Макс задумчиво почесал бороду:

– А вот интересно, как она так выбирает?

– Кто?

– Ну судьба.

– Да хер ее знает, – Женя потянулся за бутылкой пива. – А есть ли она вообще? Я думаю, что нет. Тут как домино. Или кости. Ну выпало тебе жить – живешь. Нет – извиняй. Думаешь, судьбе есть какое-то дело до нас?

– Ну почему, – возразил Макс. – У каждого человека есть своя судьба. И каждой есть дело до своего человека.

– Пфф, – поморщился Женя. – Ты меня пугать начинаешь. Гляди проще. Это как в анекдоте. Вопреки всем стараниям врачей, больному удалось выздороветь. Так и тут.

Женя бросил взгляд на полупустую бутылку.

– Ты, Макс, если бы о судьбе думал, то больше бы пива купил. А так мне судьбой сегодня уготовано трезвым спать лечь.

– Мое можешь взять, – Макс махнул неопределенным жестом в сторону кухни.

– Ну если настаиваешь, – поднялся с кресла Женя.

– Ты переоцениваешь наше существование, Макс, – донеслось из кухни. – Мы вон позавчера здесь, на кухне,

с Сашкой сидели и обсуждали. Все же очень просто. Родились, пожили и померли. И никаких тебе скрытых смыслов. Представь, что судьба — это матерый двоечник, перед которым сердобольная и до последнего пытающаяся вытянуть его учительница пишет фразу «казнить нельзя помиловать». Как он поставит запятую — это дело случая, правил русского языка то он не знает. 50 на 50.

Довольный своим убедительным сравнением, Женя выглянул в комнату, посмотреть на реакцию Макса.

В желании поспорить тот, в свою очередь, даже развернул кресло в сторону кухни.

— Так по твоей логике, мы как животные с тобой тогда. Ничем не отличаемся. Можно на четвереньки встать и начинать из миски есть. И искать, с кем спариться.

— Так мы этим и занимаемся, Макс. Всю жизнь. — Вернувшийся с бутылкой Женя плюхнулся на кресло и закинул ноги на журнальный столик. — Слушай, есть сигарета у тебя?

— Неа, не захватил с собой.

— Блин, а так хочется.

На минуту в комнате воцарилась тишина.

— Так на чем мы там остановились? — прервал ее Женя.

— Ну там про судьбу и что-то про твой цинизм, — ответил Макс.

— А, ну вот, — взбодрился Женя. — Давай возьмем религию. Чтобы уж быть совсем объективными, не будем отмечать теорию божественного происхождения. И тут, полюбуясь, налицо чистый эгоизм. Нас мало того что создали по образу и подобию, так кто-то всесильный еще и о нас печется. Заботится и присматривает. Правда, однажды потоп устроил. Конкретный такой причем. Но про это как-то не вспоминают. Во-

первых, было давно, а во-вторых, он тогда уж совсем не в духе был. Допустим, ладно. А вдруг мы все просто проба пера? Вот скажи, Макс, а Бог, если он есть, он же, наверное, тоже развивается? Мы для него давно уже как первая, «вступительная» табуретка в строительном училище. Он уже далеко вперед ушел. Мы как старый форум, куда после появления Facebook модератор уже и не заходил. Или как icq. После появления телеги, вайбера и вотсапа. В конце концов, может же у Бога быть свое сочинение «Как я провел лето»? Вот ты часто свое перечитывал?

– Ни разу, – ответил Макс. – Сдал в сентябре и забыл.

– Ну и вот. А он-то почему должен к нему возвращаться?

Макс задумчиво смотрел куда-то сквозь Женю, вероятно, обдумывая услышанное.

– Хочешь, я тебе скажу, как я считаю? – не дождавшись утвердительного ответа, продолжил Женя. – Ну вот сам даже головой подумай. Возьми все религии с раями, реинкарнациями и перерождениями. Понимаешь, мы настолько не готовы смириться с тем, что мы, все такие из себя уникальные и необычные, главенствующие над природой, просто вот так в одночасье умрем, – Женя щелкнул пальцем, – и все. Пустота.

– Да... пустота, – согласно кивнул Макс.

– Возмущаются сразу: а какой смысл тогда? Если это конец и дальше ничего не будет. А ведь если конец, то это, блин... ну, не круто это... – Женин словарный запас постепенно иссякал. – Бессмысленно тогда все, короче.

Макс вроде как понимающе кивнул головой – но скорее, не желая вступить в полемику.

– Но знаешь, мне спросить хочется: а кто из нас заслужил еще раз жить и перерождаться? Опять же на выходе получаем чистый эгоизм. Любой религией, кстати, порицае-

мый. Ты пожил, дай другому пожить. Закон сохранения энергии.

Макс, нахмутив брови, слегка приподнялся в кресле.

— Ну вот смотри, — сказал он. — А если ты не 80 лет свои отведенные прожил, а в расцвете сил умер. Машина сбила, или кирпич упал. Тоже не заслужил, получается? Или нет, вот так, — Макс поймал азарт от распирающих его мыслей и теории. — Если ты героем умер? Спасал из горящего дома людей, или тонул кто-то, ты его на берег вытащил, а самого в море унесло. И тоже не заслужил?

— А это уже неравенство, Макс. А любое неравенство спор рождает, — многозначительно ответил Женя. — Это ж, блин, основы обществознания. Ты представь, какие там, на небе, споры начнутся. Один вот жизнь прожил полноценную и от старости умер, а другой в 30 помер. Машина мчалась, перед ним ребенок чужой идет. Он его оттолкнул, а сам под колеса. Первый в небытии растворяется, а второй в рай прямиком? Так, что ли? И что, это честно, по-твоему?

— Нет, ну закон должен быть четкий...

— Я тебя умоляю. У нас вон на Земле тоже четкий. Я тебе расскажу, как будет, — Женя, убрав ноги со столика, устроился в кресле по-турецки. — Для начала эти твои два претендента на райские кущи поругаются, слов наговорят плохих, потом носы друг другу поразбивают. А через недельку кумовство начнется, взятки. Всю порочную практику с Земли на небо принесут.

— Какие еще, блин, взятки, — запротестовал Макс. — Кому там деньги нужны, на небе?

— Я не знаю, но поверь мне, придумают, — уверенно улыбнулся Женя. — Там, где есть человек, обязательно придумают. Вот давай, чтобы тебе проще было понять, на нашем примере, — Женя поставил бутылку на журнальный столик

и почувствовал знакомые приятные мурашки. — Допустим, ты стариком глубоким умер, а я — героем в самом расцвете...

Макс хохотнул, пролив на себя пиво.

— Героем? Слушай, вот че угодно могу представить. Как ты главврачом завтра стал. Как диссертацию о пользе моногамии в жизни мужчины защитил. Как... ну я не знаю даже... Но вот про героя не могу представить, извини.

Обоюдный взрыв хохота разорвал комнату.

— Слушай, Макс, к слову о моногамии. Надо было такую тему на диплом брать.

— Ага, я так и представляю это, — подхватил Макс. — Полный класс лекторов. Там Саша твоя, Настюха сидят в первом ряду. Это, как вы с Настюхой, кстати? — прервал рассказ Макс.

— Да пойдет. Зажигали у меня на той неделе.

— Спрашивает про тебя часто.

— Не сомневаюсь, — усмехнулся Женя. — Хорошо хоть, муж ее не спрашивает.

— А не боишься, что Саша узнает?

— Она? — Женя саркастично нахмурил брови. — Да откуда?

— Урод ты бездушный, Жека, — не то с укором, не то с завистью сказал Макс.

— Я? Нисколько, — возразил Женя. — Понимаешь, Макс, вот все женщины говорят: хотим надежности и стабильности. А вся соль в том, что эта надежность и стабильность им не нужна. Тут как у Григория Остера во «Вредных советах»: нравится добрый, заботливый, отзывчивый и уверенный в завтрашнем дне. По такой логике, ты должен спросом пользоваться. Как там в той песне старперской пелось? Бросайте, девочки, хороших мальчиков. А их и просить не надо было — они уже и так бросили. И на всех парах мчатся к какому-нибудь мерзавцу. За стабильностью — это не к женскому полу. Метаться — вот это по их части. Понимаешь, Макс, внутри любой бабы, даже самой тихони в балетках и застегнутой

до шеи блузке, сидит невидимый механизм, который срабатывает, как только она чувствует спокойствие и гармонию. А в семейный очаг, как ты отвернешься, вместо дров она плеснет бензина. Сгорит все, включая расстеленную медвежью шкуру, на которой вы вроде совсем еще недавно самозабвенно трахались. Представь: у тебя будет шикарный домик в Чехии на зеленых холмах, как в рекламе Milka. Чистый воздух, экология. Все дела. Утром полевые ягоды, творог, омлет и круассаны в кровать. В доме два этажа. Часы огромные в гостиной. Короче, идиллия. Живи — не хочу. Поверь, через пару месяцев окажется, что экопродукты уже ей в горло не лезут, к подругам в город ехать далеко, да и часы твои в гостиной чересчур мрачные. И она, как крестьянка на Руси, по лугам ходит за ягодами, а ты, сукин сын, как назло, всем доволен и светишься.

А главное, ей себя некому показать. А для женщин это сущий кошмар. Немец-молочник на велосипеде не в счет. Тот вроде и говорит: «Йа-йа», да только что толку. Он всем так говорит. Поганая европейская вежливость.

В общем, она ни на что не намекает, но на «Авито» она присмотрела неплохую двушку в центре города. Сказали, рассматривают обмен.

— Понимаю, — кивнул Макс. — Но с домом это ты далеко шагнул. Знаешь, какой момент я больше всего ненавижу? Вот звонишь ты ей поначалу, она всегда трубки берет. Над шутками твоими смеется. А потом в один день звонишь — а она не взяла. А потом видишь, что онлайн сидит и не топчется перезванивать. Или напишет, что ответить не могла — в лучшем случае. И вот тут ты понимаешь, что это начало конца. Когда тебе говорят: «Извини, но... Ты хороший, но...» И дальше на выбор — это одно. Это какая-никакая определенность, пусть и очень хреновая. А тут другое. Под-

вешенное состояние. Вроде это глупо, понимаю. Мнительность какая-то. Но...

— И что ты делаешь в таких случаях? — перебил его Женя.

— Ну, ничего, — пожал плечами Макс. — Пытаюсь как-то все исправить. Узнаю, что случилось.

— Да, Макс, случилось. А случилось здесь то, что ты идиот. Ты себя сразу позиционируешь как человек, который боится ее потерять. Знаешь, в чем твоя ошибка? Вот давай на примере. Ты как на первое свидание пришел, напомни-ка мне? Во-время и с цветами. Обосрался по полной, короча. Ну какая девушка тебя после этого уважать будет?

— А если ты был еще и в этом зеленом джемпере, — Женя критично осмотрел сидящего Макса, — то ты точно не оставил бедной девушке шанса полюбить тебя таким, какой ты есть. И насторожись, когда тебя в следующий раз хорошим назовут. Это неподходящее для мужика слово. Хорошей может быть погода на улице. Но не мужик.

Макс сдержанно улыбнулся, задетый высказыванием про джемпер.

— Знаешь, Жень, мне вот пофиг на общественное мнение.

— А вот это самое большое вранье, — ответил Женя. — Ты так говоришь, потому что я с твоим мнением не согласен. Был бы согласен, так ты бы мое общественное мнение одобрил. Все мы, Макс, ищем одобрения и признания. Даже если себе сами в этом не признаемся. Все. Начиная от звезд первой величины и заканчивая бабкой-мизантропкой, которая на два этажа подо мной живет. Даже Диоген — и тот выбрал бочку не где-то на задворках Греции, а посреди, блин, самой ее столицы. Где людей побольше. Чем тебе не пример, что даже аскетичность можно сделать... ну... эпатажной, во. Он и сам хайповать начал от своего дауншифтинга. Иначе давно бы встал, отряхнулся и свернул этот свой социальный эксперимент.

— Он, вообще-то, не в бочке жил, — поправил его Макс. — ...Вопреки распространенному мнению...

— Да какая, нахер, разница. В бочке, в коробке. Я тебе о сути. Вот как там пишут: «Хочу бросить все и сбежать на остров. И еще 10 книг с собой взять». Ну прочтешь ты их. Встретишь сотню закатов и рассветов. Собыешь палкой все кокосы на ближайших пальмах.

И окажется, что тебе даже некому похвастаться, какой ты здоровенный шалаш вчера отгрохал. И некому выслушать, какой ты позавчера здоровенный разжег костер.

Женя сделал два больших глотка. В горле пересохло.

— В общем, кто там говорил? Декарт? «Я мыслю, значит, я существую». Надо менять, не годится. — Женя задумчиво почесал переносицу. — «Я мыслю, меня слушают, значит, я существую». Да. Вот так будет лучше. А что насчет женщин... Понимаешь, Максим, женщин отпугивает мужская «безвредность». Любят в первую очередь то, что боятся потерять. Никто не боится потерять плюшевого медвежонка, который говорит: «Дорогая, я дома», когда ему нажимают на его плюшевый живот. Она должна чувствовать, что потенциально ты можешь взять и уйти. Как подводная мина — внешне спокоен, но при грубом обращении можешь сдетонировать. И тогда последствия будут разрушительны.

— Да это все маскулинный бред, — отмахнулся Макс. — Для доморощенных альфа-самцов. Любые отношения построены на взаимном уважении. Как-то же женились люди до появления «10 твоих фраз, которые ее точно отпугнут» на ютубе.

— Ну как знаешь, — пожал плечами Женя. — В таком случае торжественно объявляю, что в соревновании «Кто глубже

спрячет голову в песок» победил юноша в зеленом джемпере. Ура! – победно воскликнул Женя. – Обратите внимание, дорогие болельщики, из песка торчат одни лодыжки.

– А ты с юмором, я смотрю, – беззлобно проворчал Макс. – И ты опять меня перебил. Остановились на твоём докладе о моногамии, а ты снова на меня стрелки.

– Валяй, – махнул рукой Женя.

– Ну так вот, – продолжил Макс, – выходишь ты, значит, к пюпитру, весь такой помятый и с засосами на шее. Горло прочищаешь и объявляешь: «Роль моногамии и деструктивные последствия полигамии в жизни мужчины».

Женя прыснул со смеху.

– И слайды давай переключать, – воодушевленно продолжал Макс. – А там у тебя на самом первом картинке с фактами из природы – про волков, которые один раз выбирают себе самку, про розовых фламинго...

– Кого, блядь? – Женя не мог сдержать смех. – Фламинго? Может, лебедей?

– Ну и их тоже. А ты про фламинго много знаешь, что ли? Они тоже однолюбы.

– Так они в Красной книге поди, их там осталось-то штук 10. У них выбора нету, кроме как верными быть. Даже нет, не 10, – поправил себя Женя. – 11. Ты, Макс, одиннадцатый и есть как раз.

– Да пошел ты, – Макс бросил в Женю пивной крышкой.

– Ну ничего. Познакомишься как-нибудь с хорошей такой страусихой, заберет тебя в Австралию на медовый месяц. Устроите там пернатый беспредел, – хохотнул Женя.

– Не люблю я страусов, – ответил Макс. – У них морды утиные какие-то.

- Ну ничего, ради тебя голову в песок разок спрячет.
- Гондон ты, блин, – расхохотался Макс.

– Макс, – сквозь еле сдерживаемый смех голос Жени звучал как плач. – Макс.

– А?

– Я, блядь, представил ситуацию: кучка следопытов-орнитологов на ваше гнездо наткнулись посреди самого, так сказать, процесса. И в тот же вечер к научному руководителю подходят без лица просто все, глаза в пол. И самый смелый из них такой: «Это самое, Юрий Германович, а можно мы обратно к изучению рыб вернемся?»

Последнюю фразу Женя произнес, сползая на пол от смеха. Макс, лежа на диване, уже даже не смеялся, а издавал икающий звук – такой, когда, чтобы рассмеяться в полную силу, не успеваешь набрать воздуха в легкие.

– Р... р... рыб, – повторял Макс, с трудом выдавливая из себя речь.

Зазвонил Женин телефон.

Женя непослушной рукой вытащил его из кармана. Звонила Саша.

– Сашулька моя. Потеряла, волнуется, – Женино лицо расплылось в улыбке.

Макс хмыкнул что-то нечленораздельное.

– Учись, как с фламинго разговаривать надо правильно, – Женя поднес телефон к уху.

– Але, Сашуль, да, – развязным голосом ответил Женя.

– Привет. Удобно говорить? – в Шашином голосе слышались слезы.

– Так, отставить плакать, моя хорошая. Кто обидел? У Макса кастет пришел с Китая, сейчас с почты заберем и приедем.

– Мама... Рак у нее.

Расслабляющее минуту назад алкогольно-наркотическое опьянение, казалось, мигом исчезло. Женя молчал. На другом конце телефона слышались всхлипывания.

– Жень, что мне делать?

Так, так, так... погоди, – Женя усиленно растирал глаза рукой. – Кто сказал? Это уже окончательный диагноз? Рак чего?

– Рак легких, – Саша, не выдержав, разрыдалась. – Она даже не курила никогда.

Макс, услышав рыдания на другом конце телефона, вопросительно кивал головой в сторону Жени.

– Жень, я не знаю, что делать.

– Подожди секунду.

Женя поднялся с кресла и зашел в темную кухню.

– Ну сейчас самое лучшее будет – это успокоиться. Это все лечится сейчас. Главное, что сразу выявили и превентивные меры примут.

– Не сразу, – голос Саши дрожал. – Она уже давно очень кашляла, а в больницу вот только недавно легла.

– Саш, ну мы не специалисты с тобой в этой отрасли, – успокаивал ее Женя. – Давай дождемся прогнозов врачей. С раком часто ошибаются врачи, поверь.

– Думаешь? – услышал он слабый голос.

– Уверен. Ты врачам нашим не верь. Вон я тоже врач будущий. И посмотри на меня – разве можно верить мне? – попытался разрядить обстановку Женя.

– П... просто понимаешь, я не хочу одна остаться... Я... я...

– Сашуль, не останешься, поверь мне. Давай успокаивайся.

– Хорошо... – Саша шмыгала носом на другом конце провода. – Давай увидимся завтра? – добавила она спустя небольшую паузу.

– Конечно, давай. Можем развеяться, на стадион сходить побегать. Давай?

– Хорошо, давай.

– Ну все, завтра наберу тебе. Все хорошо будет, – подбодрил ее Женя.

Женя вернулся в комнату.

– Что там? – спросил Макс.

– Да так, ничего, – отмахнулся Женя.

Ему было немного неприятно оттого, что эта новость, от которой минуту назад у него по спине бежали мурашки, спустя пару минут не вызвала у него ни горя, ни каких-либо переживаний. Скорее какой-то дискомфорт, но не более.

– ...Вот просто этого не понимаю никак. А ты?.. – голос Макса как будто доносился из колодца.

Женя поднял голову.

– Ты говорил что-то?

– Это ведь даже не болезнь, – продолжал Макс – уже скорее сам с собой, нежели с Женей. – Мне иногда кажется, что это природой задумано. Ну сам посмотри – это как программа самоуничтожения. Как будто природа нас терпит, но перейди мы черту, она, как по щелчку, запустит таймер, и нас собственный организм убьет. И потом...

Что будет, по его мнению, потом, Макс не договорил, по видимому, его воспаленный и чувствительный от травмы разум еще обмозговывал все возможные варианты.

– Блин, я вот не знаю, – сказал Женя. – Что бы вот я бы сделал или ты, например. Если бы тебя перед фактом поставили, что скоро ты это... Ну, все, как говорится? – с этими словами Женя показал пальцем в потолок.

Макс, задумчиво проследив за направлением пальца, посмотрел вверх.

– Я бы... Ну это... Как в фильме этом, «Достучаться до небес»...

– Пошел бы банк ограбил и маме кабриолет купил? – усмехнулся Женя.

– Ну... че-нибудь такое сделал, – согласно кивнул Макс, не почувствовав иронии. – Мне бы там уже все равно пофигу стало.

– Да ничего бы не сделал ты. И я бы не сделал. Это только так кажется. – Женя отхлебнул из бутылки. – Ничего бы мы не сделали, Макс, – повторил он. – Заняли бы наши семьи денег на химиотерапию, отправили бы нас в Москву. Прошли бы мы ее. Врачи бы вокруг нас бегали, улыбались, статистику положительную приводили. Истории выдуманных ремиссий рассказывали. А через месяц под дружный родительский рев руками бы развели. И мы потом, лысые и похудевшие, у себя в комнате набухались бы и сдохли. Вот и все твое «Достучаться до небес».

– Я бы посмотрел на тебя лет через 40, – хмыкнул Макс. – Ты, наверное, самым поганым и ворчливым дедом в своем дворе будешь. Перед твоим лицом все ЖЭКи и почты будут табличку вешать «Перерыв».

– Перерыв мне бы щас не помешал, – зевнул Женя. – А ты можешь сыграть в вежливого гостя и такси вызвать.

Женя стоял в прихожей и рассеянно наблюдал за тем, как Макс надевал ботинки. Ложку Женя давно где-то потерял, поэтому согнувшийся Макс кряхтел, вставив указательный и средний палец под пятку.

– Давай, старик, до завтра, – попрощался Женя.

— Давай, — выпрямился Макс...

Входная дверь захлопнулась.

Зайдя в комнату, Женя не раздеваясь лег в кровать.

В комнате было темно, лишь из почти закрытого ноутбука просачивалась полоска света, слегка освещая противоположную стену.

Женя лежал и смотрел в потолок. Думать ему ни о чем не хотелось.

Накрыв глаза подушкой, он вскоре заснул.

Глава 12

assault [ə'sɔ:lt] – сущ. нападение, посягательство

infidelity [ɪnfi'delɪti] – сущ. неверность, измена

friendship ['frendʃɪp] – сущ. дружба, дружественные отношения

Новый рабочий день встретил Женю раздражающим мелким дождем, десятиминутным опозданием и неприятным миксом из алкоголя и травки во рту, от которого не спасла щедро выдавленная на щетку зубная паста.

Купив в автомате кофе, Женя сидел за столом, грызя одно-разовую ложечку и задумчиво рассматривая дымящийся пластиковый стаканчик. Улыбающийся Макс поглядывал на Женю из-за кипы бумаг на своем столе.

– Еле встал сегодня, – услышал его голос Женя. – Думал, руками глаза открывать придется.

– Вообще не говори, Макс, – устало протянул Женя. – Ну его нахер, теперь по пятницам лучше собираться. Я сам себя еле с кровати соскреб.

– Отмечали что-то? – спросила Настя, хотя скорее на автомате – она уже давно знала, что какой-то конкретный повод ребятам не требуется.

Женя откинулся на стуле и ладонями закрыл глаза.

– Макс, пробей там, какой праздник вчера был? Может, святых каких-нибудь или там именины у Максимилиана и Евгения.

Макс в ответ лишь широко зевнул, прорывав что-то нечленораздельное – в этот момент он был похож на льва из заставки «Метро Голден Майер».

– Ну в общем, какой-то праздник точно был, – подхватил зевок Женя.

Настя хотела что-то ответить, но ее прервала открывающаяся дверь – в палату зашел медбрат из скорой помощи – невысокий парнишка, из того типа людей, у которых из-за небольшого роста определить возраст становится затруднительно. Его имени Женя не помнил.

– Парни, помогите с носилками кто-нибудь, – обратился он, глядя почему-то на Настю.

Женя неторопливо встал.

– Пошли.

У входа в отделение стояла скорая помощь с открытыми задними дверями.

– Давай, ты спереди принимай, – сказал медбрат.

Ребята аккуратно вытащили носилки – на них, что-то причитая, лежала женщина лет 40. Верхняя часть головы была наспех перемотана бинтом, который, развязавшись, свисал с носилок, почти касаясь земли.

– Что с ней? – спросил Женя, внимательно всматриваясь в перемотанное лицо на носилках.

– Да сожитель ее, долбоеб, – врач из скорой сплюнул на землю. – Бухали вместе, ну и давай отношения выяснять. Ну и все, кулаки в ход пошли. Так этот мудака глаза ей почти выдавил, ладно соседи подросли.

– Охуеть, – изумленно ответил Женя. – Вот животное.

– Даа, куда катимся мы. Среди зверей живем.

Зайдя в палату, Женя с медбратом начали перекладывать пострадавшую на койку вместе с подоспевшим Максом.

– Нихрена помотало ее, – охнул Макс. – Где она так?

– Да бытовуха, как всегда, – отмахнулся Женя.

Он аккуратно, слегка приподняв голову женщины, стал разматывать бинт. На последних двух витках вокруг головы

бинт был полностью пропитан кровью. Женщина негромко постанывала и морщилась, как от яркого света.

Сняв бинт, Женя и сам невольно поморщился – зрелище было не из приятных.

Действительно, соседи подоспели вовремя.

Глаза женщины были полузакрыты, в уголках у переносицы скопилась запекшаяся кровь.

Взяв протянутый Настей фонарик, Женя посветил ей в глаза – вернее, правильнее было бы сказать, в глазницы.

Правый глаз пострадал чуть меньше левого – небольшая гематома, реакция на свет есть.

С левым же дела были хуже – слегка приподняв веко, Женя увидел залитый кровью глазной белок. Глазное яблоко было вдавлено, смещено.

Макс выключил фонарик и протянул его Насте. В этот момент женщина на каталке дернулась и схватила Женю за ладонь. От неожиданности он вздрогнул.

– В хирургию надо поскорее. Правый восстановят, с левым покопаться надо будет, – сказала Настя.

Настя подняла телефонную трубку, и подоспевшие через две минуты парни из хирургии укатали ее. Дверь палаты хлопнулась.

– Да, жестко, конечно, – Макс с шумом плюхнулся на стул. – Вот не могу еще привыкнуть к этому. Зубы там выбитые, носы, переломы открытые – это я могу. Но глаза... – он поежился.

– Да, пробирает прям до костей, – согласился Женя.

– Ну это, видишь, самый важный орган чувств. Поэтому от такого зрелища и страх сразу. Прикинь, без глаз остаться?

– Мне вот другое интересно, – сказала Настя, – что вот такого должен человек сделать, чтобы ему такого желать. Ладно желать – взять и сделать.

— Да вот самое что стремное — ничего, — ответил Же-
ня. — Вот я тебе отвечаю, она или посуду не помыла, или ему
бухому пожрать не приготовила. И пошло-поехало. Это рань-
ше такие зверства на войнах были, а сейчас дома на кухнях
происходят.

Остаток рабочего дня прошел относительно скучно —
за исключением двух парней с переломами, прибывших
с разницей в час (что удивительно, первый — упавший на са-
мом подъеме, но успевший заработать два таких неплохих
компрессионных перелома альпинист, а второй — тщедушный
парнишка, который после разрыва отношений счел самым ра-
зумным выходом нацарапать прощальную записку и прыгнуть
с балкона — отделался испугом, сломанной рукой и, судя
по всему, разбитым сердцем). Часа полтора пообсуждали са-
моубийц. Сошлись на том, что Курт Кобейн все же немного
поторопился. А влюбленным с разбитыми сердцами следует
выбирать этажи повыше.

Как это всегда бывает, самое интересное случается до тво-
его прихода. Тебе остается только слушать и жалеть, что ты
этого не застал. Настя рассказала, как пару месяцев назад
к ним поступила женщина с компульсивно-обсессивным рас-
стройством. Она была абсолютно уверена в том, что если она
не прижмет руку к горячей конфорке, то с ее детьми что-то
случится. Собьет машина или их похитят. Ее ладони преврати-
лись в гангреновые отростки, покрытые струпьями ржавого
цвета. Они даже не успевали заживать. Дети и не подозрева-
ли, что пока они бегали по школьным коридорам и плевались
из трубочек, их мама уродовала себя все новыми и новыми
термическими ожогами.

Часы в палате, казалось, подчиняясь одному им извест-
ному механизму, замедляли свой ход после обеда —
в 4 часа дня Женя понял, что оставаться на работе у него

не остается моральных сил. Тем более он пообещал Саше увидеться.

Женя снял с вешалки пальто.

— Если придет, — кивнул он в сторону двери, намекая на заведующую, — ребят, скажете, что дела срочные?

— Че, отсыпаться пошел? — с улыбкой поднял голову Макс.

— Нее, не время спать. Дел еще по горло, — с показной важностью ответил Женя, застегивая пуговицы. — Вы только сразу меня не обсуждайте, какой я козел, ушел пораньше, а вы тут сидите. Дождитесь хотя бы, когда до конца коридора дойду.

— Я-то за, Жень. А вот Настя-то — не знаю, хватит ли у нее сил на это, — развел руками Макс.

— Сам-то сейчас через полчаса свалишь, — смерила она его насмешливым взглядом.

Макс, улыбнувшись, не стал спорить и уткнулся в бумажки — по-видимому, против правды не попрешь.

Настя. Она даже «Извините» умела говорить таким тоном, что слышалось «Иди в жопу».

Когда тебя выбирают — это всегда приятно. Это знак твоего качества. Это значит, что в чем-то ты обошел десятки и сотни ежедневно встречающихся ей парней разного роста, веса, привлекательности, профессий и увлечений. Быть может — и скорее всего, — на ее пути попадался претендент и получше. Какой-нибудь юный бизнесмен с любовью в глазах и готовностью достать звезду с неба. Ну или хотя бы просто хороший парень. Но выбрали тебя. Тем более Настя, у которой был муж. Она единственная, кто заставлял его почувствовать неловкость. Она умела прожигать взглядом, вызывая стойкое желание опустить глаза и смущенно рассматривать носки своих туфель.

Все комплименты она принимала легким кивком головы и едва заметной улыбкой. Все сказанное о ней было ей уже давно известно.

«В тебе есть искра», – признался Женя, когда первый раз пришел к ней домой.

Вулкан не удивишь комплиментом о том, что в нем есть искра. Он из них состоит.

Пару раз он оставался у нее, когда муж был в командировке. Настя была его старше и замужем. Девушкам, как правило, превратить симпатию в нечто большее мешает официальный статус жены и отсутствие явных разладов и ссор в семье, которыми бы впоследствии можно было оправдать измену. Но Настя плевала на все условности с высоты своих 175 см.

Обе ночи у нее Женя нервничал и не мог расслабиться. Не у всех анекдотов про любовников хорошие концовки. Почти во всех из них муж все же заглядывает в шкаф и под кровать.

Чтобы расслабиться, Женя шутил без остановки и сам же нервно смеялся. Даже снимать рубашку ему до последнего не хотелось. С каждой расстегнутой пуговицей надежда придумать более-менее правдоподобную версию его здесь присутствия таяла на глазах.

Зато Настя порхала по квартире, как сама невинность, как если бы вместо практиканта с работы, лежащего на их с мужем кровати в одних трусах Calvin Klein, она привела домой младшего брата.

Если женщина решила изменить, то она уже не будет озираться по сторонам, шарахаться от каждой тени и прислушиваться к лифту на лестничной площадке. Настя была невозмутима – как будто про допустимость измен она вычитала в последних поправках к семейному кодексу. Никто еще не попирает нормы морали и нравственности с таким невинным лицом.

Она предложила пирог, хотя кусок в горло не лез. Женя залпом пил третий бокал вина, чтобы поскорее забыться.

Квартира была роскошная и красивая. Настя тоже. При других обстоятельствах он с удовольствием бы отсюда не ушел, но в угоду собственному спокойствию все следующие встречи он назначал у себя.

По-быстрому перекусив и приняв душ, Женя закинул на плечо спортивную сумку и вышел из дома.

Стадион находился в 20 минутах от дома. В детстве это вообще не считалось за расстояние – отдельно взятый ребенок при заданном векторе направления мог идти без подзарядки хоть полдня, подпитываемый съеденной днем пищей из столовой и Эминемом, играющим в наушниках. Сейчас же хотелось просто взять и переместиться сразу туда, минуя серые пыльные тротуары.

Почему-то в голове всплыла вчерашняя тема о работе, которую поднял Макс. Вопросом, куда идти работать после университета, он не задавался. Его не раз за это упрекали, но Женя филигранно выкручивался, отвечая, что он предпочитает «решать проблемы по мере их возникновения». Фраза, в общем-то в этом контексте абсолютно бестолковая, Женю вполне устраивала.

Иногда он сам не понимал, зачем вообще он пошел учиться в медуниверситет.

Учиться ему не особо нравилось, более того, местами было очень сложно. Да и лечение людей он явно не считал своим предназначением.

Бабушка всегда пророчила ему актерскую или писательскую карьеру – да только какая бабушка не пророчила своим внукам блестящее будущее? Это еще мама может рассуждать разумно в отношении твоих возможностей, но для бабушки ты всегда будешь сверхчеловеком, который по ее искренним

убеждениям уже через несколько лет обязан стать нобелевским лауреатом.

В детском возрасте эти трогательные заблуждения всегда веселили, и надо признать, немного льстили.

О паре давних Жениных хоккейных наград в то время знал, наверное, весь дом – бабушка берегла их как зеницу ока и сдувала пылинки, а будь ее воля, идущую в придачу к медали грамоту заламинировала бы еще раз.

Одно время вся семья делала ставку на Женин успех в хоккее. Когда папа обматывал конец Жениной детской клюшки синей изолентой, прямо как свою, взрослую, Женю буквально переполняло чувство гордости и собственной значимости. Он видел себя то вратарем, то нападающим, но в итоге – обязательно собирающим лавры и оvationи в конце матча. А когда папа еще и сказал, что хоккеисты – это слабость девочек, в отличие от неженков-футболистов, то Женя уже не ложился спать без клюшки. Образно говоря, конечно – но вот шайбу под подушку он действительно клал.

Но также быстро он к хоккею и охладел – пара-тройка поражений своей команды на городских соревнованиях, и от юношеского запала не осталось и следа. Клюшка была помещена в чулан (в семье все же питали иллюзии о чувстве детского соперничества, которое в конечном итоге должно было перебороть горечь поражений). Но клюшка так и осталась там, похороненная за коробками, старой одеждой и вышедшей из строя бытовой техникой. Все, что осталось от хоккея – пара историй об удачных шайбах и несколько выбитых передних молочных зубов. На этом, правда, сходства с Овечкиным и принадлежность к хоккею заканчивались.

Освободившуюся от хоккея нишу родители тут же попытались заполнить, пытаясь всюду пристроить Женю по принципу «где выстрелит».

Не выстреливало нигде. Бабушку это не останавливало, и она упорно продолжала поиски, а как известно, только бабушка может найти в городе кружки по чему угодно: так, Женя узнал, что в их городе был кружок по астрономии, а также детские курсы по изучению латиноамериканской культуры и древнегреческого эпоса.

Иногда Женя чувствовал себя шаром для боулинга, который послали сбить все кегли, а он, вопреки правильно заданной траектории, все норовит взять влево или вправо — и как результат, исправно попадает за борт.

Сказанное как-то мамой «Да оставь ты ребенка, пусть сам решит и выберет, когда созреет» было, наверное, очень лояльным, но весьма непрактичным решением: как и у любого среднестатистического ровесника-второклассника, в Женин выбор ближайшие несколько лет входили шатания с пацанами по дворам и игра в плейстейшн. С чем он успешно и справлялся.

Последним рывком перед окончательной капитуляцией бабушка отправила его в литературный клуб — там он, на радость старушке, продержался чуть дольше запланированного времени.

В целом найти работу мечты для Жени всегда было сравнимо с игрой в «однорукого бандита». Того самого, который в казино стоит. Шансы на победу аналогичные, а точнее, минимальные. Часто ли на вашей работе вам выпадает три совпадения — хороший коллектив, высокая зарплата с возможностью карьерного роста и творческая свобода?

Если да, то можно вас поздравить — под электронное улюлюканье автомата забирайте свой выигрыш — счастливую жизнь.

Сам же Женя считал, что в этом самом казино из всех возможных вариантов ему не выпал ни один — себя он видел

незадачливым игроком, дернувшем ручку игрового автомата и сломавшим ее — и вот ты непонимающе стучишь костяшкой указательного пальца по зависшему экрану, а к тебе, растерянному, уже направляются насупленные вышибалы.

Работником офиса Женя себя тоже не видел — вообще, он презирал все, что связано с офисной работой.

От обыденной и среднеоплачиваемой офисной работы всех уже давно отучают драматические фильмы про высший менеджмент, в котором широкие от кокаина зрачки и покрасневшие глаза главных героев — такая же неотъемлемая часть корпоративного этикета, как расстегнутая нижняя пуговица пиджака и манжеты рубашки, выступающие из рукавов на 1,5–2 см. Кто бы мог подумать, что в XXI веке кинематограф сможет романтизировать офисную жизнь.

Какая разница, что герой в конце раскаивается и дискредитирует систему. («Да с жиру взбесился и херню исполнил. Че ему на жопе не сиделось ровно? — самый наивный, но точный комментарий, который он как-то услышал на выходе из кинозала. Мужичок в поношенном свитере делился возмущением со своей женой. — Мне бы его деньги, я бы...» — на этих словах они исчезли в шумной толчее.) Да, какая разница, что герой в конце раскаивается и дискредитирует систему, если до этого он ездит на шикарных тачках и всегда просыпается чуть раньше своей очередной подруги, пока она еще в постели — все для того, чтобы обычный зритель успел по достоинству оценить размах жизни обычного менеджера высшего звена. Женя, кстати, был полностью солидарен с тем мужиком из зрительного зала — действительно, что плохого в том, чтобы сидеть на жопе и плыть по течению, особенно если течение это теплое и проходит мимо острова Бали?

Чтобы было не так горько и обидно, после премьеры надо сливать в сеть полную восьмичасовую версию фильма, где пе-

ред вечерними покатушками на BMW главный герой мается в офисе, пьет остывший кофе и листает новости в интернете.

Перед глазами сразу появлялся пример — его давнишний школьный друг, который сразу после универа устроился в какую-то не то юридическую, не то финансовую фирму. С 9 до 6 он перебирал бумажки и смотрел в гудящий на экране майкрософт ворд. Женя не общался с ним уже пару лет, но что он отчетливо помнил, так это то, что на посиделках тот постоянно тер глаза и часто моргал. Офисные работники даже как-то моргают по-другому — у них это напоминает скорее нервный тик. Так он ему и запомнился — с начавшими появляться в 23 года залысынами и вечно трущим глаза. А когда он носил кепку, то от отбрасываемой козырьком тени круги под глазами превращались в самые настоящие мешки — Женя не раз иронизировал, предлагая ему сложить в эти самые мешки покупки из магазина. При всем этом этот самый бывший друг постоянно ездил на концерты своей любимой рок-группы, почти все песни которой, по иронии судьбы, были посвящены теме борьбы с системой и потребительски-обывательским образом жизни. Было смешно смотреть на него, на ломаном английском поющего припев, в котором солист призывал жить свободно и бросить обыденность.

Песня заканчивалась, а утром он шел на работу — обратно в эту самую обыденность.

Позже через знакомых Женя узнал, что его друг вроде неплохо продвинулся по карьерной лестнице и был рекомендован на трудоустройство в какую-то большую и именитую организацию.

Успех некогда лучшего друга вызвал в Жене зависть и некую досаду. Это напрочь перечеркивало существующее в их отношениях негласное Женино лидерство, признаваемое ими обоими еще со школы. Вот уже действительно, хуже собственной неудачи может быть только удача друга. Это

вызывало в Жене зависть и некую досаду — такие чувства часто возникают, когда кто-то, находясь в одних с тобой условиях, или еще того хуже, менее выгодных, чем твои, добивается большего. Выглядит это примерно так: невинно пожимая плечами, этот самый друг поднимается на новую социальную ступеньку или даже этаж, оставляя тебя одного внизу с завистливо задранной головой. И вот ты начинаешь рефлексировать, дергать за все свои ниточки наклонностей и призваний, искать и вскрывать коммерческие жилки — в общем, всеми силами стараешься вызвать тот самый лифт, который так стремительно увез твоего товарища. И который, несомненно, скоро вернется и увезет тебя. Но лифт все не едет, хотя ты уже истыкал кнопку и даже попинал двери. То ли застрял, то ли вообще сломался. А может, его грузоподъемность была рассчитана на одного человека, которым и оказался твой друг. По всей вероятности, теперь уже бывший.

И товарищ этот относиться может к тебе так же хорошо, как и раньше, искренне и без назидания — а вот ты относиться к нему как раньше уже не будешь.

Это неплохо бьет по твоему самолюбию, даже если ты в этом себе не признаешься. Кого-то это может подстегнуть и замотивировать, кого-то — начать плевать желчью.

«Сидеть ты можешь на самом дорогом кожаном кресле, а вот геморрой у тебя появится самый что ни на есть человеческий и обычный», — выбрав вариант с желчью, думал про себя Женя.

Второй Женин друг был полной противоположностью первому — взбалмошный холерик, язык без костей. В итоге стал вести тренинги и семинары. Вроде бы ему была даже неважна тема — люди и так его слушали. Он мог убедить кого угодно. Этакий Гитлер-пацифист, только вместо чистоты крови и превосходства арийской расы он проповедовал тонкости

взаимоотношений полов и операции с криптовалютами. По этим ребятам с микрофонами из интернета всегда трудно понять, сколько они зарабатывают. Вот по директору завода — понятно. А по стоящему в футболке оратору — нет. Хотя доходы могут быть вполне сравнимы. О его зарплате Женя не спрашивал. Боялся услышать ответ. Но в любом случае у него была известность. А она подчас не хуже больших денег.

Последний раз все втроем они собирались год назад.

Когда напились, достали телефоны и стали считать, сколько денег они сэкономят за год, если не покупать сигареты. Посчитав, качали головами и шли курить.

Любая встреча с друзьями, которых долго не видел — это состязание. Пусть и негласное. Придвинув стулья к столу и открыв бутылку виски, начинается собеседование. «Чем сейчас занимаешься и кем работаешь» — безобидные с виду вопросы, но они сразу дают четкую расстановку «ху из ху».

Идет калибровка. По дружный хохот и чоканье бокалами все не перестают друг друга оценивать. Куртка Paul&Shark и твои новые туфли в прихожей тоже не остались незамеченными.

Социальный дарвинизм во всей красе. Доминирование с физиологического уровня перешло на эстетический. Теперь уже не надо онанировать перед сородичами и запрыгивать на самую красивую самку, чтобы доказать, что ты всех главней. Ну ладно, второе все же пока в силе.

Вновь собравшиеся подводят итоги месяца. Кто сколько выпил, кто с кем переспал и кто сколько заработал. Поскольку последним Женя похвастаться не мог, он делал акцент на первых двух.

Друзья многозначительно кивали и слушали, но когда он уходил в туалет, его не покидало ощущение, что оставшиеся

в комнате обсуждают его. Доносящиеся взрывы хохота только укрепляли его уверенность.

Вот почему мало мужских компаний, где большая разница в возрасте или разный уровень дохода. Невозможно на одном языке говорить с человеком, который уже зарабатывает, пока ты учишься, и доделывает в квартире ремонт, когда ты живешь с родителями. Залог крепкой дружбы состоит в том, чтобы дела у твоего друга шли чуть хуже, чем у тебя.

Кто назовет это двуличностью — тот ровным счетом ничего не понимает в дружбе.

Когда двое из троих друзей потихоньку начинают претворять свои мечты в жизнь, поневоле начинаешь себя чувствовать младшим сыном из сказок — тем, который «вовсе был дурак».

Правда, если верить тем же русским сказкам, таким дуракам судьба всегда благоволит. Да и тем более сказка-то посвящена ему, дураку. Про двух других братьев, среднего и старшего, автор упоминал лишь в начале и впоследствии от них открестился. С ними и так все понятно. Среднестатистические успешные посредственности.

Да и к тому же «дурак» вовсе не медицинский диагноз и не задержка психического развития у юного наследника трона. И дурак он не потому, что своей арифметикой наводил ужас на придворных учителей и профессоров. Просто он был не таким, как все. Вопросы брака он решал поцелуями лягушек, а не приезжал с подарками в соседнее царство, как все нормальные люди.

Но пять же жизнь — не сказка. В оригиналах братьев Grimm в конце дровосеки не приходили и не разрезали волку живот. Бабушка там и осталась. Вернее, осталось то, что от нее осталось. Собственно, а куда ей было деться? Про то, что он ее проглотил не разжевывая — выдумка

сердобольных до детской психики корректоров и редакторов.

А сестры Золушки, пытающиеся примерить потерянную туфлю, рубили себе пятки, чтобы она оказалась впору и принц предложил им руку и сердце. Этот кусок, кстати, зря вырезали — можно было оставить, как едкую метафору о желании во что бы то ни стало выйти замуж. Но речь не о сказках. В жизни бывает и пострашнее.

Глава 13

blind [blaɪnd] – прил. слепой, незрячий

frightened [fraɪtnd] – прил. испуганный, напуганный

relief [rɪ'li:f] – сущ. облегчение, утешение

Пройдя пару кварталов и небольшую аллею, где часто, оккупировав одну-единственную лавочку, прохлаждались студенты местного колледжа, Женя подошел к стадиону.

Он всегда выделял стадион как главную достопримечательность города – вразрез с общей картиной серости, пыли и смога, стадион выглядел как оазис среди урбанистической пустыни. Своими ярко раскрашенными рядами для болельщиков, пестро-зеленой искусственной травой на футбольном поле и белоснежно-выкрашенными воротами – как будто их каждые выходные терли отбеливающей зубной пастой из рекламы. Он был просто создан, чтобы ежедневно проводить рекламные акции. Если бы рекламу Lay's и Coca Cola, позвав Месси или Роналдо, снимали бы на этом футбольном поле, никто бы и не заметил подвоха.

Группа девчонок, залиvisto смеясь и оживленно болтая, трусцой пробежала мимо Жени.

Одна из них, миниатюрная брюнетка, задержала на Жене взгляд и смущенно улыбнулась.

Женя улыбнулся в ответ, но она уже успела отвести глаза, и теперь Женя видел лишь удаляющиеся спины девчонок с подпрыгивающими хвостиками волос. В нос ударил приятный, еле слышимый запах духов.

С улыбкой на лице Женя проводил их взглядом – на-верное, безграничная любовь к своей жене, 10 совместно нажитых детей, да что там – риск смерти не остановит

в мужчине желание оценивающе посмотреть на женскую попу.

Женя прищурился — только сейчас он обратил внимание на то, что последние полчаса он все время щурился, чтобы что-то разглядеть, хотя раньше никогда не жаловался на зрение.

Женя сначала быстро, а потом медленно и с усилиями поморгал.

Разминка для глаз немного сняла напряжение, но бегущие на другом конце стадиона люди все равно казались расплывчатыми, как будто окруженные мутными ореолами.

— Привет! — сзади прозвучал звонкий Сашин голос.

— Привет, — Женя обернулся и раскрыл руки для объятий.

Саше очень шел спортивный стиль — даже больше делового. Персиковая спортивная кофта с капюшоном, серые леггинсы, обнажающие щиколотку, и маленькие белые нью бэлэнсы. Женю они почему-то умиляли — рядом с его кроссовками 43 размера они выглядели так, будто их только что взяли с полки детского магазина.

Если кто-то решил бы переиздать старую сказу на новый лад, то современная Золушка потеряла бы не туфельку, а эти самые нью бэлэнсы. Где-нибудь в тренажерном зале, у беговой дорожки. И ушла под дружный и провожающий ее пятую точку взгляд принцев.

Саша упала в Женины объятия, уткнувшись лицом в плечо.

— Я так расстроился вчера, — негромко сказал ей на ухо Женя, проводя рукой по Сашиним волосам. — Все хорошо будет.

— Я тоже надеюсь.

— Побежали?

— Давай. — Саша подняла голову. Ее глаза успели чуть-чуть покраснеть.

Кучка старшеклассников, оживленно крича, пинали мяч. Судя по доносящимся возмущенным крикам и редкому матерку, сегодня был не лучший день для вратаря — раскрасневшегося не то от усталости, не то от стыда молодого паренька.

— Как ты, не устала? — спросил Женя, когда они завернули на седьмой по счету круг.

— Нет, я же часто бегаю. Я вообще хотела каждое утро начинать с пробежки, но не получается, — сказала Саша, убрав за ухо выпавшую на лоб прядь волос.

— А знаешь, Саш, я вот боюсь людей, которые с утра бегают, — улыбнулся Женя

— Почему?

— Понимаешь, если человек готов пожертвовать завтраком, постелью и чашкой кофе с утренними новостями — я уже даже и не знаю, чего от него ждать можно. Такие на все способны.

— Здоровыми быть способны, — ответила Саша. — Вот у меня мама раньше каждое утро... — начала Саша, но осеклась.

— Нет, ну тут не только в здоровье дело, — поторопился сменить тему Женя. — Тут вообще в целом сила воли тренируется. А с силой воли хорошей можно... ну там, уже и карьеру строить, и саморазвитием заниматься.

— Ну да...

— Мама, оказывается, давно знала, — тихо сказала Саша. — Она мне не хотела рассказывать.

Женя молчал. Он и не знал, что сказать.

Начинало вечереть. Девчонки, добежав последний круг, направлялись к воротам стадиона. Боковым зрением Женя обратил внимание, что с приходом Саши, помимо миниатюрной брюнетки, на него стали посматривать и две ее подружки, что подтверждало Женину теорию о том, что занятые «сам-

цы» привлекают к себе больше внимания, чем гордо расхаживающие, с иголки одетые и оставляющие за собой шлейфовое облако парфюма одинокие парни. Но почему-то сейчас он уже едва их различал — прищурившись, он различал только их бегущие силуэты.

— А сколько времени? — спросила Саша. — У меня часы в сумке остались.

Женя повернул голову, посмотрел на ярко горящие электронные часы, венчающие стену соседнего крытого стадиона.

Сначала он подумал, что они неисправны — все цифры сливались в одно большое светящееся красное пятно.

Женя остановился. В недоумении он обвел глазами стадион — свет фонарей теперь выглядел как большой желтый орел, яркий посередине и тускнеющий в окружности.

С тревогой Женя посмотрел на нескольких бегущих трусцой человек: пересчитать их он мог, а вот определить пол уже не представлялось возможным — все они превратились в смазанные движущиеся тени.

Женя почувствовал страх, поднимающийся из груди и отдающий покалыванием в мочках ушей и кончиках пальцев.

Саша, не заметив Жениной остановки, немного убежала вперед — и теперь возвращалась, вопросительно глядя на него.

— Херня какая-то. Блин, со зрением что-то, — сказал он, напряженно вглядываясь в отдаляющиеся тени.

— Попало что-то? — спросила Саша

— Да нет, вижу херово. Вот еще тебя когда ждал, заметил. Расплывается все.

— Может, стресс или давление?

— Не знаю, прям вот за час буквально такое произошло. Днем все нормально было.

— Посмотри на меня, — Саша близко придвинулась и стала внимательно рассматривать белки Жениных глаз.

— Да че ты там увидишь-то снаружи, — отстранился от нее Женя.

— Давай домой, может? Там врача вызовешь.

— Давай.

— Садись пока, я такси вызову, — взяв сумку, Саша стала копаться в поисках телефона.

Женя обессилено плюхнулся на скамейку. Яркий стадион, радовавший час назад своими красками, теперь неприятно свербил своей размытой пестротой, от которой Женю слегка подташнивало. Он закрыл глаза. В голову лезли всякие глупости: например, сейчас Женя боялся почувствовать обострение слуха — как компенсация у слепых, потерявших самый важный орган чувств.

«Че за бред, — отогнал он от себя мысль. — На врача, блин, учусь, а херня все равно в голову лезет».

Он начал вспоминать, от отравления какими металлами возможно резкое и быстрое ухудшение зрения, а главное, где он мог с этими металлами столкнуться.

— Через две минуты подъедет, — услышал он Сашин голос. — Ты как?

— Не знаю.

— Пойдем ко входу. Держись за меня — я твою сумку возьму.

Женя боялся открывать глаза. Боялся, что поднимет веки — и ничего не изменится. Будет все так же темно. Ослепнуть в 24 года?

По спине пробежал холод.

— Пойдем, — Женя выдохнул и открыл глаза. Нет, он все еще видел.

Женя бросил взгляд на электронные часы. Легкий вздох облегчения. 20:17 или 20:11? Он прищурился. Размытое красное пятно теперь превратилось пусть и не в совсем различные, но все-таки цифры.

– Ты меня нормально видишь? – озабоченно спросила Саша.

– Саш, такую красоту я хоть как увижу, а если ослепну – так услышу и учую, – улыбнулся повеселевший Женя.

– Дурак, блин, – Саша взяла его за руку. – Пойдем.

Держа Сашу за руку и подходя к воротам, Женя вращал головой, как какой-нибудь офисный менеджер, полетевший первый раз в Таиланд с новогодней премии – он с упоением рассматривал буквально все, что его окружало... Оказалось, что у асфальта был приятный свинцовый, местами темно-оливковый оттенок, а листья были не только желтыми – как у школьника в сочинении про осень, а бежевыми, каштановыми и медными – Женя мог бы увидеть и больше оттенков, но в цветовой палитре он был не очень силен.

«Вот всегда так, – подумал он. – По-настоящему ценить что-то начинаешь только тогда, когда ты это потерял. Не раньше».

– Серая мазда, – прервала его размышления Саша. – Я тебе дверь открою.

– Да не, я сам. Спасибо, – бодро ответил Женя. – Мне уже лучше. И она не серая. Этот цвет «мокрый асфальт» называется.

Сидя на заднем сиденье такси, он прижался к Шашиному плечу. С ее волос еле слышно пробивался строгий запах дегтярного шампуня. В ответ Саша коснулась губами Жениного виска.

После испытанного стресса Женя испытал к ней смешанное чувство нежности и благодарности. Только сейчас он захотел узнавать ее, искренне интересоваться тем, как проходит ее день, какие фильмы ей нравятся и почему она решила пойти на курсы фотографа, а не в танцевальную школу. И запомнить наконец, как зовут ее кота. Женя всю дорогу наслаждался ощущением душевного подъема.

Такси остановилось у Жениного подъезда.

– Все хорошо? – Саша внимательно посмотрела на Женю.

– Уже прям совсем хорошо, – улыбнулся Женя. – Саш. Это... Нам, мне кажется, надо чаще видетсья.

Саша улыбнулась и обхватила Женину ладонь двумя руками.

– Конечно надо.

Женя придвинулся – даже Шашины губы показались ему какими-то другими на вкус. Сердцебиение участилось, как будто он целовал ее в первый раз. Знакомое чувство первого поцелуя, когда уже знаешь, что не встретишь сопротивления, но, сокращая дистанцию между вашими губами, еще чувствуешь легкую нерешительность.

Зайдя домой, Женя скинул кроссовки и прошел на кухню. Покопавшись в ящике с мединструментами, под старым халатом, двумя ртутными градусниками и несколькими открытыми пачками аскорбиновой кислоты Женя нашел то, искал.

Прикрепив магнитом мятую и чуть выцветшую от времени офтальмологическую таблицу на холодильник, Женя отошел в самый конец кухни. Сев на подоконник, он закрыл один глаз рукой.

Б... К... Ш... И... М... Б... Н...

Второй глаз.

Б... К... Ш... И... М... Б... Н...

Все в порядке.

Строчка ниже.

К... Н... И...

Женя прищурился.

Б... М...

Буквы расплывались, а при всматривании вообще теряли форму, превращаясь в дрожащую черную точку, но Женя был спокоен. Учитывая то, что строку выше, достаточно мелкую, он прочел без ошибок, зрение начинало возвращаться.

«Утром еще раз проверюсь», – подумал он.

Женя лег под одеяло и взял телефон.

«Спасибо огромное, что была со мной сегодня. И помогла».

Женя, положив руки под голову, мечтательно смотрел в потолок.

В общем-то, Саша была очень даже ничего. Слегка наивная, но все же лучше быть наивной, чем недоверчивой стервой.

А как она умилялась в приюте для животных. Пару месяцев назад представительница какого-то благотворительного фонда вручила ей пригласительный флаер. С флаера трагично смотрел кот. В его черные глаза был прифотошоплен блик – а может, просто кадр удался. В любом случае Саша решительно настроилась туда идти и даже пожертвовала своей записью на маникюр. А это уже о многом говорило.

Стоял ноябрь, который возомнил себя декабром. Женя смотрел на всех этих котов и собак в клетках и искренне не понимал, как женщины могут с новыми силами, но все так же искренне сопереживать каждой следующей помятой морде в клетке. Особенно котам – между котами и женщинами выстраивается особая эмпатия, ментальная связь, разрушить которую иногда не под силу даже мужчине. Попробуй выпнуть его из спальни, и услышишь о себе много нового. Все, даже шипящий кот, отлично понимают – ты здесь временен. Он же – навсегда. Что-то находят они в этих комках из шерсти, когтей и отсутствующего воспитания. И молодая

Саша, и пожилая тетя Таня. Котам все женские возрасты покорны. Наверное, домашние животные сохранились только благодаря женщинам. Если бы не они, то из четвероногих друзей у человека остались бы только немецкие овчарки и бульдоги. Чтобы сторожить квартиры. Котов бы не было в принципе. Жесткий эволюционный отбор по критериям хозяйственной полезности они бы не прошли и исчезли бы за ненадобностью и непрактичностью.

Женя безучастно поглядывал на здешних четвероногих обитателей – коты лежали комками, собаки постоянно зевали и изредка поскуливали. Были и кролики: обычно реактивные и не сидящие на месте, те пребывали в каком-то анабиозе – только слегка вздрагивали, когда их гладили. Вспоминался школьный курс биологии – если среда для некоторых организмов была неблагоприятна, они впадали в анабиоз. До лучших времен. Так и здесь. Все здесь застыли в ожидании лучшей жизни.

Это напомнило Жене его посещение зоопарка в детстве. Долгожданного и подогреваемого родителями эффекта «вау» не вышло. Апатичность животных его нервировала и возмущала.

Змеи лежали безжизненными шлангами, а тигра и пум вообще не было видно в вольерах. Бегемот не спешил бегать по периметру бассейна, как в цирке, а обезьяны, наплевав на «Дисней» и мультяшного Тарзана, не скакали по веткам и не устраивали гонки на лианах. В общем, все вели себя крайне безответственно и явно не собирались отработать потраченные на билет деньги.

Один только павлин деловито слонялся по клетке, резкими куриными рывками крутил головой, но был почему-то вывалян в корме, помете и перьях, что явно было неподобающим для такой птицы.

Была в приюте и одна собака – выглядела она как всегда гдатай приюта для домашних животных. Помесь лабрадора с чем-то непонятным. Порванное ухо, торчащая в разные стороны шерсть. Таких, как эта собака, фотографии обычно снимают на фоне каких-нибудь луж, одноэтажных домиков, переводят снимок в ч/б и получают разные престижные премии.

Пес ловил каждый взгляд, а поймав, приподнимал уши и замирал, как будто боялся пропустить обращенное к нему «гулять», «кушать» или, чем черт не шутит, «мы берем его». А вдруг?

Неудивительно, что Саша в него влюбилась. Причитая и сюсюкая, она опустила перед ним на корточки. Длинным розовым языком пес пытался лизнуть ее через прутья. Передние лапы пружинили – возбужденный вниманием, он хотел прыгнуть, но мешал маленький размер клетки. Виляя хвостом, он то и дело попадал им в стоящую позади железную миску с водой. Несчастное и одинокое привлекает женщин на каком-то подсознательном, материнском уровне. Забыв про брезгливость, они готовы прижать к новой куртке поникшую морду не самого чистого представителя семейства кошачьих, испачкать руки в купленном вискасе и в итоге опоздать на работу. Потому что «ну как она просто может взять и пройти мимо?».

Вот и сейчас.

– Давай возьмем его? – услышал Женя.

Брать они его, конечно, не стали. У Саши уже был кот, а у Жени уже был Женя. Места для четвертого не оставалось.

Да и вообще, собак, как считал Женя, надо любить какой-то неземной любовью, чтобы ради утренних прогулок жертвовать своим сном.

А еще, как ему казалось, эта ее фразочка была проверкой почвы на предмет готовности съехаться. Иначе зачем говорить «возьмем», во множественном числе. Женский 25-й кадр.

Засыпая, Женя пытался вспомнить, когда он в последний раз ложился спать радостным человеком. Не считая дней, когда он был изрядно подвыпивший. И не считая тех редких дней, когда он был изрядно накурен.

Навскидку он насчитал пару-тройку раз — и это за прошедший месяц. То ли дело детство — тогда лечь счастливым тебе могло помешать лишь завтрашнее родительское собрание, после которого дома неминуемо ждала расправа. Вспоминая, как перед приходом мамы с родительского собрания он тщательно намывал посуду, пылесосил ковер и стирал вещи, Женя заснул.

Глава 14

rebelliousness [rɪˈbelɪəsnəs] – сущ. непокорность, бунтарство

disturbance [dɪsˈtɜːbəns] – сущ. возмущение, беспокойство

punishment [ˈpʌnɪʃmənt] – сущ. наказание, взыскание

В отличие от импульсивной мамы, отец всегда вел себя сдержанно. Казалось, ничто не могло пошатнуть его равновесие. Даже когда они с мамой ругались. Женя часто слышал два приглушенных голоса из спальни: один, громкий, прерывистый и драматичный – мамин, и второй, мерный и убаюкивающий – папин. Внести сумятицу и пошатнуть равновесие у мамы не получалась, хотя старалась она на славу.

От отца ты тоже никогда не ждешь, что он будет гладить тебя по голове или доверительно держать за плечи. Гладят по голове тебя, как правило, когда ты еще не умеешь ходить и лежишь в пеленках. Потом перестают. Потому что дальше ты уже взрослый. Если верить зарубежному кинематографу, отцы в своих прогулках с сыновьями внимательно их выслушивают, крепко обнимают и делают прочие странные вещи.

По-видимому, отцы из голливудских фильмов работают до трех часов дня и ни капли не устают. Они не падают в объятия дивана по приходе домой. Нет, есть и крайности – всякие щетинистые Джоны и Джеки в бейсболках, которые живут трейлере, ходят по нему в грязной обуви и с порога открывают бутылку Budwiser. Ругают демократов, республиканцев и каких-нибудь «Вест-коаст Тайгерсов» из НБА. Так и не дождавшись конца игры, засыпают перед телевизором в окружении груды бутылок. В перерывах бьют жену или ремонти-

руют безнадежно утильный додж 70-х годов, доставшийся от отца. В общем, типичный образец горе-отца.

За нежность в семье отвечает мать. Отец покупает твой первый велосипед и дает наставления о контрацепции, когда ты идешь с девушкой в кино. После этого кино ничего у вас, разумеется, не будет, но факт того, что отец верит в твой первый секс, немного ободряет.

Отцовские подарки всегда мужские. Отцу чужда женская опасливость. Если отец дарит велосипед с 10 скоростями, то мама обязательно докупит к нему шлем, а бабушка — наколенники.

Если какое-то событие выбивалось из привычного уклада «прийти с работы — приготовить ужин — сесть за телевизор», из всех вариантов его развития мама выбирала самый катастрофический. У нее в голове был целый каталог с несчастными случаями и стихийными бедствиями на любой вкус. Пролилась вода — обязательно затопит соседку. В ее представлении потопленная соседка накинется на нее хищной гарпией в своих розовых тапках, халате и с бигуди. В одно мгновение она станет для нее врагом номер один, забыв про то, что мама не раз сидела с ее малолетней дочкой и угощала яблоками из сада.

Не оставишь ключ в дверях — ночью обязательно нагрянут вору. Дети хорошо впитывают и культивируют страхи своих родителей, поэтому Женя одну половину детства боялся подходить к двери, а ко второй половине в совершенстве овладел навыком бесшумного к ней подкрадывания. И подслушивания происходящего снаружи. Не открывал он даже уборщице с ведрами, которая просила набрать воды.

Красть было особо нечего, но на этот случай мама «наградила» всех своих потенциальных грабителей героиновой за-

висимостью. Это означало, что при попадании в квартиру им будет абсолютно не принципиально, что красть. В худшем случае они будут рады даже новому кухонному набору вилок с ложками и рулону нераспечатанных обоев из чулана.

Оставаться дома одному было откровенно страшновато. Всюду мерещились домушники, которые «пасли» подъезд и смотрели на окна, дожидаясь момента, когда взрослые уйдут из дома. Фильм «Один дома» наглядно подтвердил, что Женины опасения имели под собой почву.

Поэтому, уходя из дома, бабушка отводила его к соседке снизу, бабе Вале. Пару раз они ей помогли с какими-то вопросами о дележке квартиры, посоветовав хорошего юриста.

У бабы Вали был внук — паренек лет восьми с синдромом Дауна. Его существование проходило незаметно, тем более из квартиры он выходил нечасто. Но стены, пол и потолок все же не были непроницаемыми. Женя не раз слышал его возмущенные и протестующие стоны или смех, больше напоминающий отдельные радостные возгласы, после которого тот еще долгое время икал.

К Виталику — а так звали этого парня — Женя испытывал чувство пугливой неприязни. Тот хоть и был абсолютно безобиден, но интонация его криков и сама их неожиданность заставляла вздрагивать.

Приходя к соседке, Женя старался побыстрее просочиться на кухню мимо его комнаты — которая, правда, почти всегда была закрыта снаружи на шпингалет.

Через полупрозрачное стекло двери пробивалось мутно-голубое свечение телевизора. Оттуда часто звучали начальная заставка «Ералаша» или звуки мультиков.

Один раз Женя все же зашел к нему. Виталя сидел в окружении разбросанных игрушек, неровно разрисованных рас-

красок и фантиков. Пол был липким от блестящих полос клея-карандаша. Когда кто-то заходил в комнату, Виталя судорожно сдвигал все разбросанное на полу под кровать. По-видимому, здесь его пытались приучить к чистоте.

К стене скотчем были приклеены какие-то скороговорки, предложения и стихи. Виталя иногда равнодушно смотрел на них, шевелил губами, но быстро отвлекался.

Там же лежали несколько смятых тетрадных листов — судя по всему, Виталя тренировался делать самолетики.

Широко открыв глаза, он подскочил и потянул один самолетик Жене. Тот нерешительно его взял, покрутил в руках, и согласно кивнув — как кивают, оценив чью-то работу, — вернул его Виталику. Виталик ткнул пальцем в направлении окна. Верхние и нижние шпингалеты были плотно закрыты — баба Валя опасалась, что Виталя заиграется и выпадет.

— Нельзя на улице мусорить, — ответил Женя. Перспектива бросать самолетики с умственно отсталым его не сильно прельщала. — Давай я тебе лучше нарисую что-нибудь на них.

Взяв цветной карандаш, на одном самолетике он нарисовал красную звезду, а на другом — фашистскую свастику. Виталя аккуратно, боясь сделать лишнее движение, взял самолетики с кропотливостью работника музея, снимающего со стены оригинал «Моны Лизы» для реставрации.

Он внимательно осмотрел внесенные Женей изменения и стал жужжа носиться по комнате, имитируя полет.

У него было три или четыре кассеты с мультиками, две из которых были обучающими. Последние он жутко не любил. Женя заметил, что когда Виталя смотрел мультик с ним и отвечал неправильно, то отпрыгивал в сторону и прикрывался рукой от невидимого удара. Советская система обучения в лице нетерпеливой бабушки не обошла стороной и его.

Виталя бережно брал кассету двумя руками, медленно подходил к видеку и так же медленно ее вставлял — как

будто это была не кассета, а раскаленная оловянная болванка.

Вставив ее, он резко разворачивался и бежал к дивану. Запрыгнув на него и подогнув ноги, он издавал победный клич. Ища одобрения, он смотрел на Женю. Женя не знал, как реагировать на происходящее — подыгрывать и показывать одобрение ему не хотелось и было неловко, поэтому он просто смотрел куда-нибудь в сторону — на стены, на пол, в телевизор.

Перед Новым годом они пошли в магазин игрушек. Зимний гардероб Витале был уже мал — из коротковатых болоньевых штанов торчали горчичного цвета подштанники. Пуховик был тоже коротковат — когда Виталя взмахивал руками, его рукава задирались едва ли не до локтей. Баба Валя компенсировала это кофтой и свитером непонятной расцветки. Большой была только шапка с висящими помпонами. Такие шапки Женя видел только у младенцев или девочек.

В магазине игрушек Виталя бросился к первым же рядам.

— Мозаику! — ткнул он пальцем в ряды коробок с пазлами. Баба Валя неодобрительно окинула полки взглядом.

— Да не нужна тебе мозаика, — ответила она и потянула его за рукав.

— Мозаику! — требовательно крикнул Виталя. На его возглас оглянулась девушка-консультант.

На лице бабы Вали появилась какая-то яростная улыбка.

— Мозаику, говоришь? — вкрадчиво спросила она, садясь перед ним на корточки.

— А зачем тебе мозаика, Виталя? — впилась она в него глазами. — Ты же ебучий деградант.

Женя прыснул. В детстве это всегда смешно, когда взрослые матерятся — не на тебя, разумеется.

Идущая к ним девушка-консультант остановилась с выражением виноватой улыбки на лице.

Виталья энергично замотал головой, от чего помпоны на его шапке заметались по воздуху.

— Нет? — прошипела соседка. — А кто ты? ДЕ-ГРА-ДАНТ, — по слогам отчеканила она.

Виталья сделал самое лучшее, что он мог. Он улыбнулся. Не саркастично — хотя так улыбаться он и не умел, а беззлобно и даже как-то добродушно. Баба Валя заклокотала от ярости. Это было ее поражение. Резко выпрямившись, она дернула его за рукав и потянула к дверям.

— Змееныш, ничего тебе не куплю!

Виталья сопротивлялся и орал что-то нечленораздельное. В ноздрях надувались и лопались пузыри из соплей.

Женя, уткнувшись в воротник, на некотором отдалении последовал ха ними.

Он не хотел, чтобы рассматривающие их посетители магазина думали, что он имеет к ним какое-то отношение. Виталю ему не было жаль — Женя его не особо любил. Тем более любимому ребенку приятно, когда другого ребенка ругают. Или еще того лучше, ему ничего не покупают. В любом ребенке эгоизм сидит на пару с соперничеством. Но реакция бабы Вали его слегка удивила.

Всю дорогу она волочила Виталю до дома. Спотыкаясь о бордюры, он падал, и она продолжала его волочить, оставляя на снегу две борозды от его ног.

Женя специально отстал, чтобы не слышать воплей.

Вокруг было красиво — светящиеся вывески магазинов и большая нарядная елка на площади. Пахло порохом и мишурой. Проходя мимо елки, Женя уткнулся в мишуру носом. Она приятно щекотала и пахла пластиком — может, оттого,

что она китайская и некачественная — по телевизору говорили, что некачественные игрушки всегда пахнут пластиком. Но запах пластика Жене нравился — это такой же запах Нового года, как и цитрусовая свежесть мандаринов. Снег был усеян конфетти из хлопучек и хвойными иголками. Весь город тащил домой елки. Рядом с остановкой сидел, закутавшись в безразмерный тулуп, ушанку и шапку, продавец елок, рассчитывающий найти своим оставшимся и слегка потрепанным трем стройным и зеленым запозднившимся покупателям.

На кухне баба Валя повесила слегка промочившиеся Женнины носки на батарею и поставила в микроволновку борщ.

Борщ был пресный и невкусный. Сосиска с пюре, несмотря на микроволновку, тоже была холодной.

Из съедобного были только чай и сушки — слегка каменные, они становились более-менее удобоваримыми, если их размочить в горячем.

Соседка ела винегрет, держа в руке кусок ржаного хлеба.

— Бери, Жень, конфеты, не стесняйся, — поймала она Женнин взгляд на вазе.

Женя взял две шоколадные конфеты с мишками на фантике.

В комнате громко закричал включившийся в тишине телевизор, за которым последовал удовлетворенный гомон Виталика.

Крякнув, соседка встала и зашаркала в его комнату.

— Потихе, Виталя, — послышался ее ласковый, даже слегка сахарный голос. Громкость телевизора поубавилась.

Женя быстро взял еще несколько конфет из вазы и половину плитки молочного шоколада. После мороза и горячего чая хотелось сладкого, а брать сразу и побольше при

бабе Вале было невежливо. Тем более вряд ли подумают на него, а Виталя-то уж точно не сможет подтвердить свое алиби.

– Послал мне Бог юродивого, – вернулась на кухню баба Валя.

Перекрестившись, она со вздохом села за стол и придвинула к себе тарелку.

Все пьяные становятся на удивление религиозными. Или скорее, богобоязненными. Пенсионеры не в счет – им положено. В их возрасте поневоле закрадывается мысль: а вдруг Страшный суд все-таки есть? Баба Валя не выпивала, но крестилась она постоянно.

– А где его родители? – робко поинтересовался Женя.

Судя по сверкнувшему на него взгляду, тема родителей в этой семье была под запретом.

– А родители что, – скривилась баба Валя. – А родители ничего. Ты посмотри на него. Ну кому он такой нужен. Он же как звереныш. Баба, подай, баба, принеси, баба, спать уложи. Баба сама в старом платке ходит, чтобы ему новые сапоги зимние купить. И уже пуховичок надо новый ему. Растет, что не успеваю покупать. Мозги вот только не растут. Он же как... как... бабочка. Как птичка. Безобидный и беспомощный. Любой подойди и толкни – упадет.

Соседка вытерла глаза тыльной стороной руки.

– За что мне только наказание такое...

Женя молча рассматривал фантик из-под конфеты с картиной Шишкина «Утро в сосновом лесу». Почему-то на словах о звереныше он представил себе Виталика, который сидел на ветке вместе с мишками. Они бы его, наверное, не тронули – приняли за своего, как Маугли из мультика. Там бы, наверное, он чувствовал себя как дома.

– Баб Валь, – прервал он тишину. – А я английский сейчас учу.

— Английский? Английский — это хорошо, — согласно кивнула баба Валя. — Английский сейчас очень нужен.

Жене хотелось сменить неудобную тему о Виталике, а еще хотелось услышать похвалу — все взрослые всегда начинали его хвалить, когда он упоминал музыкальную школу и английский. А на контрасте с Виталиком его заслуги казались еще значительнее.

Тетя Валя отхлебнула чаю.

— Вот станешь большим человеком, заберешь нас с Виталиком в Англию, — мечтательно хохотнула она. — Мы будем у тебя дома убираться. Как их называют там? — прищурилась баба Валя. — Гувернантки, вот. Ты и сам на англичанина похож — вон у тебя какие кудри пышные.

Из-за спины бабы Вали послышался шорох. Подняв глаза, Женя увидел крадущегося в коридоре Виталю. Судя по озорной гримасе, он хотел напугать сидящую к нему спиной бабушку, но поймав Женин взгляд, понял о своем разоблачении и гортанно засмеялся.

— Ах ты негодник, — повернувшись, бабушка ласково пригнула за подмышки захлебывающегося и хрюкающего от смеха Виталика. — Бабу напугать хотел, да? Чтоб умерла баба, да? Тебе хорошо будет, когда баба умрет. Никто ругаться не будет. Да, Виталь? Никто книжки заставлять не будет читать. Да?

Виталья хихикал и вжимал голову в плечи, сопротивляясь щекотке. Воротник его футболки был влажный от слюней.

— Будешь конфетку? — предложила баба Валя.

— Да, — гордо ответил Виталья.

— Держи две, — она протянула ему конфеты. — А то ты с утра уже ел.

Лицо Виталика скривилось.

— Дай еще! — выпалил он.

— Не дам, Виталья. Ты с утра уже ел, — с расстановкой, но пока еще с улыбкой ответила баба Валя.

– Еще! – взвизгнул Виталя.

Резкий удар ладонью по столу заставил Женю вздрогнуть и отпрянуть. Маленькие серебряные ложечки в кружках тревожно зазвенели.

– Я кому сказала! Кровопийца, – кричала соседка.

Виталя дрожал мелкой дрожью.

– А ну марш к себе! – взвизгнула она.

Согнувшись, Виталя ринулся в свою комнату. Захлопнулась дверь.

– О Господи, – баба Валя сняла с холодильника аптечку. Внутри звенели бесчисленные склянки с валокардином и валерианкой. – Ой Боже! – она грузно уселась за стол и обхватила голову руками, так ничего и не достав. – Ой Боже!..

Женя нетерпеливо ждал, когда за ним придут родители.

Глава 15

amazement [ə'meɪzmənt] – *сущ. изумление, удивление*

inexplicable [ɪn'eksplɪkəbl] – *прил. необъяснимый, непонятный*

opposite ['ɔ:pəzɪt] – *прил. противоположный, обратный*

Громко зевнув, Женя лениво открыл глаза. Первое, что он заметил и от этого мгновенно проснулся – уже успевшее подняться солнце, которое настойчиво светило в глаза.

– Проспал, – подскочил с кровати Женя. Схватив телефон, он посмотрел на часы.

8:55 и два пропущенных от Макса.

– Ну все, допрыгался, – Женя бросил телефон на кровать и подбежал к шкафу.

«Сейчас приеду, на будильник что-нибудь другое поставлю, – думал он, торопливо натягивая футболку. – С этого „Достучаться до небес“ я, блин, через день просыпаться буду. До небес достучались, а до меня не смогли».

Женя вызывал такси и, не зашнуровывая туфли, выскочил на улицу.

В ожидании лифта он придумывал оправдания, которые наиболее убедительно звучали бы в кабинете заведующей. Лимит внезапно заболевших родственников он уже давно исчерпал, и сейчас Женя думал, достаточно ли с прошлого раза прошло времени, чтобы снова запустить цикл вечно заболевших бабушек, дедушек и несуществующих братьев и сестер.

За рулем такси была женщина, которая безуспешно пыталась совладать с навигатором. Тот, в свою очередь, не поддавался и упорно твердил ей совершить крутой разворот, а затем повернуть налево.

«Твою мать. Ну сейчас точно к обеду заявлюсь», – промелькнуло в голове у Жени.

– Алло, Макс. Блин, проспал я. Полина кипиш устроила?

– Здорова, Женек, да не, она на больничном, так что ты счастливчик. Тут другое произошло. Приезжай, ты офигеешь сейчас.

– Буду через 10 минут.

Настроение поднялось – в больничной рутине Женя был рад любым сюрпризам, тем более если что-то удивило флегматичного до мозга костей Макса, на это действительно стоило посмотреть.

Проезжая проспект Ленина, Макс вдруг вспомнил про вчерашний эксцесс со зрением и, придвинувшись к окну, начал старательно рассматривать названия магазинов и надписи на растяжках.

К счастью, к утру зрение полностью восстановилось, и Женя, глядя на самые отдаленные рекламные плакаты, с легкостью мог прочесть написанное на них.

«Слав богу», – подумал он. Но к больничному окулисту надо будет все-таки заскочить. На всякий случай. И купить какие-нибудь витамины. Все же всех громов и жареных петухов мира не хватит, чтобы, бросив креститься, начать все делать вовремя.

Такси подъехало к шлагбауму. Выезд был запутанный, но объяснять его женщине-водителю у Жени не было никакого желания. Протянув деньги, он вышел из машины, оставив ее один на один в неравной схватке с навигатором.

Зайдя в палату, Женя первым делом поймал снисходительный Настин взгляд. Такой обычно появляется, когда хочешь кого-то подколоть или поддеть, но видя угрюмую мину оппонента и опасаясь реакции, воздерживаешься, ограничиваясь лишь взглядом.

Женя, кстати, выработал эту тактику еще давно – опаздывая, он заходил с презрительно-вызывающим выражением

лица, как будто вот-вот вспыхнет. Как правило, такая мимика отбивала желание ерничать и ехидно уточнять, выпался ты или нет.

– Всем привет, – апатично бросил Женя и повесил пальто.

Макс уже шел к Жениному столу с протянутой рукой и возбужденным выражением лица.

– Здравова. Слушай, ну мы тут с Настюхой просто охренили. Второй раз такое за неделю.

Женя сел на кресло и сложил руки на груди.

– Рассказывай.

– Да сегодня с утра стоял в курилке, как обычно. Вот ты зря не куришь, все новости больницы пропускаешь.

– Давай уже ближе к делу, – поторопил его Женя.

– Ну так вот, там с хирургического пацан, мы вчера отправили ему пострадавшую нашу с глазами. И знаешь что? Готов?

Женя мысленно перебрал все варианты, но к чему такому он должен быть готов. В голову ничего не приходило.

– Макс, не тяни кота за яйца.

– В общем, у нее на левом глазу, говорит, проникающее поражение – ну ты это сам вчера видел, контузия глазницы на правом. Короче, расстановка такая: правый будет видеть херово, с левым можно попрощаться. Ну и там уже загноение началось, в общем, полный набор. Все, значит, ее на антибиотики сядят и на обезболивающее. Гной убрали. И че ты думаешь? – Макс, слегка раскрасневшись от возбуждения и жестикуляции, дал возможность отгадать, что же все-таки случилось, хотя на его лице было написано, что рассказать он хочет сам и как можно скорее.

– Ну хрен его знает..

– Все, Жень, она с утра видит. Обоиими глазами, – для убедительности Макс даже показал два пальца.

– Да гонишь ты, – опешил Женя. – Это невозможно.

Довольный произведенным эффектом, Макс, сложив замком за спиной руки, заходил по палате.

Женя посмотрел на Настю. Та, сделав большие глаза, развела руками.

— Я тоже сначала не поверила, — ответила она. — Мы сходили с утра к хирургам — там уже вся больница собралась. Она реально видит.

— Так-так, постойте, — Женя вышел из-за стола. — А чем она видит-то? У нее полностью смещение яблока было, там у нее зрачок, блин, в ухо смотрел.

— Ты сходи сам посмотри, — кивнул Макс в сторону двери. — Можем вместе.

— Пошли, — согласился Женя.

Не дожидаясь лифта, парни пошли по лестнице. Перешагивая через одну ступеньку, Женя пытался найти объяснение произошедшему. Глаза не кости — как правило, тяжелые травмы заканчивались полной или частичной потерей зрения.

У входа в хирургию, перешептываясь и что-то тараторя, стояли несколько врачей из других отделений.

Макс и Женя подошли к приоткрытой двери.

Хирург Семен, высокий светлый парень с редкой бородой, по-видимому, польщенный резко свалившейся на его отделение славой, деловито ходил по палате, с удовольствием отвечая на вопросы изумленных коллег.

— Семен, ну вот, привел тебе коллегу. Он ее тоже смотрел вчера, — сказал Макс.

Семен, улыбаясь, протянул Жене руку.

— Семен, а вы как с левым-то постарались? Или у вас тут какая-то хирургия своя, европейская в российском больничном корпусе?

Семен довольно хмыкнул.

— А вот пойдём посмотрим, она не спит вроде.

– Наталья Константиновна, – Семен слегка отодвинул штору. – Вы уж извините, что мы, как в зоопарке, приходим посмотреть, но просто коллеги удивляются все. У нас, да не только у нас, не было такого никогда. Первый случай на практике.

Женя, приподнявшись на цыпочках, посмотрел поверх руки Семена, держащей штору.

Он не сразу узнал ее – в принципе, он вообще бы не узнал ее, если бы стопроцентно не был уверен, что прибывшая вчера в больницу на скорой помощи женщина находится именно на этой койке этого отделения. А он был в этом уверен.

Глаза женщины, а точнее, взгляд был слегка заторможен – скорее всего, из-за седативных препаратов и доброй дозы обезболивающего, но Женю в данный момент интересовало другое – а именно два ясных голубых глаза, внимательно на него смотревших.

Женя не моргая смотрел в них секунд 10, после чего, чуть смутившись, отвел взгляд.

Женщина, улыбнувшись одними уголками рта, попыталась приподняться, но Семен ее остановил.

– Наталья Константиновна, ну куда вы? – с добродушно-отеческой ноткой он положил руку ей на плечо. – Слабенькая еще пока вы, полежите немного.

Задерживая штору, он вопросительно кивнул:

– Ну, что скажешь?

Женя развел руками.

– Я, Семен, уже не знаю, что у нас в больнице происходит. Вон как на этой неделе инсультник встал и пошел.

Семен оживленно закивал головой.

– Или панацею кто-то изобрел в нашем корпусе и не признается, или настолько все хреново у нас, что высшие силы не вытерпели и нам помогают, – добавил Женя.

Макс и Семен засмеялись.

— Боюсь, что второе, — ответил Семен. — Обследования провел с утра, так у нее зрение, что ей хоть сейчас в израильскую армию служить. И это в ее-то возрасте.

— Макс, вот знаешь, — завел разговор Женя, когда они, покинув отдел гнойной хирургии, спускались в свое отделение. — Вот еще чуть-чуть, и мне, блин, придется свое отношение к жизни пересматривать. Я вот всегда говорил, что, мол, чудеса случаются — но вот всегда как-то по инерции говорил, по привычке. Потому что вроде так принято. Сам-то всегда знал, что это все херня.

— Не, Жень, верить надо, — ответил Макс. — Если вообще не верить в них, то наша жизнь тогда, ну я не знаю, как уравнение. С иксами и игреками. И ни хрена тогда не происходит в ней из ряда вон, а все по сценарию. Ну добавится парочка переменных к тебе, помножишься пару раз, разок поделишься. А потом знак равно и ответ. И все. Урок закончен, дежурный, сотрите с доски.

— Так мы только чудес и ждем, — подхватил Женя. — Рассчитываем на спасительный рояль в кустах. Или как там говорится? *God ex machine*. Только рояль этот ждет нас не в кустах, а падает на голову. С таким оглушительным органом шумом.

— Знаешь, Жень, у тебя есть талант раздуть депрессивную философию с пустого места, — сказал Макс.

— Это просто ты в облаках витать любишь. Я предпочитаю оценочные и критичные суждения. И знаешь, что я понял? Все мы привыкли жаловаться. Нам так удобно. Подсознательно

мы хотим, чтобы было плохо. Потому что тогда мы сможем заявить: «А ведь я же говорил». А так ты справедливо обделенный судьбой. Мученик. Жить, может, и страшно, но что-то менять — еще страшнее.

— Вот представь, Макс, плывешь ты по реке, а она из дерьма. Весь по уши такой вымазан, брассом разгребашь. Морду скривил весь. Тепло, конечно, но сука, мерзко до ужаса. И тут островок вдали. Ты сначала думаешь: мираж, не иначе. А подплываешь поближе — и вправду островок. Каноничный такой, с оазисом и маленькой пальмой с тремя кокосами. И тут ты понимаешь, что вылезать-то тебе уже холодно и зябко. Да и вроде как ты привык уже. Пахнет оно все, конечно, неприятно, но ты уже принялся. Поэтому ногами отталкиваешься от бережка песочного и дальше плывешь.

— Интересные у тебя метафоры, — ответил Макс. — Ты опять все про свои острова. Ты в детстве капитана Врунгеля, что ли, перечитал? А вот я бы, может, и вылез. Развел бы огонь и ждал бы, пока сухогруз какой-нибудь меня не подберет.

— Да нет там сухогрузов, Макс. Они в такие реки не заплывают. У них другие гавани. А про огни это ты зря. Приплывут такие же энтузиасты и идеалисты, как ты. Сбросят тебя с острова, и поплывешь дальше.

— Даже спорить с тобой не буду. Я все понял. Мы все мудаки, ты философ, а в жизни счастья нет.

— Да есть, наверное, — пожал плечами Женя. — Но это не константа, а скорее переменная величина. Вот мне интересно просто. Я же тебя достаточно давно знаю. Вот когда ты сможешь с уверенностью заявить: «Да, я счастлив»?

Макс немного подумал.

— Ну наверное, в тот день, когда пойму, что как человек я состоялся.

— Хорошо. А на следующий день?

— А что на следующий? — вопросительно посмотрел Макс.

— Ну я имею в виду, где ты будешь брать счастье остальные 364 дня в году? Или ты думал, оно навсегда с тобой останется? Ну будешь ты счастлив вечером, будешь счастлив ночью. А с утра проснешься — а рядом с тобой уже лежат сомнения. Прижались к тебе под одеялом. И ты глазами хлопаешь — как же так. Вроде засыпал с красоткой, а тут — крокодил форменный. И спрашивает тебя таким ртом беззубым: «Ну как спал, милый?»

— Счастье, Макс, это как какая-нибудь классная девчонка, которая тебе не по зубам. Вот тебе какая актриса нравится?

— Ну, Хлоя Морец. Или Эмма Стоун, — Макс задумчиво оттягивал свою рыжую бороду. Что за дурацкая привычка у бородачей.

— Да что такого в этой Эмме Стоун? — поморщился Женя. — Баба как баба. Тем более, судя по ее фильмам, она уже выбрала Райана Гослинга. Так что извини. Хотя даже Анджелина Джоли встречалась с Билли Бобом Торнтоном. Так что у тебя, Мак, тоже есть шанс. Ну так вот, счастье — это как твоя Эмма Стоун, в то время как ты — обычный офисный работник. Да хотя зачем его, бедного, приплетать. Будем оперировать тем, что есть. Ты — практикант из больницы. Какими-нибудь правдами и неправдами тебе может что-то перепасть. Но не рассчитывай, что она с тобой останется. Придешь с утра со свежесваренным капучино в постель, а там только мягое одеяло и несколько рыжих волос на подушке. А потом в каждом проносящемся мимо тебя лице будешь видеть ее. Пойдешь на премьеру второй части «Ла-Ла ленда». Один и на последний ряд.

— Пусть остается с Райаном Гослингом, — великодушно ответил Макс. — К тому же я не умею капучино варить.

— Хрен с ней, с Эммой Стоун, эта неделя меня реально убила, — сказал Женя. — Хоть журналистов зови. Но Полина с больничного выйдет — ей-то по-любому тут же донесли, — обязательно местные новости пригласит. Гладь халат и фонендоскоп на шею повесь, интервью брать будут.

— Это точно, — согласился Макс. — Она из любого чиха может сенсацию сделать. А уж про то, что у нас творится, я вообще молчу.

Глава 16

poetry [ˈpəʊɪtri] – сущ. поэзия, стих

indulgence [ɪnˈdʌldʒəns] – сущ. снисхождение, снисходительность

madness [ˈmædnɪs] – сущ. помешательство, сумасшествие

Домой Женя возвращался в приподнятом настроении – впереди маячили выходные, да и дело было не только в них. Он уже второй раз за день звонил Саше, просто чтобы поболтать, а на него это совсем не было похоже.

Достав телефон, Женя поймал себя на мысли, что он, как подросток, сначала взвешивает, писать или не писать, а выбрав вариант «писать», размышляет, как лучше всего это сделать, зависая чуть ли не над каждым словом, стирая и переписывая предложения.

О любовных переживаниях Женя имел представление с самых ранних лет – как-то в детстве он выступал со стихами в актовом зале и ДК Екатеринбурга.

Стихи он читал о том, о чем не имел представления ни тогда, ни, наверное, сейчас. О любви.

Особенно это впечатляло сердобольных женщин чуть за 35 – стоящий в дурацкой бабочке на резинке, пиджаке на размер больше, старательно причесанный мамой мальчик, громко и с выражением повествующий о разбитом сердце и душевных муках, не мог не вызывать умиления.

Наверное, как раз те самые женщины и были первыми, кто пророчил Жене судьбу сердцееда и собирателя женских слез. Правда, Женины ровесницы их пыл не разделяли. Повидимому, хореи и ямбы сохраняли свои чары только

на сцене. Любая поэзия, да и проза о любви становится трогательной, если любовь – неразделенная. Про взаимную любовь никто не пишет. Маяковский, Гумилев, Кафка – о чем бы они могли поведать поколениям, если бы Брик, Ахматова и Есенская после первого знакомства со своими обожателями сказали: «А поехали ко мне, у меня сегодня никого нет»?

Бабушка с мамой аплодировали и снимали Женины выступления на видеокамеру – но Женя уже потихоньку вступал в тот возраст, когда родительский восторг означает, что ты что-то делаешь не так. Наверное, у каждого ребенка наступают периоды, когда он готов слушать хоть кого: одноклассника с дорогим телефоном или того крутого пацана с соседней пятиэтажки, который под восхищенные взгляды товарищей помладше громко рассказывал пошлые истории и матерился, не боясь быть услышанным. А недавно еще и курил за гаражами, вытащив накануне несколько сигарет из отцовской пачки. Короче, готов слушать кого угодно. Но только не родителей.

Сам Женя отчетливо помнил минуты на сцене. Если он, подойдя к микрофону, сразу не начинал читать, то каждая секунда промедления казалась ему роковой – ему казалось, что все заметили его затянувшуюся паузу в этой оглушающей тишине актового зала. От прожекторов стоял сильный, буквально осязаемый жар, из-за чего во рту пересыхало и язык прилипал к небу.

Поправив бабочку, которая душила, как удавка, Женя начинал читать. И тогда он забывал обо всем – взмахивал руками, играл мимикой, в общем, полностью выполнял все заветы своего художественного руководителя – полной вневозрастной женщины, которая постоянно повторяла, что самое худшее, что может сделать поэт – это говорить на языке поэзии с прижатыми, как у солдата на плацу, по швам руками.

Помимо бурных оваций, в конце выступления Женя всегда собирал коробку-другую конфет.

Бабушка их есть не разрешала — опасалась того, что они могут быть отравлены, или того хуже, на них могли наложить порчу завистники.

Впрочем, мама бабушкиной паранойи не разделяла, и забирая у бабушки сладкие трофеи под предлогом их утилизации на ближайшей мусорке, подмигивала и отдавала их Жене.

Чтобы не быть обсмеянным сверстниками, свой поэтический опыт Женя тщательно скрывал от одноклассников. Потом наступил переходный возраст, в котором любой ребенок хочет казаться хуже, чем он на самом деле есть — и прошлого себя, наивного и поэтичного, Женя стал стыдиться. Все тетрадки со стихами были тщательно уничтожены получше любого офисного shreddera.

Сейчас же, когда поэзия снова вошла в моду, а может, избавившись от комплексов, Женя этого факта стесняться перестал и даже часто упоминал о своем поэтическом прошлом в разговоре с девушками.

Женя уже заходил во двор, как его размышления прервал знакомый голос, доносившийся с детской площадки.

— Мальчик! Мальчик!

«Ну начинается», — подумал он.

— Мальчик! — голос бабули приобрел оттенок жалобной настойчивости.

Почти дойдя до подъезда, Женя все-таки развернулся, сделав вид, что услышал крики только сейчас.

— Здравствуйте, — произнес он, поравнявшись с бабушкой на скамейке. — Мальчика-то где увидели вы? — Женя пытался добавить в голос нотку добродушия. Получилось не очень.

— Мальчик, ты здесь живешь? — с неподдельным интересом спросила бабулька, немного подавшись в сторону Жени.

– Ну да, год точно последний. А вы – так все 40, я думаю, – ответил он.

– Да? – на старческом лице появилась растерянность. – А ты... ты... квартиру можешь мне показать мою? Я забыла, какой номер.

– Отчего же не покажу, – с театральным поклоном ответил Женя. – Пойдемте.

Бабулька, скрючившись, встала и, постояв несколько секунд в поисках точки опоры, взяла Женю под локоть.

– Бабуся, нам туда, – Женя указал пальцем в сторону подъезда.

– Точно? – неуверенно спросила она.

Женя хмыкнул.

– Из нас двоих, бабуль, лучше верить мне.

Бабуля, заходя в подъезд, держалась за стену и передвигалась миллиметровыми шагами, всматриваясь в тусклое пространство лестничного пролета. Было ощущение, что она пробиралась через какую-то пещеру, а не через свой подъезд. Поднявшись по ступенькам к лифту, Женя протянул ей руку.

– Вы вот как возвращались бы, если меня не было? Вы давайте лучше без нужды не выходите из дома.

Услышав последнюю фразу, бабулька ошарашенно посмотрела на Женю, захлопав глазами, как будто он только что пригрозил замуровать входную дверь в квартиру, как только та захлопнется за спиной бабульки. Тем самым окончательно лишив ее удовольствия сидеть на старой продавленной лавочке посреди детской площадки, на автомате кивая здоровающимся с ней соседям, которых она уже даже не узнает.

Хлопнула подъездная дверь.

Бабуля, вздрогнув, опасливо обернулась всем телом. На лестничную площадку зашел сосед – с какой он был квартиры, Женя уже не помнил.

– Здравствуйте, – робко поздоровалась с ним старушка, внимательно всматриваясь в его лицо.

– Привет, мама, – негромко ответил мужчина. Он мельком посмотрел на Женю и кивнул головой.

– Мамуль, как погуляла? – он бережно положил старушке руку на плечо, заглянул ей в глаза.

Та, сначала недоверчиво, а затем, увидев открытую улыбку и готовность ее выслушать, стала рассказывать:

– Вот, погода сегодня хорошая, солнце ушло, правда. А вы не гуляли сегодня? Я вот...

– Давно она у вас так? – не дав старушке договорить, спросил Женя.

– Ну... где-то несколько месяцев, – ответил мужчина, бережно беря старушку под руку.

Женя понимающе кивнул.

Бабулька, хлопая глазами, переводила взгляд то на Женю, то на своего сына – как ребенок, который хочет поучаствовать во взрослом разговоре, но слыша одни непонятные и незнакомые слова, не решается вступить.

– До свидания, – попрощался мужчина, когда они дошли до четвертого этажа.

– Давайте, не болейте, – кивнул Женя.

Старушка не повернулась, как будто забыла, что с ними поднимался кто-то еще. Хотя она и так забыла – повернись она сейчас к Жене, то обязательно бы спросила, где она раньше могла его видеть.

Зайдя домой, Женя привычным движением поставил на плиту турку и щелкнул конфоркой.

На верхней полке холодильника лежала кастрюля с макаронами и пара куриных грудок. Что касается последних, то Женя с Максом как-то шутили, что если бы у еды в холодиль-

нике была своя гастрономическая иерархия, то макароны среди других продуктов пользовались бы авторитетом. Они видели буквально все. И достаток, и голод. Даже изредка покидая его стены, они оставались на полках буфета в обезвоженной и высушенной форме доширака. Но были на кухне всегда.

Отломав кусок слипшихся макарон, Женя поставил тарелку в микроволновку. Иногда он, правда, любил немного покулинаруничать, найдя рецепты в каком-нибудь паблике для домохозяек, но сегодня был явно не тот день.

Несколько раз ему готовила Настя, когда оставалась у него — как он понял, ее муж был не в особом восторге от ее кулинарных подвигов. «Будешь ругать свою бабу за то, что она не очень готовит — поверь, очень скоро она будет готовить кому-то другому», — подумал он тогда.

Все же он пришел к выводу, что любая еда, приготовленная женской рукой, на порядок лучше, чем та, что готовил он. Даже какой-нибудь простецкий омлет, приготовленный на той же плите и из тех же яиц, становился легким и воздушным. Парадокс, да и только.

Усевшись на диван, Женя пододвинул стол с ноутбуком. На днях он начал смотреть какой-то фильм с Лиамом Ниссаном — вроде интересный, но не настолько, чтобы посмотреть его за раз, не отрываясь. Как раз для скучного вечера вроде сегодняшнего.

Как человек, претендующий на снобство, Женя не одобрял российский дубляж и смотрел фильмы в оригинальной озвучке с субтитрами. Можно было даже и без них, кроме случаев, когда роли исполняли англичане. «Лавли» у них превращалось в «ловли», а «кэт» в «кат».

Отмотав на нужный момент, Женя, подперев рукой голову, смотрел на происходящее на экране со скучающим лицом прожженного кинокритика.

Где-то под титры Женя начал клевать носом. Зевнув и потянувшись, он закрыл ноутбук и вытянулся на диване.

«Херня какая-то, — подумал он про себя. — Вот зачем было в конце...»

Несмотря на то что он только что досмотрел фильм, Женя поймал себя на мысли, что вообще не помнит, о чем он был. Было ощущение, что последние полчаса просто пропали из жизни. «Стоп, — подумал он. — А я смотрел его вообще?»

Женя открыл ноутбук. Бегунок проигрывателя был в самом конце, но Женя не мог вспомнить, когда он вообще смотрел этот фильм и смотрел ли его вообще.

Он быстро прощелкал другие вкладки браузера — ничего из того, что он там увидел, он не помнил.

С тревожным чувством Женя захлопнул ноутбук и старательно осмотрел его. Он очень хотел поверить, что по какому-то неведомому стечению обстоятельств этот ноутбук — вовсе не его, а просто чей-то очень похожий. Но нет, все тот же скот от падения со стула и стикер с названием сетевой игры, в которой он просиживал пару лет назад.

Жене вдруг стало душно. Стены начали давить, будто смыкаясь и превращаясь из большой гостиной в узкий и тесный чулан.

Он пошел на кухню, по пути закрыв дверь в комнату. Возвращаться туда ему не хотелось.

Подойдя к раковине, он налил себе стакан холодной воды из-под крана.

Нервно расхаживая по кухне, он пытался найти объяснения случившемуся. Мысли, ускользая от него, тонкими струйками расходились в разные стороны, как ветки метро.

«Так, — мысленно начал рассуждать он, пытаясь успокоить себя рассудительным размышлением, — предположим, я за-

был отрезок времени. Отрезок от получаса до часа. Что я делал перед этим? Пришел с больницы. Приготовил поесть. Или не готовил?» — Женя застыл.

«Нет, нет, все сначала, — Женя сделал глубокий вдох. — Пришел с больницы. Турка стоит в раковине, есть я не хочу. Значит, я приготовил кофе и поел».

В кухне тоже становилось невыносимо. «Надо подышать воздухом, — подумал Женя. — Надо просто подышать, и все пройдет».

Он торопливо надел кроссовки и судорожно дернул дверную ручку, как будто бежал из горящей квартиры.

«Я ведь не схожу с ума? — сердце панически стучало. — Нет, не схожу. С чего бы это? Так резко это не происходит».

Женя бегом спускался по ступенькам — на секунду ему показалось, что он попал в какой-то цикл, временную петлю, и все эти двери, коврики у входа, кадки с цветами на подоконниках будут повторяться снова и снова.

— Я все осознаю, — шепотом повторял Женя, перепрыгивая через ступеньки, как будто дело было в них, и чем быстрее он отсюда уйдет, тем быстрее все войдет в нормальное русло. — Я Гурц Евгений Владимирович, 1996 г. р. Я прохожу практику в пятой областной больнице. Я Гурц Евгений Владимирович, 1996 г. р. Я прохожу практику в пятой областной больнице. Я Гурц Евгений Владимирович, 1996 г. р. Я прохожу практику в пятой областной больнице.

А вот и долгожданная подъездная дверь. Женя с силой надавил на ее черную резиновую кнопку.

Надо было срочно на воздух.

— Куда прешь? — громкий гудок машины заставил вздрогнуть. Водитель, высунув голову из окна, гневно смотрел на Женю. — Бухой, что ли?

Женя мельком глянул на светофор. Действительно, горел красный.

— Простите, — крикнул Женя и торопливо сделал два шага назад, на перекресток.

— А зачем дядя на красный идет? — подняв на маму большие наивные глаза, спросила девочка в разноцветном шарфе. Женщина критично осмотрела Женю.

— Ну, жить дяде надоело, наверное, — поучительно ответила она.

Женя, не слыша ничего вокруг, озирался по сторонам. Он знал, где находится — это был самый первый перекресток, через дорогу которого он шел к остановке каждое утро. Но чего он точно не знал — так это того, как он тут оказался. Последнее, что он помнил — это то, как он открыл подъездную дверь.

Женя обхватил руками голову.

— Бля, да что со мной происходит-то, — вполголоса сказал он.

Надо было идти домой. Тем более, как ему казалось, своими метаниями он уже привлек внимание нескольких проходивших мимо людей. Некоторые из них уже стали оборачиваться.

Женя чувствовал, что сознание к нему вернулось — но надолго ли?

Зайдя домой, Женя обессилено упал на диван.

«Да что со мной происходит-то?» — думал он, рассматривая люстру с тускло горящими лампочками. Из пяти ламп работали только три, но заменить оставшиеся Женины руки так и не доходили.

«Сначала чуть инфаркт не хватил в зале, потом чуть не ослеп, а сейчас с ума схожу. Зашибись картинка в 24 года».

Женя вдруг поймал себя на мысли, что такая последовательность болезней показалась ему почему-то смутно знакомой. Как будто между ними была какая-то связь, но какая — уловить он не мог.

Это было похоже на дежавю — он уже как будто переживал эти симптомы раньше.

«Я так больше не могу, — подумал Женя. — Отпрошусь-ка я завтра».

Зайдя на кухню, он растолок в ложке шесть таблеток глицина и запил их стаканом холодной воды.

«Зато есть и плюсы, — подумал он, убирая кружку обратно. — Начну выходные на два дня раньше».

Глава 17

love [lʌv] – *сущ. любовь, влюбленность*

arrogant [ˈærəʊɡənt] – *прил. высокомерный, самонадеянный*

discovery [dɪsˈklʌvəri] – *сущ. открытие, раскрытие*

Проснулся Женя в обед – позвонив заведующей накануне вечером, он сослался на высокую температуру и ужасные головные боли. Выслушав стандартное «врачи не должны болеть» и пообещав не болеть еще как минимум год или же хотя бы до окончания практики, Женя официально объявил свой мини-отпуск открытым.

По такому поводу он решил пойти завтракать в кофейню. Про вчерашнее он старался не думать, но пообещал себе сходиться на комплексное обследование по возвращении в больницу.

Погода опять была дождливая – Женя уже не помнил, когда в последний раз апрель был так щедр на осадки.

Зайдя в кофейню, он заказал себе американо с лимоном и сэндвич.

В ожидании, когда кружка с дымящимся кофе слегка остынет, Женя, закинув ногу на ногу, обвел глазами зал.

Здесь у них с Сашей было первое свидание, только сидели они чуть поодаль, на диванчиках у окна.

Но сидел он так же – нога на ногу, рука на спинке дивана, взгляд слегка небрежный, но в меру хищный.

В общем, следовал всем канонам прочитанной на то время пикаперской книжки.

Сейчас же, по его мнению, он повзрослел и в подобного рода советах и рекомендациях не нуждался. Хотя книжку

не выбрасывал, порой читая обведенные фломастером абзацы перед ответственными свиданиями.

Саша — этакая тургеневская девушка в хорошем смысле этого слова. Про таких обычно говорят, что созданы они для замужества. Поначалу у Жени были мысли о тихом омуте и чертях, но время показало, что никаких чертей там не было, или во всяком случае, они очень хорошо прятались.

А как известно, простота — хуже воровства. Исконно русская поговорка. Правда, не совсем понятно, настолько ли уж плоха эта простота или воровство уже не считается таким предосудительным.

В чем-то женщинам можно позавидовать. Они живут эмоциями. Мужчины могут жить так только в детстве. Женщины могут позволить прожить так всю оставшуюся жизнь. Все чувства у них приправлены усилителями вкуса. И смех, и слезы — все это у них щедро вымочено в глутамате натрия. А о любви, по мнению Жени, они имели искаженно-романтическое представление, хотя именно они и являются ее носителями.

Любовь. В школе девочки влюбляются всегда возвышенно и целомудренно, а мальчики — похотливо, зато некоторые — щедро. Большинству же приходилось оставлять свою любовь на платоническом уровне насильно. Вернее, они бы с удовольствием спустили бы ее на уровень ниже, но никто не знал как.

Любовь. Родители говорили: в школе не время. В их представлении, если ты влюбишься, то обязательно забросишь учебу, начнешь поздно возвращаться домой, а все деньги, которые тебе давали утром на столовую, будешь тратить на объ-

ект своего обожания. Наверное, их представления не были далеки от истины.

От любви тебя тщательно уберегали, как от эпидемии ОРВИ.

Правда, когда оберегать от нее переставали, к тому времени эта самая любовь уже обростала кучей условностей. Ты уже не сбежишь в кино на дневной сеанс, который начинается в 11:30. Серьезным мужчинам вообще не пристало куда-то сбежать.

Выходит, что для любви нет подходящего времени. Она всегда к месту и всегда не вовремя.

Но надо отдать любви должное, она благотворно сказывалась на школьных хулиганах, шпане и прочих дворовых маргиналах. Ребята, которые были безразличны к родительским угрозам про детскую школу милиции и армию, оказались абсолютно уязвимы для веснушек, тонких запястий и острых коленок.

Только любовь оказалась способной поумерить их отчаянный максимализм и откровенное разгильдяйство. Она спасала от брошенного в чью-то голову булыжника, а школьников помладше – от ограбления. И если школьников все же грабили – то только для того, чтобы купить цветы и плюшевого мишку. Но уж никак не из хулиганских побуждений.

Нравиться девочкам или найти машину времени – подумал про себя Женя, когда Рахманинов спросил его, чего бы он хотел в жизни больше всего. Обе идеи были по-своему фантастичны.

В какой-то момент между Женей и его ровесницами появилась пропасть. Появилась она как-то случайно, незаметно и без треска. Только вчера вы смеялись над одними шутками, а уже сегодня в ее глазах появляется какое-то снисхождение. Ему казалось, что он с каждым днем все меньше и меньше их понимает. У них вдруг резко появляется чувство личного про-

странства и моментальное отторжение при их нарушении. Они перестают обсуждать с тобой личные темы.

Девочки стали чаще появляться в компании старшеклассников, а то уже и закончивших школу парней. За некоторыми даже приезжали парни на машинах. Те частенько мерили выходящих из школы ребят с ранцами насмешливыми взглядами и лузгали семечки, хотя в этой демонстрации превосходства не было необходимости. Все и так было понятно. Никто даже сильно не расстраивался такому исходу, за исключением, наверное, самых оголтелых романтиков или наивных и влюбленных. Никто из них не мог предложить им досуг поинтереснее, чем шатание по парку холодным ноябрьским вечером.

Как сказал один мамин друг, любовь – как тот порш, припаркованный у салона красоты. Быстрый и захватывает дух, но не каждый может себе его позволить.

Правда, один из Жениных одноклассников все же мог. В день рождения было принято выходить к доске и выслушивать поздравления. Учительница экспромтом выдавала какие-то приятные банальности. В эти редкие минуты все хулиганы становились «веселыми и коммуникабельными», а все задроты – «талантливыми и умными». После слов учителя класс нестройно хлопал, а виновник торжества, шуруша целлофановым пакетом, разносил по рядам конфеты. Вечеринка заканчивалась.

Артем же задал совершенно новый уровень празднеств. В его день рождения без 15 минут девять на пороге класса появился доставщик пиццы. Еще через 15 минут подъехала мама Антона с растянутыми от тяжести пакетами с колой и спрайтами. Так как с продвинутым этикетом еще никто не был знаком, учительница намекнула, что в таких случаях принято предложить донести даме сумки. Класс неуверенно

поглядывал на появляющиеся пластиковые тарелки и стаканчики. В воздухе витало предвестие чего-то грандиозного.

Лицо Артема сохраняло выражение отстраненной деловитости. Налив себе стакан пузырящейся колы, он кивнул головой в сторону своего стола.

– Налетайте.

А потом был аниматор. Девушка лет 20 с большим бюстом в костюме Минни Маус. Наверное, все дети по приходе домой решили пересмотреть пару серий – чтобы удостовериться, что у подруги Микки Мауса действительно было декольте. Учительница стыдливо улыбалась. Чтоб хоть как-то себя занять, начала вытирать и без того чистую доску.

Минни Маус, громко считая, тянула Артема за уши.

Все это напоминало корпоратив небольшой компании, нежели день рождения четвероклассника.

Потом был хоровод. Жене польстило, что вторую руку она протянула ему – первой она уже крепко держала именинника. Женя отчетливо помнил прикосновение этих пальцев – слегка холодных и жестких. С тонкими, как проволока, но изящными колечками. Когда они поднимали руки вверх, от запястий проносился тонкий запах духов. Женя стеснялся этого движения – от беготни по коридорам он уже вспотел, и продемонстрировать свои мокрые подмышки совсем не хотелось.

Этот внезапный стыд перед своей предательской физиологией сковывал тело и делал движения деревянными. Точно Женя не помнил, но скорее всего, именно после этого он впервые купил дезодорант.

В этом хороводе никто из парней не решался дурачиться – ни один не хотел упасть в грязь лицом перед девушкой в мышинном костюме. Все чувствовали себя монахами, давшими обет безбрачия, и к которым на экскурсию в их уединенный монастырь приехала Саша Грей.

Стыдливо улыбаясь, ребята смотрели в пол и размеренно шагали. Если бы не школьная форма и общая придурковатость, застывшая на лицах, можно было принять их хоровод за марш кадетов.

Даже самый отъявленный классный оболтус не предпринял ни одной попытки сорвать или хотя бы слегка подпортить мероприятие, как он всегда это делал.

Краснощекий и вечно орущий, он, как Джек Николсон после лоботомии в «Пролетая над гнездом кукушки», добродушно улыбался и даже не вызывался участвовать ни в одном конкурсе.

В тот день он понял, что такое любовь. Во всяком случае, ему так показалось. Она не витала в воздухе, как писали лиричные поэты XVIII века. Она была этим воздухом. Ты не предпринимал никаких шагов и не добивался расположения к себе, а следовательно, не получал этой любви опровержения.

После того как ты влюбился, надоедливые стихотворения Александра Сергеевича звучат для тебя совершенно иначе. Наконец-то их начинаешь понимать.

Даже все школьные красотки стали казаться тусклыми, невзрачными. Не то чтобы они были не такими красивыми — хотя и это тоже, они как будто остались на земном, поверхностном уровне, не в силах дотянуться до этого платонического уровня где-то высоко над их головами.

Приехавший за Артемом отец по достоинству оценил аниматора и оставил ей денег на чай. А был он человек искушенный и серьезный. В фильмах «серьезные дяди» пьют виски со льдом и играют в гольф в поло Ralf Lauren. А вечером надевают костюм-тройку с узкой, корсетобразной жилеткой, которая так смотрится с торчащей из ведерка со льдом бутылочкой Cristal.

Папа Артема был в черных спортивных штанах «Нью Йорк Чемпионс» и такого же цвета найковской куртке. Но его серьезность под сомнение никто не ставил.

Учителя, сидя на кафедре, говорили «бизнесмен», а по губам читалось «бандит».

Источник его дохода многим не давал покоя.

Есть такая старинная русская забава — считать чужие деньги. Это просто, а главное, увлекательнее всех школьных задач про яблоки. Единственная в своем роде математика, которая придется по душе всем.

Считать можно хоть у кого — хоть у папы римского. Но тот сидит где-то далеко, в Ватикане. В другом мире, можно сказать.

Можно посчитать у Цукерберга, но там тоже особо не посплетничаешь. А вот новая машина Артемова отца — другое дело. И когда это только он успел ее купить, если они вот-вот вернулись с островов, где должны были сильно поиздержаться?

Цукерберг, можешь спать спокойно. Твои сбережения пересчитывать не будут. Не сегодня.

В ресторане таких, как отец Артема, выделяет дорогая водка, на дороге — дорогая машина, дома — дорогая жена.

Русским дельцам старой закваски чужда аристократичность и томный снобизм.

— Все эти сигары — говно. Обыкновенный понт, — вещал отец Артема. Не сам, а через самого Артема, который утром подробно рассказывал о выводах и умозаключениях своего отца.

Все слушали с придыханием жителей Советского Союза, услышавших первую радиопередачу про быт Америки.

От вопроса, чем же его отец занимается, Артем уходил или скромно обобщал: металлами.

– Дорогими? Платина? – выкрикивали любопытные голоса. Но осведомленностью в теме драг. металлов Артема было не удивить и не сбить с толку.

Он снисходительно и скучающе улыбался – так, наверное, улыбнулся бы Абрамович, если бы тысячный по счету журналист опять попросил рассказать его, как он заработал свой первый миллион. Абрамовичем Артема и называли – за глаза, разумеется. Хотя скорее так следовало бы называть его отца, но называть Абрамовичем отца Артема было страшно даже за глаза. В каждом однокласснике виделся ре-негат и предатель, который хотя бы вскользь скажет Артему, что его отца тут не боятся и позволяют себе шутки шутить. А там исход был ясен – в багажник и в лес.

А со слов Артема, новые знакомства и бизнес-встречи отца заканчивались двумя способами – либо в сауну и пить водку, либо в багажник – и в лес.

Судя по всему, его отец действительно занимался какими-то ресурсами, потому что на уроках географии Артем знал обозначения всех полезных ископаемых.

Его даже однажды похвалили, хотя до этого почти все его диалоги с учителями состояли из односторонних угроз про дневник и звонки родителям.

Весь класс в немом вопросе обернулся на последнюю парту с лицами туземцев, увидевших первый в их жизни вертолет с гуманитарной помощью – все хотели увидеть, как Артем отреагирует на новую для него учительскую эмоцию под названием «похвала». Тот, насупив брови, ответил всем кивком головы, означаящим «Че надо?».

Зато в тот день рождения Артема Женя удовлетворил больше потребностей, чем мог вместить. Он и наелся, и влюбился. Для «особо приближенных» к Артему в культурную

программу входило кино. Чтобы попасть в список особо приближенных, надо было все это время не огрызаться на подколы Артема и сносить его выходки. И иногда, когда Артему было лень, брать у него деньги и покупать что-нибудь для него в столовой. Разумеется, с чаевыми для гонцов. Женя и двое других одноклассников в эти списки проходили.

Отец Артема курил у школьных ворот.

Рядом с ним, как ручной динозавр, хищно светил фарами гелендваген.

Увидев их, он махнул им рукой и, открыв водительскую дверь, скрылся за тонированным стеклом.

Гуськом, бросая тревожные взгляды на багажник, их троица аккуратно уселась на заднее сиденье.

В машине было темно, как будто на улице стояли глухие сумерки.

Пахло роскошью. Оказывается, чтобы услышать, как пахнет роскошь, надо не так уж много: кожаный салон (дорогостоящего автомобиля), табак (от сигареты пятиминутной давности) и дорогой парфюм (очень дорогой). Герою романа «Парфюмер» даже не надо было снимать ни с кого скальпы и вымачивать в огромных мензурках. Рецепт был на поверхности. Впрочем, снимались ли скальпы с конкурентов ради покупки такой машины, история умалчивает. А добровольно узнавать об этом не хотелось.

Машина тронулась плавно и абсолютно бесшумно.

— Ну что, мужики, рассказывайте, — доверительно обратился отец Артема. — Кем хотите работать? — гробовая тишина.

Два улыбающихся глаза смотрели на них через зеркало заднего вида.

— Ну че все дружно замолчали? Признавайтесь.

– Ну там... Игры делать, – проблеял зажатый посередине одноклассник. Женя согласно кивнул.

Плох тот школьник, кто не хотел стать разработчиком компьютерных игр. Другие профессии в том возрасте мало интересуют.

Отец Артема иронично хмыкнул.

– А я поваром, – ответил тот, что сидел у окна.

Теперь уже хмыкнули Женя с первым одноклассником.

Почему-то рабочие профессии в детстве воспринимаются как ругательства. Точнее, не почему-то, а по вполне ясной причине – благодаря родительским угрозам вырасти дворником, поваром или сантехником.

– Зря ржете, парни, – отрезал смех отец Артема. – Ваш товарищ дело говорит. Надо идти в промышленность или производство. Играть в игрушки люди перестанут. Придумают что-нибудь новое. Компьютеры все устареют уже лет через 20. Какие-нибудь очки сделают, что их надеваешь и – хоба! Как в сон попал. И будут ваши компьютеры просто металлоломом. Вместе с газетами и пивными бутылками в пункт приема потащите. А вот жрать и срать, – выдержал он многозначительную паузу, – люди будут всегда. Небо если на землю упадет – все равно будут. И ничего в этом стыдного и плохого нет. Что бы там Пушкин ни говорил. А вам, кстати, не рассказывали, – он заговорщицки повернулся к ним на светofоре, – что Пушкин тот еще ебарь был? Нет? То-то же. Стихами пичкают вас там и все. А чтобы рассказать, что он в первую очередь живой человек был – это мы не хотим. А потом возмущаются, почему дети поэзию не любят.

Все заднее сиденье послушно внимало лекции.

– Я Артему и говорю – главное, чтобы был стержень, – для наглядности он продемонстрировал сжатые в кулак волосатые пальцы. Почему-то Жене вспомнилось, что размер кулака примерно равен размеру сердца его обладателя. Это

означало, что сердце у отца Артема было огромное и, наверное, доброе. Обручальному кольцу явно было тесновато на его мясистом безымянном пальце. — А главное, парни, надо работать. И дохера работать, парни. Мне говорили: получишь образование, так тебя с руками оторвут. И че думаете? Ну получил. Не оторвали. Сука, за рукав даже никто не дернул, — хохотнул он, выпустив в окно строю дыма. — Руки так же из плеч и растут целые. Потому что мы все сами по себе.

Машина остановилась у кинотеатра.

— Ладно, парни, бывайте, — пожал он руку каждого огромной пятерней, — себя берегите и родителям нервы не портьте.

Отхлебнув еще пока горячий кофе, Женя наслаждался тем, что он находится здесь, в кофейне, а не на скрипящем и неудобном больничном стуле, приветствуя всех входящих кислой миной и вбивая возраст, рост и вес пациентов в постоянно виснущую программу, от которой хочется выкинуть системный блок и повеситься на шнуре удлинителя. Женя представил, как остается работать там после практики и окончания универа. Перспективы ужасные — все это напоминало ему оплачиваемую каторгу. Рабство XXI века. На смену галерам и кнуту пришли рабочий стол и выговоры с предупреждениями. Вместо кусочка сахара, небрежно кинутого тебе хозяином-землевладельцем — отпуска и тринадцатая зарплата.

Он давно перестал читать медицинскую литературу — все справочники, которые он скачал на телефон, мертвым грузом висели на экране, отложенные до лучших времен. Когда эти времена должны наступить — никто, включая Женю, не знал.

Единственное, что немного взбудрило его — это необъяснимым образом вставшие на ноги пациенты с инсультом и с безнадежной травмой глаза.

Задумчиво взяв сэндвич, Женя замер.

Пациенты. Точно. Инсульт и травма глаз. И в те же дни, как они появились в палате, он сначала чуть не отключился в зале, а потом стал слепнуть на стадионе.

Вот почему эти симптомы вчера показались ему так знакомы.

Это необъяснимое совпадение слегка взволновало его.

«Бред какой-то, — разубедил себя он. — Не сходится. Вчера у меня помутнение было, а пациентов с такими явлениями у меня не было».

Чтобы успокоить себя, Женя мысленно перебрал всех пациентов за последний месяц. Ни у одного из попавших к ним не было ни деменций, ни провалов в памяти, ни каких-либо дисфункций мозга.

«Вот и несостыковка, — подумал он. — Последний подобный пациент поступил в прошлом месяце — пенсионер, который, заблудившись и забыв, где он живет, всю ночь просидел в каком-то сквере и отморозил ноги».

Если только...

Женя почувствовал, как по всему телу побежали мурашки.

Соседка. Старушка, живущая под ним.

Все то, о чем подумал Женя, складывалось в общую картину, но картину настолько бредовую и гротескную, что в нее невозможно было поверить.

«Неужели опять началось, — подумал Женя, помятуя о своих вчерашних играх разума, — раз такая херня мне в голову лезет и я еще в нее верить начинаю».

Расплатившись, Женя взял пальто и вышел на улицу, оставив на столе недопитый кофе и нетронутый сэндвич.

«Нет, ну это же бред, — размышлял он, подходя к перекрестку. — Просто какое-то идиотское совпадение».

Все же оставался один способ проверить это.

Женя позвонил в дверь.

Звонок был неприятный и скрежещущий. Когда-то давно, когда Женя был маленьким, у них был точно такой же. Этот звонок делал из жильцов форменных невротиков. Не могут у человека, звонящего в дверь таким звонком, быть хорошие намерения. Никто не открывал. Подождав с полминуты, Женя позвонил еще раз.

— Иду-иду, — услышал он. Через мгновение по ту сторону двери послышались шаги, дверной глазок потемнел.

Дверь открылась.

— Здравствуйте, — сказал Женя.

— Добрый день, — старушка доброжелательно посмотрела на него.

В ней что-то изменилось, но Женя не сразу понял, что именно.

— Я... Эээ. Это, услышал что-то, — Женя переминался с ноги на ногу. — Вроде звук какой-то громкий, думал, может, что случилось у вас. Может, помощь нужна.

— Нет, все хорошо у меня. Ничего не падало, — пожала плечами старушка.

Женя понял, что в ней изменилось — растерянно-вопросительный взгляд, который раньше не сходил с ее лица, куда-то пропал. На него смотрела обычная пенсионерка, этакая бабушка-одуванчик, до посинения откармливающая внуков пирожками, читающая «Комсомольскую правду» и предсказывающая погоду болью в суставах.

— Эээ. Ну понял тогда, извините. До свидания.

Поднявшись на две ступеньки вверх, он развернулся — старушка закрывала дверь.

– Простите, а вы... вы... помните меня? – с какой-то надеждой спросил он.

Бабуля с удивлением посмотрела на него.

– Жень, ну конечно помню. Я, конечно, старая, но не дура, – улыбнулась она.

Дверь захлопнулась.

Женя поднимался по ступенькам. Сердце колотилось, а мозг тщетно пытался найти логическое объяснение всему происходящему. Но каждой, казалось бы, разумной причине он тут же находил опровержение.

Логика и здравый смысл сейчас были шаткой башенкой из игры, по правилам которой надо было поочередно вытаскивать по бруску, чтобы она не упала.

И Женя чувствовал, будто кто-то решил сыграть в эту игру по правилам городков, метнув в эту самую башенку увесистую палку, от чего она с грохотом рассыпалась.

Глава 18

miracle [ˈmɪrəkl̩] – сущ. чудо, диво

dare [dɛə] – сущ. вызов, смелость

distrust [dɪsˈtrʌst] – сущ. недоверие, сомнение

Иногда, чтобы какая-то ерунда вышла из головы, надо просто лечь спать. Вот просто лечь и все. Не пытаться копаться и разбираться в проблеме – скорее всего, эта самая проблема просто-напросто еще больше раздуется или к ней добавится парочка других. Заснуть сразу, конечно, не получится. Но зато есть большой шанс следующим же утром проснуться абсолютно спокойным – во сне мозг как будто сам подберет все нужные аргументы и приведет все к общему знаменателю. У сна есть неоспоримый плюс – он все выравнивает и обнуляет.

Об этом ему говорила бабушка, но также она и добавляла, что, если ты о чем-то мечтаешь поздно вечером, обязательно запиши – потому что с утра это все тоже обнулится и вечерние мечты либо забудутся, либо будут казаться тебе полной ерундой, не стоящей твоего внимания.

С утра Женя смог убедить себя, что все это было не более чем дурацким совпадением. Необъяснимым, странным – но совпадением.

Он решил больше не думать об этом и увидеться с Сашей.

Его приготовление завтрака из двух тостов с арахисовой пастой и вареньем прервал звонок телефона.

– Але? – это был Макс.

– Женек, включай телек, – оживленно и без приветствия начал он. – Нас снимали вчера, щас покажут.

Голос Макса звучал так, будто он принял участие как минимум в съемках «Титаника».

Макс как в воду глядел — заведующая через день позвала съемочную группу с местного регионального телеканала.

Ведущая из студии, монотонно читающая сухой текст о чудесах, происходящих в больнице №5 г. Екатеринбурга, сменилась кадрами из Жениной больницы.

Сначала выбрали ракурс больницы со стороны курилки — как ни странно, всегда заполненная мерзнущими фигурами в белых халатах, испускающих клубы дыма, в этот раз она пустовала.

«Естественно, — подумал Женя. — Конечно, у нас же ни один врач не курит».

Показали заведующую — она что-то там рассказала про денно и ночью прикладываемые усилия и слаженную работу медицинского персонала.

«Все-таки не идет ей эта помада, — думал Женя, глядя на бордовые губы заведующей. — Еще лет 10 себе набросила. А ведь ради такого мероприятия еще на полтора часа раньше встала, чтобы накраситься».

Уже в самом конце показали и их захолустный кабинет — Настя с Максом, стоя рядом, как два первоклассника на линейке, дебильно улыбались, рассказывая о том, как за эту неделю двое пациентов чудесным образом исцелились. Вернее, слово «чудесный» использовала лишь корреспондентша, заведующая же, на которую переключилась камера и которой снова дали слово, использовала куда более скромные выражения — такие как «слаженная работа», «профессионализм» и «ответственность».

— Полин, ну так и скажи: в российских больницах чудес не бывает, — глядя в экран, хмыкнул про себя Женя.

Показали и Макса — тот, по-видимому, пытался придать своей физиономии оттенок солидности, уложив волосы на-

бок — но добился лишь торчащего антенной вихра, заметив который, Женя уже не мог не обращать на него внимания и прослушал все, что тот сказал.

Напоследок корреспондентша пообещала и в дальнейшем следить за происходящим в пятой городской больнице.

«Да следите на здоровье, — подумал он. — Я пока в отпуске, так что чудес не ждите».

Женя отбросил пульт и растянулся на диване. Через час он собирался встретиться с Сашей в парке, поэтому надо было собираться. А на улице опять какие-то невнятные тучи.

Парк — это единственное место в городе, где Женя чувствовал себя прекрасно.

Скорее даже два места — парк и вокзал. С парком все более-менее понятно — вряд ли можно найти ребенка, у которого бы парк не вызывал теплых детских воспоминаний.

Вокзал — это совсем другое.

Бросив взгляд в зеркало в прихожей, Женя вышел и хлопнул дверью.

На вокзале ты либо провожаешь, либо встречаешь. Либо уезжаешь сам. Любой из этих исходов заставляет сердце биться чаще.

Женя помнит, как он поехал с мамой в Краснодар — он был тогда еще совсем мелким. Вцепившись в мамину руку, он каждый раз вздрагивал от громкого голоса диспетчера, когда тот объявлял о прибытии поездов. Было почти невозможно расслышать, что он говорит — превратившийся в гул голос эхом отражался от вокзальных колонн и стен. Было слегка страшно — бегущие с чемоданами на колесиках люди то и де-

ло задевали его, будто норовя вырвать его руку из маминой и шумным опаздывающим потоком куда-то унести.

Он испытывал какое-то детское благоговение — вокзал напоминал храм или органный зал.

Конечно, все это потом перемешалось со встречами каких-то бабушкиных и дедушкиных родственников. Те, всплескивая руками, наперебой его обнимали и восторгались, как он вырос — сам Женя при всем желании ответить взаимностью не мог, так как никого из них толком не помнил и не узнавал.

— Ну тетя Валя это, не помнишь разве? — громким шепотом отвечала ему бабуля в ответ на его удивленно вскинутую бровь. — Варенья тебе постоянно присылала и книжки. Мы на почту ходили за посылками с тобой. Забыл?

Женя равнодушно пожимал плечами — варенья, сгущенки и прочих атрибутов детства у него было в свое время предостаточно, поэтому каждого отправителя он не запоминал.

За тетей Таней следовали какой-нибудь дядя Гена или Толя и их внук, плюс-минус Женин ровесник.

Пенсионеры шли, о чем-то живо беседуя, иногда пытаясь вовлечь детей в свои дискуссии — впрочем, без особого успеха.

Женя и тот самый внук молча шли рядом — разговаривать вам было не о чем, да и не хотелось.

В век отсутствия социальных сетей Женю часто заставляли писать письма родственникам.

— А что я им писать-то буду? — Женя, болтая ногами на стуле, возмущенно царапал стержнем поля страницы.

— Ну как что? — искренне удивлялась бабушка. — Спроси, как здоровье. Чем занимаются. Жень, ну что за вопросы? Ты же стихи пишешь, а письмо двоюродному дедушке написать не можешь.

И Женя выводил на выданном из тетради двойном листе в клетку вопросы о здоровье, досуге, отпуске — короче говоря, обо всем том, что меньше всего его интересовало.

Отдельное письмо надо было писать и тому внуку-ровеснику. Того, по-видимому, заставляли делать то же самое, и спустя примерно три недели Женя получал ответ — каллиграфическим почерком написанное сочинение на ответном двойном листочке. Это напоминало переписку двух спам-ботов.

Через какое-то время эти переписки Жене не просто осточертели, но уже и начинали злить — как оказалось, тот самый внук-ровесник участвовал и занимал призовые места в олимпиадах, являлся активистом класса, делал скворечники для воробьев, в общем, всем своим существованием показывал, что он уже на голову обскакал своего родственничка. В конце письма он гордо заявлял, что даже компьютерные игры он уже перерос. Чего и Жене желает.

«Придурок и хвостун», — про себя подумал Женя.

— Пиздодельный, — вслух сказала мама, когда Женя рассказал ей содержание письма. Но тут же осеклась, сказав, чтобы он это слово не запоминал. Женя очень хотел его запомнить, но оплошно его не записал, и оно быстро вылетело из его головы. А повторять его мама отказывалась. При Жене она почти никогда не материлась, но в этот раз высказывание родственника седьмой воды на киселе, да еще и в отношении ее сына, задело ее за живое.

Но бабушка думала по-другому. Отныне ни к чему не обязывающая переписка между родственниками приобрела для нее соревновательный характер. Приняв вызов, в ответном письме она старательно начинала перечислять Женины заслуги в поэзии и даже приложила фотографию, где ему, широко улыбающемуся, на сцене одного из ДК жмет руку губернатор.

Мерение детьми продолжалось еще долго. Градус достижений неумолимо рос. Еще бы год-два, и родственникам пришлось присылать бы фото своего внука с земной орбиты,

где бы он был в качестве космического туриста, а Жениной бабушке пришлось бы отвечать фотографиями, где Женя отправился на спасательную экспедицию на Северный Ледовитый океан.

Уже потом Женя понял, что с приходом старости и истощением собственных заслуг внуки и дети становятся невольным инструментом бесконечного выяснения «кто лучше» и «кто большего добился». Уступать ни та, ни другая сторона не собирались, и в то время эта ежемесячная обязанность по писанию своей автобиографии с последующим ее запечатыванием в конверт его сильно бесила.

Две ладошки закрыли сзади Женины глаза. Он улыбнулся.

– Ммм. Дай угадаю... Катя? Марина?

– Неет. Сейчас уши оторву, – рассмеялась Саша.

– Пойдем покатаемся, – вскочив и взяв ее за руку, Женя кивнул головой сторону американских горок.

Саша протестующе замотала головой:

– Ты же знаешь, я боюсь.

– Прекрасно знаю, поэтому и зову, – улыбнулся он. – Пойдем, между прочим, экстремальные свидания сближают. Ученые доказали.

– Жень, я боюсь. – Саша опасливо смотрела на большую железную конструкцию с вагончиками.

– Ну ладно, пойдем на лошадок тогда. Они рядом, – пожал плечами Женя.

– Пошли.

Поравнявшись с горками, Женя резко развернулся и подхватил Сашу на руки.

С ней, смеющейся и вырывающейся, он с улыбкой подошел к билетерше – обесцвеченной блондинке в ярко-оранжевой жилетке с отражателями.

– А с ребенком можно? – весело спросил Женя.

– Та, поначалу удивленно прищурившись, улыбнулась и кивнула головой.

– Если я сойду с ума, ты будешь всю ответственность нести, – сказала Саша, когда билетерша, проверив ремни, неторопливо пошла к будке.

– Конечно, – Женя доверительно сжал ее ладонь. – Самую лучшую палату подберем тебе в лечебнице.

– Мамочки... – Саша вцепилась в Женю.

Первый круг с непривычки захватил дух. Смеясь, он посмотрел на Сашу. Ему хотелось замедлить происходящее, поставить на задний план какую-нибудь песню «Мумий Тролля» и просто смотреть на нее.

Как ее волосы, медленно поднимаемые воздухом, падают на плечи. Не сдвигать и не смахивать их, когда на крутом повороте несколько невесомых прядей с запахом ее духов попадут ему на лицо. Слышать радостный крик с нотками веселого испуга, переходящий в залиvistый смех.

Сидя на скамейке, он открывал Саше бутылку минералки. Та, еще находясь в возбуждении от случившегося, оживленно делилась впечатлениями.

В ее больших голубых глазах то и дело проскакивали озорные, детские искорки.

– Хочешь вату? Как в детстве? – спросил Женя.

– Хочу, – Саша захлопала в ладошки. – Только ты мне ее съесть поможешь

– Ну об этом можешь даже не беспокоиться.

В парке стояла погода, которая была прямо создана для свиданий: легкий ветерок гнал опавшие листья, а приглушенное небольшими и вроде вполне безобидными тучами солнце отпечатывалось на небе тускло-оранжевым диском.

Несколько аттракционов уже всюду осаждала ребятня, а на колесе обозрения виднелись прижимающиеся друг к другу парочки.

Кто-то вышел гулять уже целыми семьями, а судя по количеству колясок всех цветов и размеров, Женя усомнился в услышанном по телевизору демографическом кризисе в стране. Проходя мимо пруда с катамаранами в виде лебедей, Женя увидел молодую девушку с двумя детьми.

Они неспешно прогуливались по парку, мама держала дочь за руку, пацаненок же, который был постарше, деловито вертел и рассматривал только что купленную сахарную вату, по-видимому не зная, как к ней подступить.

Мама с дочерью остановилась у пруда, пацаненок же, увлеченный своим делом, не заметив, неторопливо шагнул дальше.

– Никита! Никитка, хочешь с Машей на лебедях покататься? – окрикнула его мама.

Пацаненок обернулся, и Женя увидел то, что не заметил сразу – у парнишки был слуховой аппарат.

– Хочу! – восторженно крикнул он – и чуть не бросив вмиг забытую вату, поспешил к родителям.

Женя с Сашей подошли к лотку с ватой. Женя обернулся – мама уже покупала билеты.

– Это, Саш, я на секунду. Там знакомые мои, я поздороваюсь.

Еще не совсем понимая, что он делает, Женя быстрым шагом подошел к пруду.

– Здравствуйте! – громко сказал он.

Сказал он даже громче, чем надо было, но скорее сделал он это для собственной уверенности. Теперь он боялся, что таким решительным приветствием он мог их напугать.

Женщина, обернувшись, вопросительно на него посмотрела, чуть заведя дочь за спину.

— Здравствуйте, — улыбаясь, повторил Женя. — Меня Евгений зовут, я врачом работаю в пятой больнице, тут недалеко, — Женя неопределенно указал рукой за деревья. — И я... я... увидел вот... Ребенок у вас, — Женя кивнул в сторону карапуза, который немного испуганно смотрел на появившегося откуда-то шумного дядьку.

— Я просто с травмами работаю различными, — продолжил Женя, — если не секрет, что произошло у вас? А может... Возможно, можем чем-то помочь, — выпалил он через секундную паузу.

«Блин, — подумал он. — Нахрена я это сказал». Но было уже поздно.

— Вы знаете, врожденное у нас, — она, поджав нижнюю губу, немного виновато посмотрела на Женю, как будто он мог начать упрекать ее. — Поставили вот аппарат слуховой новый, привыкаем. Да ведь? — посмотрела она на сына.

Тот, в свою очередь, сжимал в руке вату и недоверчиво сверлил взглядом Женю.

Женя сел на корточки.

— Как зовут вас, молодой человек? — заговорщицки спросил он.

— Никита.

— Очень приятно, а меня Евгений, — Женя протянул руку.

Мама отпустила свободную руку сына, но тот не торопился протягивать ее в ответ.

«Ну давай же», — думал про себя Женя.

Парнишка смотрел себе под ноги, будто не понимая, чего от него хотят.

— Никит, поздоровайся с дядей, — немного смутившись, обратилась к нему мама.

Женина рука слегка дрожала.

– А ты знаешь, что я волшебник? – таинственно спросил Женя.

Пацан недоверчиво посмотрел на него.

– А что ты можешь? – наконец, спросил он.

– Лечить все болезни могу, – подмигнул Женя. – У меня рука волшебная.

Наконец, продолжая смотреть под ноги, он протянул Жене свою детскую расцарапанную ладошку.

Женя поймал ее и слегка жал.

– Ну давай, Никита, – улыбнулся он. – Не болей. – Женя несколько раз энергично потряс руку парнишки.

– До свидания, – кивнул он женщине.

Ему было слегка неловко – появился тут такой, сказал, что может помочь, и попрощался. «Как-то все это по-идиотски со стороны выглядело, – подумал он. – Может, ей показалось, что я подкатываю к ней? Или приняли за какого-то паркового извращенца». Женя старался как можно быстрее дойти до лотка с сахарной ватой.

– Кто это? – спросила его Саша, когда он вернулся к ней.

– Да к нам поступали в отделение. Ребенок слух потерял.

– Кошмар, – Саша покачала головой. – А сейчас он как?

– Думаю, поправится, – Женя, улыбаясь, взял Сашу за руку.

– Со дня на день.

Глава 19

comprehension [kɔmpri'hɛnfɪn] – сущ. осознание, осмысление

fear [fiə] – сущ. страх, боязнь

opportunity [ɔpə'tju:nɪti] – сущ. перспектива, возможность

Придя домой, Женя то и дело поглядывал на часы в ожидании первых симптомов. Ходя по квартире, он прислушивался ко всему: к собственным шагам, к каплям воды, ударяющимся о дно кухонной раковины из слегка бегущего крана, к своему дыханию.

Ожидание было мучительным – Женя даже начал подумывать, что вся эта придуманная им теория с исцелениями не более чем плод его разгоряченного воображения. Остаточные последствия его недавних провалов в памяти. Не зная, куда себя деть, он сел в кресло и начал читать подвернувшийся под руку журнал, купленный им пару месяцев назад.

Примерно через он понял: началось.

Сначала он обратил внимание, что не слышит звука перелистываемых страниц.

Отложив журнал, Женя несколько раз щелкнул пальцами. Тишина.

«Пиздец, – промелькнуло у него в голове. – Все-таки началось. Главное, не паниковать».

Женя сел за ноутбук. Он заранее подключил к нему колонки и теперь, включив одну из заготовленных песен, внимательно прислушался.

Звук доносился как из-под подушки, и слова были неразличимы. Как будто она играла у соседей. Смог различить он их только тогда, когда выкрутил колонки на максимум. Женя

почувствовал вибрацию и дрожание стен, которые мурашками отдавались по его телу.

Женя зашел в ванную и включил холодную воду.

— Ну что за мудака, — сказал он своему отражению — но оно лишь беззвучно шевелило губами в ответ.

— Нахрена я это сделал, — зачерпнув руками холодной воды, Женя стал растирать лицо холодной водой. — Романтик херов, закружился на американских горках, блин.

Сев на край ванны, он обхватил голову руками.

Струя холодной воды, которую он не слышал, холодными брызгами отскакивала от дна ванны и попадала Жене на голую спину, заставляя вздрагивать.

«Это последний раз, — мысленно повторял он. — Это последний раз».

Женя постоянно щелкал пальцами, чтобы поймать момент возвращения слуха, от чего фаланга указательного пальца потихоньку стала приобретать пунцово-красный оттенок.

Наконец, примерно через полтора часа Женя начал слышать слабые отголоски звуков, издаваемых квартирой.

Первое, что он услышал — это был звук соседской дрели. Женя никогда бы не подумал, что он хоть когда-то мог быть этому рад, но именно сейчас звук вгрызаемого в бетон сверла был для него самой лучшей музыкой.

— Сверлите, мои хорошие, сверлите, — зайдя в зал, он сел прямо под то место, где наверху происходил оживленный ремонт.

— Не останавливайтесь, — говорил он, улыбаясь в потолок. Он боялся, что если сверление прекратится, то квартира снова погрузится в звенящую тишину.

К старому соседу, которому Женя давно хотел засунуть эту дрель в одно место, он начал испытывать чуть ли не отеческие чувства, на секунду даже проскочило желание подняться

и как-то помочь ему — хотя бы подержать стремянку или подать шуруп.

Постепенно вернулись и другие звуки — хлесткие удары по мячу во дворе, гудение ноутбука и тиканье часов.

Женя ходил по комнате кругами, обхватив руками грудь, и нервно растирал плечи.

— Так-так, что мы имеем — это, конечно, бред полный, но все же...

Он подошел к подоконнику и вытащил торчащую из кипы газет тетрадь с конспектами. На парах он исписал от силы страниц 15 — после чего бросил. Открыв тетрадь примерно на середине — там, куда бы точно никто не стал бы листать, если бы взял ее в руки, — он схватил со стола карандаш и сел на кровать.

Женя вертел карандаш, не зная, с чего начать.

Наконец, он нарисовал жирную единицу и обвел ее в кружок.

1.

Мысли путались и переплетались друг с другом, как в каком-то калейдоскопе. Вопросы, возникая в его голове, тут же заменялись новыми.

Хрен с ним — Женя, крепко сжав карандаш, начал писать.

Я могу исцелять людей.

По спине побежали мурашки. Несколько секунд Женя перечитывал написанное — настолько ему казалось странным это вроде бы простое предложение из четырех слов.

Цифра 2.

Как и почему это происходит – я еще не понял.

«...Нет, понял как», – промелькнуло в голове у Жени. Руками. Он тут же дописал эту появившуюся мысль. Он посмотрел на свои пальцы. Как будто почувствовав пристальный взгляд, пальцы задрожали.

Женя подскочил к окну и тщательно рассмотрел всю кисть. В руках как будто чувствовались легкая пульсация и жжение, но возможно, это был дуэт воображения с самовнушением.

Женя пригляделся: кожа на кончиках пальцев была слегка морщинистая, как после душа или горячей ванны.

«Странно», – подумал он, слегка обеспокоенный этой открывшейся деталью. Может, руки вспотели?

В остальном же это были вполне обычные кисти рук: ни следов, ни отметок, ни каких-либо покраснений – ничего такого, что могло бы выдать в них их необычность.

Женя суетливо вытер ладони о футболку и снова тщательно осмотрел их. Ничего такого.

Вернувшись на кровать, он схватил карандаш.

Я пока не понял, надо ли касаться рукой пораженных участков или достаточно просто прикоснуться к телу. Более того, я не знаю, надо ли делать массирующие движения, растирающие, щипающие – и вообще, сколько времени надо касаться объекта.

«Человека», – чуть подумав, дописал он в скобках. Слово «объект» показалось ему слишком научным.

Люди исцеляются достаточно быстро, – продолжил писать он. – Все симптомы исчезают безвозвратно.

Я не до конца понял, ремиссия ли это и возможно ли возвращение болезни в дальнейшем.

Женя пробежал глазами написанное. На секунду все это показалось ему таким бредом, что он уже было хотел вырвать

листок и разорвать его на десятки мелких кусочков, чтобы ни одна душа в случае его находки не стала свидетелем его минутного помешательства.

— Бля, мне с этим только в «Битву экстрасенсов» идти, — усмехнулся он. — Так и вижу: «Встречайте, наш новый участник — целитель и врач из Екатеринбурга! К 24 годам он открыл в себе талант и понял, что не только калечит, но и лечит!»

Женя улыбнулся своим мыслям.

Может, для соответствия стилистике программы ему вручат какой-нибудь сраный сушеный венчик из рябины и иванчая, а потом и придумают легенду, в которой дед его еще в деревне коров да овец лечил, став знаменитым на весь колхоз.

Ухмыляясь, он какое-то время обводил и раскрашивал клеточки в блокноте, пока не прервал себя. Сейчас были дела и поважнее.

— *Я не до конца понял, ремиссия ли это и возможно ли возвращение болезни в дальнейшем,* — прочел он вслух последнюю строчку.

«Так, а действительно, — подумал он. — Мужик первый, с инсультом, через неделю пришел с конфетами и кофе, живой и здоровый. Снова он к нам он не поступал».

Потом женщина та — тоже все нормально.

Все-таки выходит, что выздоровление стабильное, — написал он и перелистнул страницу.

Если я контактирую с человеком, это значит, что я вступаю в роли... «Какого-то... ну не знаю, проводника?»

Женя сосредоточенно грыз кончик карандаша — ему не очень нравилась эта мысль, и он предпочел бы ее не записывать и вообще не думать о ней. Но он решил, что должен быть объективным и не обманывать самого себя.

Допустим, болезнь переходит ко мне, — написал он. — Но ее симптомы проявляются у меня гораздо слабее.

Женя нервно грыз карандаш. Его кончик превратился в огрызок, и Женя почувствовал на языке вкус грифеля.

Эти симптомы тоже уходят безвозвратно, — написал он. Для собственной уверенности он обвел это высказывание.

Во всяком случае, он очень хотел в это верить. Но к окулисту он так и не ходил.

Чтобы еще раз убедиться, он подошел к окну. На балконе одной из высоток висели растяжки о продаже квартир с телефонными номерами.

— Продам — 8 359615768.

— Продам — +7 45965678.

— Квартиры в новом доме — +7 54665896, — шепотом читал он.

Со зрением все было в порядке.

Принесенный из аптечки тонометр показывал 123 на 80. Значит, все нормально.

Женя взял в руку блокнот.

Подумав несколько минут и не найдя, что написать, Женя отложил его.

«Интересно, а переломы? — подумал он. — Прикольно будет, если через день рентген покажет полностью целую и невредимую кость. Исходя из наблюдений, я буду чувствовать ушиб, не больше».

«Можно сделать вывод, — подумал он, — что исцеляется болезнь, которая непосредственно является опасной для ее носителя».

Откинувшись на кровать, Женя шумно выдохнул воздух и растер лицо руками.

— Пиздец... И че мне щас со всем этим делать? — вслух спросил он.

Встав и зайдя на кухню, Женя налил стакан воды. С улицы были слышны раскатыстые глухие хлопки. Сделав глоток, он подошел к окну.

Сосед, старый дед с той самой дрелью, по-видимому, так и не поверивший в существование пылесоса, выбивал старый ковер, повешенный на турник. Какой-то парнишка в школьном костюме с нелепым квадратным портфелем — видно, недавно закончились уроки — флегматично бил палкой кусты. «Родители, наверное, планшет забрали, — подумал Женя. — И комп запаролили». Другого объяснения слоняющемуся в XXI веке по двору пацану с палкой Женя найти не мог.

Как это водится у детей, брюки у пацана до колена были в высохшей грязи, но его это нисколько не смущало.

«Почему-то дети этого никогда не замечают, — подумал Женя. — До тех пор пока родители, охнув и всплеснув руками, не отправят тебя, чумазого, в ванную. Да будь хоть ты этой грязью с головы до ног перемазан — не заметишь. Наверное, через призму детских розовых очков она не видна».

Женя посмотрел вдаль — по тротуару двигались мелкие фигурки прохожих.

«А ведь я могу им всем помочь, — промелькнуло в голове. — И этому деду внизу, и парнишке, и всем тем людям».

Стоя у окна, Женя испытывал какое-то новое, незнакомое до этого чувство эйфории.

Появившись из ниоткуда, оно горячей волной проходило по всему телу. Снова и снова, возникая где-то в груди и исчезая в щиколотках. Жене казалось, что он слышит все — свое дыхание, ровный стук сердца, неслышимое тиканье часов в коридоре. Тело стало невесомым — как будто отключили гравитацию.

Женя не знал, сколько он так простоял — минуту, 10 или час.

Он обвел двор глазами — соседа и пацана уже не было. Гремя колесами железной телеги, под окном брел ссутулившийся дворник.

Женя сел за кухонный стол.

В голову почему-то приходили какие-то дурацкие фразы в духе «с большой силой приходит большая ответственность» и прочие киношные банальности.

Подойдя к раковине, Женя налил себе еще один стакан воды.

«А если рассказать об этом? — на секунду задумался он. — Но только кому? Но если уж писать, — подумал он, — то только одному человеку».

«Дорогой Владимир Владимирович.

Пишет Вам Гуриц Евгений Александрович из Екатеринбурга. Чтобы не отнимать Ваше время, перейду сразу к делу.

Знаю, прозвучит глупо, но прочтите, пожалуйста, это письмо.

Я могу исцелять людей. Касаясь их руками. Да, звучит странно, и я вполне осознаю, что Вы мне не поверите.

Но я готов под наблюдением специалистов излечить группу испытуемых.

Вы все сами увидите.

Мой телефон... Хотя думаю, вы сами его найдете».

«Коротко и ясно», — подумал он, закончив писать воображаемое письмо.

«А ведь какие же я бабки смогу получать, — Женины глаза азартно загорелись. — Если, к примеру, стать личным врачом у сильных мира сего — у президента там, его семьи. У депутатов, на худой конец. Послать нахер все: больницу вместе с Полиной, старую пятиэтажку, пиво по пятницам и поездку на море в сраном поезде раз в три года. Я смогу жить так, как захочу».

Встав, Женя возбужденно заходил по кухне. «Любой талант надо монетизировать, — думал он. — А иначе он про-

сто зря пропадает. Закопать его в землю будет крайне глупо».

На какую-то секунду он и впрямь был готов написать что-то подобное и уже принес на кухню ноутбук. Но тут у него стали возникать сомнения.

— А если на самом деле проверят? И вместо психушки с очередным диагнозом «синдром Бога» отвезут куда-нибудь в кулуары ФСБ. Меня ж потом на исследование пустят, выяснять будут, как так вышло. Почему какой-то юнец может то, чего не может ни одна медицина на Земле. Скажут ничего в СМИ не сообщать, чтобы панику не сеять.

«А потом грохнут, — мрачно подумал он. — Когда все выяснят. А они могут».

По мнению Жени, в таких обстоятельствах государство именно так бы и поступило.

— Точно бы грохнули, — согласился он сам с собой. — Я же своим существованием всю монополию фармацевтическую под откос пушу. Или за границу свалю. А они этого не допустят. Нет, вообще не вариант.

Женю с детства учили опасаться государства. Вообще, урок, который он четко усвоил о жизни в России: тут всегда приходится кого-то опасаться.

Еще с младых лет, когда в тебя, орущего и кричащего о своих правах, тычут горячей ложкой с манной кашей (а она еще жиденькая, с этими кошмарными комочками — в общем, все так, как ты не любишь), пугают тебя именно милиционером. С этого момента Баба-яга, серые волчки и прочие фольклорные персонажи уходят на заслуженную пенсию. Отныне никаких рычагов давления они на тебя не имеют.

Но пришедший им на смену дядя милиционер — еще как имеет, и поверь, его ты будешь бояться еще не раз. И даже много лет спустя, когда манная каша уже давно исчезнет из твоего рациона.

Вот таким вот образом, с помощью милиционера с палочкой и свистком, которого по каким-то причинам волнуют проблемы питания детей младшего дошкольного возраста, тебя посвящают во взрослую жизнь.

«Блин, похер, — махнул Женя рукой. — Не могу уже думать об этом». Резким движением он открыл холодильник, достал из холодильника бутылку дешевой горькой настойки, прибереженной на «догон», и несколько слипшихся долек лимона.

Сполоснув под краном пыльную рюмку, он вернулся за стол.

Настойка пилаась тяжело — несмотря на палитру заявленных на этикетке оттенков, Женя чувствовал ни с чем не путаемый вкус дешевой водки.

Отправив в рот сразу две дольки лимона, он поморщился и забросил ноги на стоящий рядом табурет.

«Интересно, а надолго ли это? — подумал он. — А если завтра я проснусь обычным человеком? Что, если кто-то или что-то дали мне эту возможность — ну я не знаю, на испытательный срок? Который я, кстати, уже благополучно просрал с хлопком открытой бутылки этой бодяги. А от меня, может быть, ожидалось бросить все, собрать пару вещей первой необходимости и паломником отправиться в благотворительный тур по странам Африки с каким-нибудь Красным Крестом».

Женя налил себе еще. От запаха спирта его уже воротило, поэтому он достал из холодильника пакет апельсинового сока и налил в кружку.

«В таком случае, — иронично подумал он, — если это и вправду дар, то херовый из меня сотрудник выходит. Божественной или какой-то там канцелярии. Взятый по объявлению, благу или еще какой-то причине. И обосравшийся в первую же неделю. Такому точно хорошую рекомендацию не напишут при увольнении».

«Да и вообще, — он с шумом поставил пустую рюмку на стол, — с какого хера я должен там кому-то помогать? Я вообще не знаю, как это все действует. У всех болезни собирать? У одного инсульт, у второй менингит, у третьего не стоит. Че со мной-то будет? Сегодня покашляю, и все пройдет, а если нет? А если я проснусь в один счастливый день парализованным овощем? Мне-то оно нахрен сдалось?»

Женя сходил в комнату и вернулся с блокнотом.

Не быть мудаком! — жирно врезал слова карандашом. Восклицательный знак. Абзац.

Думать о себе. Не рисковать собой. Каждая фраза была записана как какой-то лозунг.

Женя хотел добавить еще пару крепких слов, но передумал.

Закрыв блокнот, он налил еще одну рюмку и залпом ее осушил.

«Еще, блять, письмо куда-то писать собирался, — с ехидной усмешкой подумал он, рассматривая наполовину съеденный карандаш. — Я вам не великомученик и ликом на иконах светить не собираюсь. Нет уж, уважаемые, идите на супергероев в кино смотреть. Там им и место».

Зайдя в комнату, Женя рухнул на кровать лицом в подушку. «Интересно, а если я пьяного пощупаю, — подумал он сквозь сон. — Это ведь отравление все же. Буду на следующей посиделке Максу постоянно пять давать, а он не поймет, че это его все никак не накрывает». Улыбаясь своей затее, Женя провалился в сон.

Глава 20

acquaintance [ə'kweɪntəns] – сущ. знакомство, ознакомление

different ['dɪfrənt] – прил. другой, иной

appropriation [əprəʊpɪ'eɪʃn] – сущ. присвоение, завладение

Женя стоял на остановке и ждал троллейбус. Лямка давила, а сам портфель норовил слететь на землю. Но нацепить вторую лямку на плечо было бы как-то по-лоховски, так что приходилось мириться с неудобствами.

В принципе, у тети Тани на работе ему нравилось. Детский дом у него ассоциировался с каким-нибудь приютом в духе Оливера Твиста, роман про которого входил в список литературы на лето. Но детский дом, в котором работала тетя Таня, напоминал скорее приятный пансионат. В нем даже не ощущалась казенность, которая обычно сквозит из узких коридоров, однотонно покрашенных стен и жидких каш в столовой.

Там даже был зимний сад. Удивительно, что этот оазис прятался за оранжевыми неприступными стенами.

Сам зимний сад представлял собой репродукцию лесной опушки, с ручьем с живыми рыбками и полукруглым мостом, соединяющим два берега. Со стен смотрели портреты Пушкина, Толстого и картины Шишкина и Айвазовского.

Из невидимых колонок – оказалось, они были спрятаны в густых кустах искусственной травы – играла спокойная музыка.

У окон стояли большие клетки – скорее даже вольеры – с волнистыми попугайчиками.

Женя любил ложиться на зеленое покрытие, имитирующее луг, и смотреть в потолок. Его нирвану прерывали крики

и гомон освободившейся после занятий группы — их путь пролегал как раз через зимний сад. Женя поспешно вставал — лежать у всех на виду ему было неловко. Толпа пролетала мимо — некоторые без особого интереса смотрели на Женю, другие, подбежав к вольерам, пугали попугаев и, громко хохоча, бежали дальше. Гогот, удаляясь, стихал. Воцарялась тишина. Женя ждал еще пару минут — на случай, если кто-то задержался и не побежал с толпой, а затем снова ложился и закрывал глаза.

— Че, кайфуешь? — неожиданно прозвучавший над его головой голос заставил вздрогнуть.

Женя приподнялся на локтях.

Над ним, улыбаясь, стоял парнишка.

— Гриша, — протянул руку он.

— Женя.

— Ты Танин, да? — оглядев его с головы до ног, спросил он.

— Ну типа того.

— Так типа того или Танин? — к Гришиной улыбке добавился прищур.

— Танин. Ну в смысле, она подруга бабушки моей.

Гриша был маленького роста и хилого с виду сложения. Он как будто перестал расти лет в 12, но лицом и, в особенности, руками он походил на 23-летнего. Женя помнил его ладони — костистые, даже острые. На них отчетливо проступала паутинка сосудов, как будто рука находилась в постоянном напряжении.

— Ну будем знакомы, Танин Женя, — Гриша улыбнулся и ушел.

Женя на автомате проверил карманы. Мама говорила ему, что в детдоме постоянно воруют. Добавляла, что многие из них уже начинающие карманники. Но ключи и мелочь были на месте.

Женя лег и закрыл глаза. Вроде местная ребятня не походила на рецидивистов. В школе он видел ребят и поотмороженнее. Воровство так вообще было бичом их класса. Уже даже избирался дежурный, который бы взял шефство над раздевалками. Наверное, первое, чем начинают помышлять дети — это воровство. Точнее, первым идет вранье, а уже за ним, чуть припоздав, воровство. Впрочем, вранье и есть своего рода воровство у правды, так что сильно они не разминулись.

Первое воровство было у Жени в детском саду. Слишком уж много искушений в виде чужих игрушек и их нерасторопных хозяев.

Восполняли запасы игрушек они обычно после обеда, когда группа детей из соседнего корпуса большой и шумной гурьбой вываливалась на улицу. У Жени даже был подельник. Все было по-взрослому. К выбору соучастников, кстати, приходилось подходить осмотрительно — тебя могли сдать при любой ссоре, шепнув воспитателю на ушко и ткнув в твою сторону пальцем. Явка с повинной, как правило, освобождала от стояния в углу. Зато ты мотал срок на стыке двух стен за двоих. Ну или можно было падать в ноги и клятвенно извиняться. Хоть Женя и не знал, кто такой Аль Пачино, но принцип его репризы про краденый велосипед знал и без этого.

Двумя мелкими фуриями Женя с другом влетали в игровую комнату, хватая любые подвернувшиеся под руку игрушки — рассматривать их не было времени. Прижав их, как младенцев, к груди, они как можно скорее ретировались. Попрыгунчики выпадали из рук и с глухим стуком прыгали по полу. Несмотря на воровство, Женя старался относиться аккуратно к чужой собственности, но были и откровенные варвары — один из таких (кстати, оказавшийся предателем) руководствовался принципом «после нас хоть трава не расти». Даже если время поджимало, о чем Женя громко шипел

у дверей, тот успевал пнуть конструкторный домик и разворошить собранную мозаику. Чистокровный иезуит. Такие, как он, никогда не могут пройти мимо свежеслепленного снеговика, не превратив его в грязный сугроб.

Правда, вернувшись с добычей, они частенько забывали запрятать награбленное подальше, поэтому приходившие на разборку вместе с потерпевшими воспитатели соседнего корпуса возвращали незаконно нажитое. А дети еще и забирали парочку их игрушек, либо приходилось отдавать самим в качестве компенсации. Такая вот игрушечная контрибуция.

Потом последовало воровство из родительских карманов. Женя испытывал от этого процесса смешанное чувство стыда и азарта. Не то чтобы он «копил» на что-то определенное, когда он ночью на цыпочках подбирался к родительским курткам и пальто — скорее ему было просто приятно ощущать тяжесть монет и плотность свернутых купюр в своих карманах. Была некая уверенность, что у него есть деньги, случись что. Сумма была неважна. Здесь был важен процесс — скрип кровати, шум простыней, которые могли означать, что кто-то проснулся и пошел в туалет или на кухню. Родители денег не хватались — обычно то, что лежит в карманах, а не в кошельке или сумке, уже потеряно.

Женя уже начал чувствовать зависимость от этих ночных вылазок, пока однажды он не стал свидетелем того, как толпа избивает карманника. Это немного охладило Женин пыл.

Мужик в темно-зеленом спортивном костюме пытался вытащить кошелек, пока полноватая дама рассматривала халаты и колготки. Ее истошный вопль ясно дал понять горе-щипачу, что его замысел провалился. Когда он понял, что разоблачен, он заехал женщине по лицу и тут же попытался скрыться — однако не успел проскочить между рядов и оказался в плот-

ном кольце из толпы. Обычно в таких случаях все прохожие продолжают идти по своим делам, но скорее всего, в данном случае решающую роль сыграло то, что он ее ударил. А еще Жене казалось, что невмешательство раньше не было таким вопиющим. Суд Линча случился во всей своей красе. Особенно преуспевали в этом женщины. Плотным кольцом, как пирани, они окружили мужика и начали охаживать его всем тем, что было в руках. Особо мстительные и жаждущие крови пытались заехать каблуком в уязвимые места. Лица того карманника он не видел — тот лежал, свернувшись клубком и обхватив руками голову.

В тот день он понял две вещи. Первое: толпа — самое разрушительное явление. Насколько хаотичное, настолько же и опасное. Коллективный разум подчиняется только двум командам — нападать или бежать. Фактически они даже не защищали эту женщину. Они защищали себя, потому что на ее месте мог быть любой из них. Толкающиеся в очередях и хамящие друг другу женщины моментально превращались в мобилизованный отряд. Особенно удивили Женю те женщины, которые не участвовали в завязке конфликта, но тоже не упустили возможности внести свою лепту в виде пинка. Какая-то пожилая тетка, которая вообще шла мимо, пару раз ударила воришку по его согнутой спине полуторалитровой бутылкой разливного молока из бочки и, выругавшись, пошла дальше. Каким-нибудь исследователям по вопросам толпы и социального поведения можно было бы взять этот случай на вооружение. Он бы достойно встал в один ряд со «Стэнфордским экспериментом» и «Третьей волной».

Вторая вещь, которую он понял — это то, что женщины беспощадны. Если бы их не растащили подоспевшие армяне из кафе, от того мужика осталось бы мокрое место. У мужчин как-то не принято бить по лежащему. Для женщины же это, оказывается, самая удобная позиция для нанесения ударов.

Глава 21

avoidance [ə'vɔɪdəns] – *сущ. избегание, предотвращение*

usage ['ju:zɪdʒ] – *сущ. использование, эксплуатация*

betrayal [bɪ'treɪəl] – *сущ. предательство, измена*

С утра все же оставался открытым вопрос, что теперь Жене делать в больнице, где он не мог избежать физического контакта с больными.

«Трогать всех этих горемык и подвергать себя опасности я не собираюсь, – думал он, стоя под горячим душем. – Бля, ну не в перчатках же резиновых мне на работе сидеть. Хотяяя... если сказать, что у меня какие-нибудь эмфиземы или еще какая-нибудь херня... Не, бред какой-то».

«По возможности буду стараться побольше отсиживаться и поменьше участвовать, – решил он. – Только так. До момента, пока не пойму, что такое со мной происходит».

В понедельник Женя слегка нервничал, крепко сжимая руки в карманах халата и смотря на въезжающие и выезжающие из его палаты каталки.

Разумеется, трогать больных ему все же приходилось, но делать он это старался очень быстро, как будто боясь ошпариться. Такую резко возникшую брезгливость никто вроде даже не заметил, разве что Макс однажды, внимательно посмотрев на Женю, пытающегося взять у больного градусник чуть ли не тыльными сторонами рук, хмыкнул и сравнил его с девочкой-студенткой, в первый день пришедшей в отделение на практику. Но Жене было все равно – его даже не смущало, что на днях его упрекнул парень из хирургии за то, что он прошел мимо протянутой для пожатия руки – Женя соврал, что торопился и не заметил.

В голову пришла запоздавшая мысль обмотать правую руку бинтом, сославшись на то, что он сильно порезался или сломал палец. Леворукий практикант был бы ни к чему, и он спокойно мог бы отсидеться пару дней. Но рано или поздно бинт пришлось бы снять, а больные никуда не делись бы.

Зато он смог сделать ряд выводов, которые сильно его успокоили.

Например, он заметил, что он может прикасаться к любым частям тела больных без каких-либо последствий для себя — к плечам, голове, рукам — всему, кроме ладоней. Это подтвердила моментально вылеченная женщина, схватившая замешкавшегося Женю за руку. Так он узнал, что острый панкреатит он переживает неприятной, но в общем-то, терпимой болью в животе.

Это позволило ему все же немного свободнее и расслабленнее вести себя в отделении. Но мысль о том, что он зря закапывает свой талант в землю, не давала ему покоя.

«Это то же самое, как если бы Сальвадор Дали картины не стал рисовать, — размышлял Женя, задумчиво глядя в зарешеченное окно отделения. — Или Стив Джобс так и продолжал бы мечтать о своей империи, ни хрена для этого не делая».

Несколько раз Женя пытался разработать план о том, как задать своей новой способности денежный вектор. Оказывается, интернет пестрил людьми, которым необходима срочная помощь — просто раньше он на это не обращал внимания. Правда, тут он сталкивался с определенными сложностями.

Первым делом он проверял все новостные сайты на предмет состоятельных больных — он нашел пару человек из Законодательного собрания и Администрации, но так уж получалось, что лечились они не в Екатеринбурге, а чи-

новник рангом повыше — так вообще не в России. «А чего я ожидал, собственно», — хмуро щелкал Женя на очередной красный крестик вкладки браузера.

Была и вторая сложность — обговорить вознаграждение тоже представлялось весьма проблематичным. Было маловероятно, что расчувствовавшийся и вставший на ноги вчерашний полумертвец на радостях подарит Жене ключи от нового БМВ. А договариваться об этом заранее было бы странно — Жене трудно было представить его диалог с родственниками в духе «давайте, если он завтра пойдет, то с вас триста тысяч». Просто глупо. Такого врача сразу за дверь выставят. Можно, конечно, попробовать обыграть это как шутку, но за шутку денег не дают.

О простых людях он даже не думал — ну, во-первых, он не собирался подвергать себя риску, который не оценят по достоинству и соответственно не оплатят. Банка растворимого кофе, коробка конфет и мятая тысячерублевка — явно не то, ради чего стоило собой жертвовать. А во-вторых, он знал, чем это закончится — излечившийся больной на следующий день либо позвонит и скажет, что он поправился и врач ему больше не требуется, либо вообще телефон не возьмет, когда звонить будет сам Женя. При любом из раскладов Женя оставался минусе.

«Да и это все плаванье на мелководье, — раздраженно думал он. — Растрачивание себя и своего времени».

В идеале он видел себя где-нибудь в европейской клинике с оборотом в миллионы долларов. Из разряда тех, в которые на срочные операции россияне годами собирают баснословные суммы с помощью всяких спонсорств и благотворительных фондов.

Он даже представлял себе, если можно так выразиться, свой график — по одной-две «операции» в полгодика и без-

заботная богатая жизнь. И что самое важное — минимальный риск для своего здоровья.

Только попасть в интересующие его клиники не представлялось возможным — начать, пожалуй, стоило с того, что его бы даже на порог не пустили, не говоря уж о том, что позволили бы прикоснуться к пациенту. Да и вообще, прилетевший откуда-то из России студент с троечным дипломом, на ломаном английском заявляющий, что он сделает то, чего не могут именитые врачи, напоминало ему сюжет какой-то тупой комедии. Так что помечтав еще пару дней о кабинете с большой дубовой табличкой Dr Gurtz в какой-нибудь швейцарской клинике в стиле хай-тек, Женя отбросил эту идею.

Потратив полтора часа за ноутбуком на бесплодные поиски, Женя даже зашел на сайт фонда помощи больным с пороком сердца.

С заглавной страницы сайта на него смотрели глаза нескольких десятков детей — их фотографии были соединены в коллаж в центре большого красного сердца. Почти все из них улыбались — если не знать, что все они были тяжело больны, то этот коллаж можно было принять за один из тех, что вручают юному выпускнику по окончании детского сада. Беззаботные детские улыбки светились на фоне попавших за кадром морей, озер, песочниц и зеленых школьных досок. Просьбы о пожертвовании были оформлены шрифтом, имитирующим детский почерк.

Женя прокрутил колесико вниз.

Здесь он тоже был бессилён — почти все из них уже проходили лечение в кредит, а если и нет, то готовились к нему в клиниках — партнерах фонда.

Женя с сожалением захлопнул ноутбук и откинулся в кресле. Все его надежды на безоблачное будущее с банковской картой во внутреннем кармане бархатного пиджака рассеивались, как туман.

Наверное, то же самое бы испытывал грабитель, стащивший «Мону Лизу» и яйца Фаберже – в руках у тебя огромное состояние, вот только продать его некому.

Днем он даже прошелся под окнами паллиативной клиники. Ее отстроили буквально пару месяцев назад. Выглядела она современно, если не сказать изысканно. Неизвестно, чего он ждал. Почему-то он чувствовал себя как волк из сказки, который прохаживался мимо нового домика Нуф-Нуфа или Наф-Нафа.

Какой-то дед тайком курил в верхнем окне, торопливыми движениями поднося сигарету ко рту. Заметив Женин взгляд, он заговорщицки улыбнулся и поднес указательный палец к губам. Женя улыбнулся уголками рта.

«Кури, дедуля, кури. В конце концов, раз ты замурован в этих стенах на дожитие, тебе уже глупо бояться ворчания санитаров или укоров приехавших к тебе детей или внуков. Если они еще к тебе ездят. Не сегодня завтра подъедет белая газелька, издаലെка похожая на маршрутку. Только вместо номера маршрута на лобовом стекле – сложенный пополам лист А4 с надписью „груз 200“». Такие газельки постоянно приезжали на территорию паллиативной клиники – вопреки представлению о черных катафалках, все они были белые. Может, для того чтобы оттенить смерть. Хотя скорее всего, только такая расцветка была в распоряжении городской администрации. Женя, бросив взгляд на верхнее окно, которое уже пустовало, пошел домой.

Правда, одна из попыток зашла дальше других и даже имела все шансы увенчаться успехом.

На одном из местных благотворительных сайтов Женя нашел информацию об одном пареньке, страдающем ДЦП. Это был рыжеватый веснушчатый парнишка с лицом, одер-

нутым недугом – его выражение лица на фотографии напоминало гримасу, появляющуюся у детей за секунду до взрыва смеха или истерических рыданий. Наверное, фотографирующий попросил его улыбнуться. Под описанием больного были ссылки на электронные кошельки, номера двух банковских карт и контактный номер родителей. Женя долго не решался позвонить – несколько раз он набирал номер, после чего, не дожидаясь гудков, судорожно сбрасывал. Он даже обнаружил, что, держа телефон, начисто сгрыз ногти на левой руке, хотя отучился от этой дурной привычки уже много лет назад.

Наконец, набрав номер в очередной раз, он нашел в себе силы и не сбросил – после четырех мучительных гудков ему ответил женский голос. Сбивчиво поговорив с матерью больного Арсения, он договорился о встрече.

К счастью, мать парнишки была несведуща в вопросах медицины, в противном случае лечение ДЦП на дому без каких-либо предварительных анализов и исследований каким-то представившимся врачом вызывало бы у нее подозрения – в любом случае Женин план был таков: порядка двух недель по возможности наиболее правдоподобно симулировать лечение и в один прекрасный день на прощание крепко пожать пареньку руку. А уже на следующий день получать благодарности по поводу полного выздоровления, восторженные возгласы и соответствующий гонорар. Касательно последнего Женя сразу обговорил момент, что, имея большой опыт и практику в лечении подобных больных, рассчитывает на определенную сумму в случае успеха. Женя нервничал и волновался – слов-паразитов в его речи, казалось, было больше, чем самих слов – однако женщина согласилась, сказав, что, помимо своих накоплений, займет недостающую сумму у родственников. Часа через два она перезвонила сама и доложила, что озвученная сум-

ма будет набрана и приступать к лечению можно уже на этой неделе.

Правда, буквально за день до оговоренного Жениного визита позвонил отец Арсения. Женя был не готов к звонку и, что называется, посыпался — холодный мужской голос четко и по существу задавал вопросы о Жениной работе, месте учебы, образовании и о том, откуда он взял номер. По окончании разговора он в сдержанной, но жесткой форме посоветовал на этот номер больше никогда не звонить.

По-видимому, впечатлительная мамаша все рассказала единственному рассудительному и трезвомыслящему члену семьи.

— Сука, ну и пусть ковыляет он у вас до старости, — брошенный в сердцах телефон приземлился на диван.

На секунду ему стало неприятно за эту проскочившую в голове грубость — пацана ему было все же жаль, вернее, назвать это чувство жалостью значило б это самое чувство облагородить и сильно ему польстить. Скорее это чувство можно было назвать «сочувствующей неловкостью». Именно неловкостью, которая появляется при виде чего-то нездорового, неполноценного и отличного от тебя.

Для такого чувства есть даже своя формула: неловкость + капля сочувствия (кто-то обходится и без нее — не принципиально) и щедро приправленное «Слава Богу, не я» или «Слава Богу, не у меня».

Сострадание сильно преувеличено. Можно ли выбросить из головы образ безногого нищего, сидящего в подземном переходе? Да легко. Разумеется, кратковременное и даже вполне искреннее сочувствие появится, особенно если приглядеться к нему, а не просто скользнуть взглядом. Но скорее всего, забудем о его существовании мы ровно тогда, когда поднявшись по ступенькам, выходим на оживленную и залистую солнцем улицу.

Это и есть сочувствующая неловкость. Это и не жалость, и не сострадание — так, вялая эмоциональная эякуляция на фоне прогрессирующей душевной импотенции.

Впрочем, Женя даже был рад такому повороту событий — рисковать он боялся, даже когда на кону были неплохие деньги. Он втайне надеялся, что так все и произойдет. Тем более он не знал, как поведет себя его организм — и насколько долго он будет переживать симптомы. Судя по наблюдениям, в среднем это занимало от 30 до 45 минут, но поскольку по соби́й по сверхспособностям еще никто не печатал, проверять и доказывать это наблюдение опытным путем ему не хотелось.

Боялся он и «забрать» у больного какую-нибудь сопутствующую или протекающую без симптомов болезнь, о которой не знал ни сам больной, ни его родственники.

Все эти мысли кирпичик за кирпичиком выстраивались в прочную и непробиваемую стену паранойи и ипохондриии.

Не быть мудаком! — наверное, уже в сотый раз он перечитывал это отрезвляющее предложение.

Так или иначе, ему был нужен некий свод правил, которого он должен неукоснительно придерживаться — если, конечно, он не хотел подвергать себя опасности. Любую мимолетную жалость надо пресекать на корню и безапелляционно гасить — об этом он тоже написал в блокноте.

Наверное, главный вопрос, который его волновал больше других, был в причине и обстоятельствах возникновения этой его «особенности» (именно так, в кавычках, он ее называл, когда записывал в блокнот очередную пометку).

Ничего такого, о чем учил кинематограф или литература — ни выходов из комы, ни приема каких-либо препаратов — в общем, никаких мало-мальски уважительных событий и причин.

— Ну как так, ну не с неба же, блин, свалилось, — вставая с дивана, Женя в очередной раз наворачивал круги по квартире. Комната — кухня, кухня — комната — этот нехитрый маршрут за последние несколько дней он прошел, наверное, уже тысячу раз.

Но выходило так, что по-видимому, свалилось с неба. Никаких более-менее правдоподобных версий он найти не мог.

Каждый день он просыпался с мыслью, что все это был какой-то не в меру затянувшийся сон, настолько все было иррационально и сюрреалистично.

Доказательством реальности служил тот самый блокнот — его единственный проводник в происходящей действительности, которая в одночасье, сделав крутой кульбит, стала абсолютно противоречивой и необъяснимой. Он превратил его в какое-то подобие дневника — только без дат: он вел записи сплошным текстом, обводя наиболее по его мнению важные в круг. Спрятанные в его середине сокровенные страницы служили ему своего рода якорем — эти несколько десятков строк, выведенных карандашом, каждый день убеждали его, что он не тронулся рассудком.

Практика в больнице тоже доставляла неудобства — всех поступающих он настоятельно просил не двигать руками, прежде чем начинал обследование. Если больные находились в тяжелом и бессознательном состоянии, он аккуратно брал их за предплечья и разворачивал ладонями книзу, продолжая внимательно следить за их движениями — часто бывало, что человек, не контролируя себя, начинал дергаться и хватать все вокруг, что создавало для Жени определенный риск.

Все эти меры предосторожности действительно сработали — за последние две недели «чудесных исцелений» на территории больницы №5 не произошло.

Он помнит глаза Полины, которая иногда забегала посмотреть на прибывших пациентов и с оживлением спрашивала,

не встал ли кто на ноги. Несмотря на ее профессионализм и большой врачебный опыт, на нее напал какой-то азарт и кураж, который она и не думала терять.

По-видимому, она считала, что сорвала какой-то джекпот или на прохудившуюся крышу их больницы свалилась манна небесная.

– Нет уж, Полин, придется самим работать, – провожал он ее взглядом, когда та, услышав в очередной раз отрицательный ответ, поджимала губы и выходила за дверь.

Один из инсультников незадолго после этого скончался в реанимации.

Это был седой мужчина чуть за 50 – учитель не то физики, не то математики. Приступ случился у него прямо на уроке. Привезли его прямо оттуда. Даже руки еще были в меле. «Первый удар нанесла система образования, добьет система здравоохранения», – едко пошутил еще тогда в палате Женя. Теперь, когда мужчину, накрытого простыней, выкатывали из реанимации, Женя старался не смотреть в ту сторону. Как назло, каталка остановилась рядом с ним – сработал тормоз. Несколько секунд этот немой укор Жениному безразличию стоял перед его глазами, пока каталка, гулко громохая, не укатила дальше по коридору.

С кислым настроением он вышел прогуляться на обед. Всю дорогу эта картина с каталкой стояла у него перед глазами и не давала покоя.

«Так, ну давай трезво, – сказал он себе. – Люди рождаются и умирают. Так заведено. И никто не может этот процесс остановить или запустить так, как ему хочется».

Проходившие мимо Жени люди о чем-то весело говорили, смеялись или же просто шли в наушниках и своих мыслях. После больницы уличная жизнь выглядела какой-то чересчур красочной и веселой, как будто постановочной.

Женя заметил, что застав смерть (а он в больнице несколько раз был ее свидетелем), жадно начинаешь хотеть жить. Тосковать не хочется — если, конечно, речь не идет о смерти близкого человека. Она не оставляет после себя страха, депрессии и пустоты. Она действует по-другому, не так грубо и односторонне. Увидев ее работу, поначалу ты испытываешь легкий шок. У некоторых к нему добавляется трепет и вожделение, у других — оцепенение, как у застывшего перед змеей кролика, уже не в силах убежать. Природа этих эмоций — приходящее осознание своей смертности. Вернее, о смерти ты знал всегда, но ни разу ее не видел на расстоянии вытянутой руки и не примерял на себе. Зато теперь можешь — перед тобой человек, который так же, как и ты, не так давно работал, спал, смеялся, забывал ключи от квартиры, стоял в очереди, был душой компании, оставлял чаевые в кафе, ругался с родителями или друзьями.

Можешь подойти поближе, если не веришь, что этот человек, как будто даже уменьшившийся в размере и похожий теперь на списанную восковую фигуру, оказавшуюся слишком мрачной для выставки, действительно все это делал.

После шока наступает эйфория — ты хочешь смеяться, влюбляться, совершать безрассудства — страх мгновенно куда-то уходит. Это состояние сильно напоминает опьянение, разве что при этом ты абсолютно трезвый. Этакий адреналиновый бум, прямо как после драки.

Это здоровая реакция живого организма на смерть — своего рода осознание, что ожидает это и тебя. И неизвестно, как скоро, поэтому успевай жить прямо здесь и сейчас.

Женя прошел еще одну улицу и вышел на набережную. Подойдя к отливающим от солнечного блеска перилам, он прислонился к ним и посмотрел на водную гладь.

Небольшая стая уток чистила перья в камышах. Рыбаков почему-то не было, хотя в это время они часто приходили

сюда с маленькими раскладными стульчиками — кто-то с термосами, а кто-то с чекушками, по-видимому, убегая от семейного быта, с его вечно скандалящими женами и не успевающими в школе детьми.

Вокруг никого не было — только со стороны дороги, за деревьями, доносились отголоски городской жизни.

Поняв голову, Женя посмотрел на небо.

Ровный ряд перистых облаков неторопливо плыл, скрывая солнце. Вырисовывался трассирующий след летящего самолета.

— Ну что, херово я свои обязанности исполняю? — вполголоса спросил он.

Где-то под самым небом черными галочками беззвучно пролетела стая птиц.

— Ну забирайте тогда, что мне дали. Мне нахер не надо. А думаете, кто-то по-другому бы поступил? — крикнул он.

Женя почувствовал, как в нем закипает возмущение.

— А кто по-другому бы сделал, а? Думаете, это дар? Нет. Я вам так скажу. Это не дар. Это, блять, проклятье, — сжатые в карманах в кулак руки начали дрожать.

— А почему я? Я просил об этом?

Женя покинул набережную и шел быстрым, нервным шагом, переходящим на бег.

Он выбежал на улицу. Мимо мелькали машины и дома. Женя бежал, и казалось, руки в его карманах горели.

Пробежав квартал, Женя сбавил темп, несколько раз глубоко набрал в легкие воздух и выдохнул. Он немного успокоился, и нервы уже не были похожи на готовые лопнуть струны.

Этому научил его отец — он всегда говорил, что, когда нервничаешь или тебе страшно, надо всего-навсего пробежаться, а не сидеть, обхватив голову.

Наверное, это одно из немногих, чему он его научил — исчез из Жениной жизни он достаточно рано.

Началось все непредсказуемо. Хотя такие вещи всегда кажутся непредсказуемыми. Только спустя время начинаешь замечать очевидные признаки и предпосылки, которых до этого не видел. Отец, придя домой, таинственно расстегнул сумку (Женя помнит, как же долго и мучительно расстегивались молнии на родительских сумках, когда там, внутри, было что-то, чего ты долго и с предвкушением ждал) и с лицом фокусника, достающего кролика из шляпы, помахал перед домочадцами какими-то не то чеками, не то билетами. Мама сразу все поняла, захлопала в ладоши. Женя понял не сразу, но на всякий случай тоже радостно запрыгал. Тем более он понимал, что повод есть — такой счастливой маму он видел редко.

Этими чеками были билеты в Сочи. Женя был счастлив — нетрудно представить счастье пацана, которому предстояло провести первое лето на море, а не во дворе с пацанами и дома с бабушкой, пусть и горячо любимой.

В самолете было слегка страшновато — было непонятно, как такая тяжелая и гудящая конструкция может их куда-то безопасно доставить, но отец быстро отвлек Женино внимание рассказами о море и о том, что его учительница рыдать будет от зависти над его сочинением «Как я провел лето». Это был последний гвоздь в крышку гроба всех Жениных страхов — а ведь действительно, его сочинение, лежащее в стопке на учительском столе, будет выгодно выделяться от Колькиного сочинения про лето в деревне и от Никитино про лето в детском лагере.

Правда, будет еще сочинение Артема про лето где-то в Испании или Италии — но Женя даже не знал, где эти места находятся на глобусе, поэтому не сильно завидовал. Море-то оно везде море. Главное, не дома с дедом. И этот его вездесу-

щий английский. Нет ничего хуже, чем поехать с дедом на озеро и на заднем сиденье машины увидеть синий край ненавистного учебника, торчащий из сумки.

Но по прибытии в отель случилось непредсказуемое – Женя в первый же день чем-то отравился и половину отдыха провалялся в номере. Поэтому вместо моря он довольствовался его инкубаторским вариантом – бассейном, находящимся на территории отеля.

В этом же отеле проживала молодая пара, тоже из Екатеринбурга. Тетя Катя и дядя Денис – они вроде как собирались обручиться по приезду. Если можно представить, что двух людей делают из одного теста, то это было как раз про них – оба, как на подбор, с бронзовым загаром, искрящимися улыбками и идеальными фигурами. Породистые – говорила про таких Женина бабушка. Женя их так и запомнил – лучезарные, 24/7 одетые в купальное и все время вместе – этакие Адам и Ева, идущие по кромке бассейна с бокалами пина-колады. Пина-колада была любимым напитком тети Кати – она всегда прикусывала соломинку, когда пила. В этот момент на ее щеках появлялись ямочки. Женя тоже как-то тайком попробовал – но оказалось, пахла эта пина-колада гораздо лучше, чем была на вкус. Обманчивая сладость обернулась горечью.

Жене было весело с ними двумя – они всегда слушали его детскую чепуху, да и сами они вселились как дети – постоянно обнимались и щипались, а пару раз, неожиданно поймав тетю Катю, дядя Денис бросал ее в бассейн под ее протестующий визг. Следом прыгал и он – и между ними возникали шуточные баталии, струями брызг доносящиеся до степенно дремлющих на лежаках Жениных папы и мамы.

Тетя Катя была блондинкой с волосами из рекламы шампуня – складывалось ощущение, что ее выходу из гостинич-

ного номера предшествовала работа бригады ретушеров, стилистов и парикмахеров.

Тетя Катя обладала каким-то неуловимым шармом и легкой манерностью, которые вовсе не отпугивали, а наоборот, даже очень подходили к ее внешности. Разговаривала она так, будто находилась на сцене, хотя в это время всего-навсего завтракала, сидя за столом на гостиничной веранде.

Зато смеялась она звонко и искренне, закидывая голову и обнажая белоснежную улыбку.

Мама, бывало, часами сидела с ней у бассейна, иногда отправляла снующего рядом Женю за коктейлями — тот, получив такое ответственное задание, бежал в бар как ошпаренный, а купленные коктейли нес с аккуратизмом канатоходца. Он знал, что тетя Катя по возвращении поцелует его в щеку и наградит лучшей из своих улыбок.

Дядя Денис тоже был хорош — он был моложе ее лет на пять и напоминал типичного красавчика из фильмов 80-х годов, такого бэд боя — сердцеда, который в конце фильма обязательно оставался с разбитым сердцем. Красотка уходила к ботанику. Но все прекрасно знают, что в жизни такого не бывает. Дядя Денис это тоже знал. Поэтому в легкой неге двигался по пляжу, собирая взгляды отдыхающих.

Шутка ли, но с разбитым сердцем он все-таки остался. По приезде домой все вроде было как обычно, но через пару недель отец стал задерживаться на работе, пропадать вечерами, в общем, соответствовать всем пунктам статьи «как узнать, что ваш муж вам изменяет», которая регулярно, раз в полгода печатается во всех уважающих себя женских журналах.

Мама, как любая взрослая женщина, понимала все и без журналов, поэтому быстро приперла отца к стенке.

Раскололся он почти сразу — врать он умел не особо хорошо.

То, что он действительно изменял, мама и так уже понимала, хотя возможно, и всячески пыталась себя в этом разубедить. Поразило же всех то, что тяжкую ношу адюльтера взвалила на свои загорелые плечи как раз та самая тетя Катя.

Женя помнит мамину истерику — в отца летело все, даже подвернувшиеся под руку Женины игрушки.

Когда за ним захлопнулась дверь, Женя и не подозревал, что это будет одна из его последних с ним встреч.

Разумеется, мама с тех пор пристально следила за судьбой отца, пророча их скорое с тетей Катей расставание, но к ее сожалению, оба они были до безобразия счастливы.

Через год у них с тетей Катей родилась дочь, а потом они куда-то переехали. На этом их след пропал.

Незадолго до этого Женя с мамой встретили их в парке и даже не сразу узнали: отец, будто находясь под влиянием красивой женщины, и сам расцвел — похудел, сменил прическу и загорел.

— Папа у нас теперь даже немного на дядю Дениса похож стал, — дернул за мамин рукав Женя.

На это Женино замечание мама среагировала холодно — он тогда еще не понимал, что похорошевший с другой женщиной папа был ей как нож в сердце.

Несмотря на активно проводимую до этого антиотцовскую кампанию, Женя хотел подойти и поздороваться, на что мама, шипя и больно сжав его руку, потащила его к выходу. Это был его самый короткий день в парке — он даже не успел прокатиться ни на одном аттракционе.

Этого-то он и не понимал — ведь если папа такой плохой и их бросил, зачем тогда им с мамой по два раза в неделю ездить девять остановок от дома, петлять дворами, чтобы, дойдя до папиных окон, всматриваться в занавески — горит ли у него на кухне свет? Но ответа на этот вопрос он не получал.

Слушая приглушенные мамины всхлипывания из соседней комнаты, Женя думал, что, если бы мама в ответ начала гулять с дядей Денисом, папа бы обязательно заревновал и вернулся.

Но этому сюжету романтических комедий было не суждено сбыться — о дяде Денисе по приезде с Крыма он больше ничего и не слышал — разве что только потом он узнал, что дядя Денис, оказывается, был студентом в университете, где преподавала тетя Катя. Кто кого еще и бросил — тоже непонятно. Но такие, как дядя Денис, не пропадут. Он смог бы объясниться и покорить сердца даже воинственных амазонк-феминисток на острове в Тихом океане. Он бы научил их предводительницу кататься на доске для серфа, а в ответ та порастеряла бы изрядную долю своего мужененавистничества и приказала бы перестать сбрасывать со скал всех рождающихся мальчиков.

Пробежав квартал, Женя сбавил темп, несколько раз глубоко набрав в легкие воздух и выдохнув. Пульс выровнялся.

Купив в ближайшем киоске пакет сока, Женя вернулся в больницу.

Остаток дня он уже не мучился и не испытывал угрызений совести по поводу скончавшегося. Видимо, обеденная самотерапия дала свои плоды.

— Он был мне никто, — уже облегченно и даже с некоторым вызовом повторял себе Женя. Нельзя рисковать собой.

Правда, он не мог выбросить из головы тот свой порыв с парнишкой в парке, но Женя убедил себя в том, что сделал он это только с одной целью — окончательно убедиться в своих способностях. И на этом точка.

Глава 22

envy ['envɪ] – сущ. зависть, завистливость

inaccessibility ['ɪnæksə'seɪ'bɪlɪtɪ] – сущ. недосягаемость, недостижимость

rage [reɪdʒ] – сущ. ярость, бешенство

Чтобы выжить и обозначить свое место в детском доме, таким, как Гриша, надо обладать характером, который компенсировал бы недостатки в габаритах.

У Гриши он был. В его личном деле, должно быть, были такие характеристики, как «лидерские качества», «склонность к насилию», «отсутствие жалости».

С Гришей все время были один-два его товарища. Не особо расторопные, но крупные ребята. Гриша не стеснялся их перебивать, постоянно одергивать и поучать – те, в свою очередь, смиренно слушали и кивали. Им как будто даже нравилось это отношение подчинения – или во всяком случае, вполне устраивало. Женя никогда не видел, чтобы они огрызались или хамили Грише.

Днем они ходили по дворам, курили, забирались на гаражи и отбирали мелочь у возвращающихся со школы детей. Точнее, делали это Гриша и его мордovorоты. Женя был грузом, который находился с ними лишь потому, что не был в тягость Грише. Он ощущал себя щенком, прибившимся к волчьей стае, которая позволяла ему быть свидетелем их «подвигов». Гриша был ее бессменным вожаком.

Гриша мог быть хоть сколько нескладен и худ, но то, как он разговаривал со своими жертвами, не оставляло равнодушным никого. Это не было визгливое «а ты откуда» и «эй, иди сюда» с грудью колесом и походочкой вразвалку.

Это был высший пилотаж прессинга. С руками в карманах, Гриша смотрел в глаза оппоненту и вкрадчиво, без мата начал говорить. Что именно он говорил — не так важно. Женя толком и не помнил, зато он помнил глаза, которые впивались в так опрометчиво решивших срезать дорогу школьников. Это был взгляд питона, приковывающий к месту кролика. Женя видел такое в зоопарке, но никогда не понимал, почему кролик просто не может взять и убежать. Он забивался в угол и превращался в безвольный комок шерсти, вместо того чтобы бегать по аквариуму, разбрасывать лапами песок и бороться за жизнь.

Ребята послушно отдавали деньги и уходили. Были и те, кто вступал в конфронтацию и начинал агрессивировать — как правило, ребята постарше или типичные школьные хулиганы. Гриша никогда не отвечал на агрессию агрессией. Напротив, он улыбался уголками рта и с легким прищуром выслушивал угрозы. Но эти угрозы были трепетаниями и жужжаниями мухи, с каждым взмахом крыла все больше запутывалась в липкой паутине.

Тогда Женя узнал, что расшвирипевший человек не страшен. Во всяком случае, ты всегда знаешь, чего от него ждать — идущий на тебя с кулаками, он и сам невербально это демонстрирует. Гришина же полуулыбка при абсолютно холодных глазах была куда страшнее. Абсолютная неопределенность. Никогда не знаешь, что последует дальше — взрыв смеха или удар локтем в челюсть.

Женя даже пытался оттрепетировать этот взгляд дома перед зеркалом. Получалось вымученно и неправдоподобно. Такой, как Гриша, ни за что бы не купился.

После общества Гриши все Женины одноклассники казались ему инфантильными неженками и маменькиными сынками. Было приятно использовать услышанные от Гриши жаргонные словечки, которых обычные дети не знали. Пояснять

их смысл Женя, конечно же, не собирался — достаточно было отмахнуться и презрительно сощуриться. Одноклассники и товарищи вроде даже начали чувствовать его высокомерность, но причины ее появления им были непонятны.

Иногда Женя представлял, как Гриша заходит к ним в класс. Неизменной степенной походкой, с руками в карманах и хищным прищуром. На секунду застыв в дверях, он осмотрел бы класс, внимательно вглядываясь в каждое лицо.

В один из таких дней они шатались по городу, пока не забрели в небольшой скверик за супермаркетом. В сквере сидели двое — парнишка лет 15 и его подруга. Парень что-то увлеченно ей рассказывал, и она заливалась смехом. Женя сразу понял, что его менторы просто так это не оставят. Радость для них как красная тряпка для быка. Да и к тому же у парня была кожаная куртка и волосы до плеч, а за спиной висел чехол с гитарой. Хуже ситуации не придумаешь.

Гриша кивком головы указал спутникам на парочку и двинулся к ним, перешагнув через невысокую оградку.

Парочка до последнего их не замечала. Гриша бесшумно встал в метре от них, сложил руки на груди и слушал увлеченно рассказывающего парня, пока его подруга легким и беспокойным кивком головы не попросила его повернуться.

— Музыкант? — спросил Гриша, глядя на гитару.

Парень молчал. Он бегло осмотрел стоящих за Гришей двоих ребят и Женю. На его лице еще сохранилась улыбка от рассказываемой секунду назад истории.

— Ну... Играю иногда, — пожал он плечами.

— А че играешь? — Гриша подошел ближе.

— Ну там... рок, — парень потихоньку начинал теряться. Он понимал, что ситуация играет против него. Скорее всего, подошедшие к нему ребята рок не слушают и другим не советуют. В те времена музыкальные предпочтения опрашиваемого играли не последнюю роль в вопросе, вернется ли он домой целым и невредимым. Вряд ли солисты групп Amatory, «Король и Шут» и «Ария» даже примерно предполагали, сколько разбитых кулаков и лиц случилось на почве их творчества.

— Понятно, что не классику, — усмехнулся Гриша.

Сидящая рядом с парнем девушка, хмурясь, впиалась глазами в Гришу. Она как будто хотела ему что-то сказать, но не решалась.

— Ну сыграй что-нибудь тогда, — Гриша закинул ногу на скамейку и облокотился на согнутое колено. — А мы с ребятами послушаем.

Парень не торопясь, аккуратно извлек гитару так, будто она была сделана из стекла.

После нескольких нерешительных аккордов парень взял ритм и начал играть.

— «Смоук он зэ вотер», — улыбнулся Гриша. — Классная.

Парень согласно кивнул. Спустя полминуты он даже вошел в кураж и стал притоптывать ногой и бить ладонью о корпус гитары. Как и любого музыканта, неожиданно появившаяся публика — пусть и не совсем та, на которую он рассчитывал — его даже немного воодушевила.

Гриша закурил и выпустил в небо облако сизого дыма. Двое его приятелей нерешительно стояли рядом. Они не знали, как включиться в разговор, да и надо ли — про «смоук он зэ вотер» они ничего не знали, а Гриша всегда их одергивал, если они начинали что-то говорить без его отмашки. Они напоминали Жене двух големов из какой-нибудь детской сказки. Безмолвные и угрожающие. Правда, ничего сказочного в них не было.

Парень закончил играть и положил гитару рядом с собой.
– Ну, как-то вот так, – попытался он скрыть свой триумф.
– Фендер? – спросил Гриша, глядя на гитару.
– Ага, – гордо кивнул парень. – Дэ Гэ 5, – его глаза загорелись. Наверное, его девушка в такие моменты испытывала приступ ревности. Связавшая свои отношения с музыкантом должна научиться терпеть еще одну женщину в жизни своего молодого человека – гитару.

– У меня еще дома есть «Ямаха». Но это любимая.
– Две-то тебе зачем? – спросил Гриша.
– Ну как зачем, – парень закинул ногу на ногу. – По настроению. Отец говорит, на творчество не жалко.
– Богатый, что ли, он у тебя?
– Ну, состоятельный. Скажем так.

Подруга парня сидела, пождав губы. Ее рот превратился в одну узкую полоску.

– А третью тебе не собираются покупать? – хмыкнул Гриша.

– Хочу «Сигму». А лучше «Гибсона» новую. Пока не знаю.
– Дай погляжу, – с этими словами Гриша взял гитару. Парень еле заметно дернулся, но остался сидеть на месте.

На мгновение Женя увидел Гришину заинтересованность – он с вождением взял гитару в руки и провел рукой по струнам и по изгибу.

Потом он повернулся к Жене.

– Женек, а ты знаешь, что рокеры делают после своих концертов?

– Неа, – отрицательно покачал головой Женя.

Гриша занес гитару над головой, чуть не задев стоящих рядом бугаев. Те отшатнулись, как задетые в боулинге кегли.

– Стой, – округлились глаза парня. Он подскочил со скамейки и выставил вперед руки.

С сокрушительным треском гитара ударилась о скамейку. Глухой звук удара перерос в звук ломаемых щепок.

Парень обессиленно рухнул на скамейку.

– Вы че делаете, дебилы? – завизжала девушка.

Гриша даже не посмотрел на нее. Вместо этого он повернулся к Жене.

– На, ебни тоже.

Женя с удивлением посмотрел на протянутую ему гитару – вернее, на то, что было ею каких-то полминуты назад.

– Я? Зачем? – Женя сделал шаг назад.

– Бери! – хрипло закричал Гриша.

Женя, не поднимая глаз, послушно взял гриф с болтающимися на него конце кусками дерева. Он еще не видел Гришу таким. Тот тяжело дышал и кашлял, хотя Женя не помнит, чтобы у него раньше была одышка.

Женя делал вид, будто прицеливается перед ударом. Он ждал, что эта непонятная и чуждая Грише истеричная пелена спадет, и со словами «Ладно, забыли» он заберет у него пока что еще узнаваемые останки музыкального инструмента. Но Гриша и не собирался.

– Бей, – подавшись вперед, заорал он.

Женя старался не смотреть на прижавшуюся друг к другу парочку. Струны жалобно звенели и впивались в руку, когда гитара ударилась о скамейку.

– Сильнее! – кричал Гриша. – Ты че как баба!

Женя надеялся, что эти двое видят, что его заставляют это делать. Что он такая же жертва обстоятельств, как и они.

Женя заносил гитару и бил о скамейку снова и снова.

Земля вокруг напоминала лесопилку из-за рваных и ломаных щепок. Светлых – от гитары и зеленовато-голубых – от скамейки.

Дрожащими руками Женя аккуратно положил гриф на край скамейки – как будто в этом огрызке с торчащими

в разные стороны струнами мог быть еще какой-то толк. Женя испытывал смешанное чувство стыда и эйфории. Уши горели, но он чувствовал, как в его руки вложили силу и власть. Власть над людьми. Даже над старшими, такими, как сидящий на скамейке парень. Внутри гулял целый вихрь чувств. Сила, помноженная на безнаказанность, задела и пробудила в нем какие-то доселе неведомые чувства, мысли и желания.

Весь следующий день он огрызался тем, кто ему не нравился. Он как будто понял, что до этого жил неправильно. Опускал глаза там, где надо было смотреть, молчал там, где надо было отвечать. В голове сразу промелькнули десятки ситуаций, где он, «Новый Он», теперь мог поступить по-другому.

Плохие поступки очень сплачивают. Гриша знал это. Он как будто поставил его с собой на одну ступень. Сравнял их. Теперь уже никто не скажет, что примерный гимназист связался с компанией оторви-да-выбрось ребят. Пусть их не вводят в заблуждение его чистые кроссовки и глаженные футболки. Он такой же, как они. Ничем не лучше. Все, что их отличает — наличие у одного из них взрослых мужского и женского пола, называемых родителями.

Для Гриши он был как дорогой конструктор, набор «сделай своими руками». Грише было приятно делать своими руками себе подобного. Сделать из Жени себе подобного было его местью всем состоявшимся и счастливым семьям.

Женя как будто поднялся на ступень к Грише. Или спустился. Но что несомненно — стал ближе. Это было его боевое крещение.

Если гадость делает один человек — это, несомненно, гадость. Если же ее делает несколько человек или хотя бы двое, эта гадость приобретает оттенок идейности. У нее сразу обнаруживается смысл и находится замысел.

Они не торопясь шли по тротуару. Сердце все еще бешено билось. Гриша же был спокоен. Он вернулся в свое обычное состояние. Глядя на него, было трудно поверить в случившееся какой-то час-два назад.

— А вы куда-нибудь выезжаете отсюда? — поинтересовался Женя. Он уже не боялся опрометчивых вопросов. Теперь-то он мог говорить с Гришей на равных.

— Да не особо. Если выезжать, то обязательно куда-нибудь припахают. Мы же рабочая сила. А куда нас еще вести? В парк, на аттракционы? Чтоб мы нормальных детей пугали? Женя промолчал.

Они забрались на гараж и сели на прогретую шиферную крышу.

— Ну а ты? — спросил Гриша.

— Редко. На море летал как-то. Ну это давно было.

— И что там, на море, делать? — Гриша отпнул лежащий булыжник. — Жара и оводы.

— Там нет оводов. Даже комаров нет.

Женя начал в красках описывать, но осекся. На Гришином лице появилась скрываемая, но все же ощущаемая зависть.

— Ну и в деревне был, — сменил мысль Женя. — Но раньше. Теперь уже скучно.

Деревня и детство — идеальное сочетание. Тогда ты еще не замечаешь, что все вокруг бухают и делать там особо нечего.

В детстве тебя это не интересует. Тебе всегда найдется чем себя занять.

Запустить чем-нибудь поувесистей в улей, послушать веселые байки соседа-охотника, почесать за ухом соседскую собаку, потыкать палкой в муравейник. Да что угодно. Жаренные

на сковороде семечки, липкая смола от шишек, которая, как клей, вяжет пальцы. Комары и те кусают как-то не раздражающе. Во всяком случае, не возникает желания воткнуть в каждую розетку по фумитоксу. Хотелось выцарапать перочинным ножом свое имя на дереве, когда он уже уезжал. Чтобы вернуться следующим летом и отыскать это дерево. Женя видел такое в каком-то фильме. Мама не дала воплотить затею и ножик не дала. Жаль, конечно — ей невдомек символизм, и о «якорях воспоминаний» она тоже ничего не слышала.

Но приедь в более осознанном возрасте, и окажется, что линзы у розовых очков выцвели. Собака — беспородный барбос, сосед такой веселый потому, что уже с самого утра нажрался. Песок попадает в сланцы, а от вездесущих мошек и комаров хочется спрятаться в спальном мешке.

— И как там?

— Где, в деревне?

— Да в какой, блин, деревне. На море.

— А, ну там... Классно... — сказал Женя.

— И все? — усмехнулся Гриша. — И ради этого кучу денег на самолет отдавать?

— Ночью классно. Галька остывает, но еще теплая. Днем так вообще не походишь. Жжет ноги.

— Сильно?

— Ну да, ощутимо, — ответил Женя. — К катеру привязывают ватрушку — ну надувной круг такой. И гонят по озеру. Поворачивают резко — чтоб люди вылетали. Поэтому надо прям вцепиться. Мороженое — вафельный рожок и шарики. Можно хоть пять сразу шариков. Клубничный, банановый и фисташковый.

– Похоже на наше?
– Мороженое-то?
– Ну да.
– Не очень, – ответил Женя. – Там вкуснее. И вкус, он...
концентрированнее, что ли.

Гришины бугаи сидели чуть поодаль и слушали. Скажи Гриша, что все это полная ерунда, или пошутить какую-нибудь неприятную шутку, они бы его поддержали громогласным ржачем. Но Гриша молча внимал, поэтому они тоже сохраняли серьезное выражение лица.

Под гаражами прошел мужик с доберманом в наморднике. Оба подозрительно покосились на сидящую над ними компанию.

– Потом, правда, английский учил дома, – сказал Женя. – Я, типа, не учил его полторы недели же. Так что дома мне подосрало после моря.

– Английский учил? И как? Скажи на нем что-нибудь, – попросил Гриша.

– ...Hello... My name is Jenya. Grisha is my friend, – неуверенно сказал Женя.

– Это ты че там такое ляпнул? – хмыкнул Гриша, услышав свое имя.

– Ну типа, меня зовут Женя. Гриша – мой друг, – смущаясь, ответил Женя.

– Друг говоришь. А че, я по-английски не Джордж буду какой-нибудь разве?

– Ну там не совсем так, – ответил Женя. – Они наши имена просто английскими буквами пишут. А так мы теми же и остаемся. Ну, звучим так же.

– Понятно, – Гриша вытащил из помятой пачки сигарету. – Я смотрел по телеку, у них в Америке даже тюрьмы лучше наших квартир. Прикинь, пошел банк ограбил и живешь в двухместном номере с толчком и душем отдельным. Наше заведение – концлагерь по их меркам.

Чиркнула зажигалка, и Гриша глубоко затянулся.

– Слушай, а как сказать, что наша директриса – фашистка? Вдруг приедут с американского телевидения? Я им быстро доложу.

– Our director is... is... Как будет фашистка – я не знаю, – сказал Женя.

– Жаль, – равнодушно ответил Гриша. Эта тема ему уже явно наскучила.

– Ладно, пора возвращаться в наш барак, – с зажатой в зубах сигаретой Гриша повернулся к своим товарищам позади. – Подъем, штрафбат.

Глава 23

indecision [ɪndɪˈsɪʒən] – сущ. нерешительность, неуверенность

heart [hɑ:t] – сущ. сердце

broken ['brɒkən] – прил. сломанный, разбитый

По пути домой Женя заскочил в пару магазинов – сегодня должна была приехать Саша.

Она уже как-то оставалась у него последние пару дней, и Женя не мог не заметить увеличившееся количество бутылок с шампунями, кремами и другими субстанциями, о предназначении которых он не догадывался.

Какая-то глава того самого пособия по пикапу просто так и кричала, что все эти бутылочки и баночки, потихоньку появляющиеся в мужской берлоге – это начало конца.

Но Женя, представляя их совместную с Сашей жизнь, во все не испытывал какого-то страха «приручения», «одомашнивания» и других эпитетов, щедро используемых автором той самой книжки, который, по-видимому, раньше писал книги о дрессировке собак.

Более того, он всерьез подумывал о том, чтобы предложить Саше переехать к нему. При желании квартиру можно было облагородить. Новые обои и пластиковые окна вместо деревянных рам – и вот уже совсем другое зрелище.

С появлением Саши квартира и сама начала преобразаться – в ней потихоньку стали исчезать признаки совсем уж крайней степени холостячности, такие как разбросанные тут и там носки, пустые коробки из-под молока в холодильнике и вездесущие крошки на диване, которые, казалось, не пере-

стают там генерироваться, даже когда ты уже перестаешь таскать туда тарелки.

Женя не хотел нарушать весь этот установившийся порядок, ровно как и пачкать заботливо вымытые Сашей полы, поэтому он даже отказался от своей дурной привычки: спохватившись, обходить в обуви комнаты в поисках ключей или телефона.

Саша должна была уже прийти – сварив себе кофе, Женя расположился на диване.

На секунду даже проскочила мысль быстро сбежать до цветочного и порадовать ее букетиком, но было уже поздно – раздался звонок в дверь.

Саша, как всегда, была просто само очарование. Золотистые волосы, спадающие на плечи кожаной курточки кремового цвета, пахли чем-то кокосовым. «А у меня сюрприз», – с этими словами Саша достала из сумки подарочную коробочку, при ближайшем рассмотрении оказавшуюся набором из нескольких сортов кофе.

– Саш, ну это просто в самое сердце, – улыбнулся Женя. – А что за повод?

– Да нет никакого повода, – улыбнувшись, она пожала плечами. – Просто знаю, что ты жить без него не можешь.

Вечер прошел как нельзя лучше, естественно и непринужденно, а Женя сделал вывод, что на таких встречах, в общем-то, необязательно было напиваться, как он это делал раньше.

Женя уже засыпал – слышалось только мерное тиканье часов и ровное Шашино дыхание напротив.

– Жень, – тихонько шепнула Саша.

– М? – спросил он сквозь сон.

– Слушай, я завтра маму навещать поеду. Хочешь со мной?

— Давай, конечно, — глядя Сашу по спине, пробормотал он.

— Мне иногда так плохо бывает, когда я осознаю, что врачи ничего не могут сделать. Остается просто ждать, когда она... — Саша замолчала, по-видимому, произносить вслух конец предложения ей было трудно.

Сон сняло как рукой.

«Мама... Точно... Как я не подумал?» — эта мысль, появившаяся в его голове в конце милой постельной болтовни, буквально выбила его из седла — он все это время почему-то даже не вспомнил про нее. Было ощущение, что его подняли с кровати, как следует встряхнули и положили обратно.

— Я туда к шести подъеду, — Саша положила голову Жене на грудь. — Ты приедешь?

— Конечно, — машинально ответил он.

Он отвернулся к стенке, боясь, что его Саша может заметить его внезапно изменившееся состояние.

«Рак — это другое, — судорожно думал он. — Это же, блин, совсем другое. А что если получится совсем по-другому? Где гарантии, что я не пострадаю?»

Ворочаясь в кровати, он бросил взгляд на Сашу — ее глаза были закрыты, а лицо выражало безмятежность и спокойствие.

Будто услышав его мысли, она прошептала:

— Жень, мне так хорошо с тобой... Так защищенно. Есть ведь такое слово? — она слегка улынулась. — Короче, с тобой я чувствую себя в безопасности.

«Я обязательно должен это сделать, — перебирая Сашины волосы, Женя смотрел в потолок. — Я должен это сделать».

Он повернулся к Саше:

— В шесть, говоришь, поедешь?

Женя проснулся под утро — Саша еще спала, и до звонка будильника оставалось часа три. Ворочаясь в кровати, он пытался расслабиться и уснуть, но тщетно — мозг уже ясно работал, подогреваемый мыслями о сегодняшнем дне.

Женя сильно нервничал, осмысливая то, что он собирается сегодня сделать.

Проводя жужжащей бритвой по щеке, Женя разглядывал свое отражение: четкий овал скул, узкий, даже слегка женственный нос, глаза хоть и были немного уставшие, зато взгляд — с легким прищуром, цепкий и пронизывающий насквозь. Во всяком случае, так говорили все девушки, добавляя, что первым делом они обращали внимание именно на глаза. Он даже не раз репетировал его перед зеркалом, заводя воображаемый диалог знакомства.

— И вот таким красавчиком я рискую, — горько усмехнулся он. — Сука, ну что я за идиот. А с щетиной мне все же было лучше, — бросил он критичный взгляд на зеркало, вытирая лицо полотенцем.

— Жень, а у тебя, что ли, одна тетрадь для всех конспектов? — зашедшая в ванную Саша держала в руках ту самую тетрадь.

Жене стало не по себе — она уже пролистала первые несколько страниц с записями терминов с уроков анатомии и физиологии.

— Да это так, старое, — он мягко взял тетрадь из ее рук. — Когда я еще хоть что-то с лекций записывал.

После работы он заехал в цветочный магазин — как на зло, все цветы на витрине были жухлыми и увядающими. Герберы покорно сложили свои большие лепестки, а обезвоженные орхидеи почему-то напомнили Жене венерины мухоловки из учебника по окружающему миру, только были чуть поменьше и выглядели не так плотоядно. Цвели и призывающе краснели почему-то одни гвоздики, и Женя не мог

отогнать ощущение, будто едет на похороны. Стараясь прогнать эту мысль, он взял симпатичный букет из тюльпанов и ирисов. Девочка-консультант заботливо завернула его в бумагу светло-василькового цвета и обмотала лентой цвета фуксии.

Женя редко покупал цветы — он, как и многие мужчины, не видел в этом практического смысла. Но его удивляло, что все девушки, начиная от старшеклассницы с веснушками и косичками, заканчивая стервозной бизнесвумен из какой-нибудь большой корпорации, которая прошла не по одной голове своими тувельками от Jimmy Choo, прежде чем села в директорское кресло — все они искренне радуются этим вырванным из почвы зеленым росткам с хлорофиллом и раскрывшимися соцветиями.

Первый свой букет, который он подарил девушке, изначально предназначался для мамы.

Женя часа два бегал по летнему парку, срывая сирень и посаженные работниками парка незабудки. Правда, потом ему пришлось поспешно скрываться, когда те, заметив юного вандала, пригрозили вызвать милицию. По дороге домой он закончил свой флористический шедевр, окаймив его растущими на обочине ромашками. Купленной в парке большой алой лентой он обвязал свой букет — как это сделать красиво, он не знал, да и спросить было некого. Но завязал он аккуратно и старательно, как завязывал шнурки на новых школьных туфлях.

Но этой композиции было не суждено простоять до выходящих и завянуть в кухонной вазе. По дороге домой Женя встретил девочку из параллельного класса. Он был в нее влюблен, а она, конечно, об этом не знала — до боли стандартная, но оттого не менее хреновая ситуация.

— Привет, — крикнул Женя и быстро отвел взгляд — встретиться с ней глазами было превыше его сил.

Почему-то он, почти разучившийся уже бояться сцены и публики, при виде нее вмиг терял все свое красноречие. Гор и отвага, которыми он козырял перед своими, дворовыми девчонками, куда-то моментально уходили, а на смену им тут же являлись непонятно откуда-то взявшиеся робость и нерешительность. Он прямо видел себя со стороны — мелкий балбес с дурацкими кудрями в мешковатой немодной одежде.

Объект Жениной любви сверху вниз смерила его взглядом, задержавшись на смешных сандаликах на липучках. Почувствовав это, Женя поджал пальцы босых ног, смутившись своей уязвимости.

— Привет, — равнодушно ответила она. Слава богу, в глаза не посмотрела. Или наоборот, лучше бы посмотрела?

Пройдя несколько шагов, Женя остановился. Он знал, что надо делать. Еще немного колеблясь, он несколько секунд рассматривал букет, сжатый в руке.

Женя помнит ощущение, с которым он догонял ее — наверное, идти по рельсам навстречу оглушающе гудящему поезду было бы не так страшно.

— Маш... Маша, это тебе. — Женя протянул ей цветы.

Маша удивилась. Остановившись, она критически посмотрела на букет, будто пытаясь выяснить, что в нем не так.

— Мне? — подняла она глаза на Женю.

Это все же случилось. Женя почувствовал, как его уши превратились в два пылающих огня — став еще больше, смешнее, а сам Женя — еще более жалким и комичным.

— Да, — тихо сказал он, рассматривая опоясывающие букет ромашки. «Без них было лучше, — промелькнула запоздалая мысль. — Слишком они по-детски выглядят».

— Зачем? — подняла она бровь.

Этот вопрос, простой по своей сути, завел Женю в окончательный тупик.

– Ну... он... они красивые... – только и смог выдавить он.

– Ну давай, – Маша пожала плечами и с опаской, даже чуть брезгливо взяла букет, будто боялась, что по ее рукам побегут сползающие со стеблей пауки и муравьи.

Возвращаясь домой, Женя чувствовал себя на седьмом небе от счастья. Завернув за угол дома – на тот случай, если Маша вдруг обернется посмотреть ему вслед, – Женя, уже никого не стесняясь, бежал домой вприпрыжку, как на разминке перед физкультурой.

Будто в благодарность за случившееся, по приходе домой он молниеносно съел нелюбимый суп и сразу сел за уроки.

Этот букет он увидел вечером, когда шел с бабушкой за молоком. Он валялся на скамейке среди жестяных банок от колы и деревянных палочек от мороженого. Осталось от него уже немного – пара васильков да три ветки сирени. Быть может, он бы вообще и не узнал его, если бы вечерний летний ветер не прибил к стоящей у скамейки урны несколько безжизненных ромашек, запутавшихся в красной ленте.

Наверное, это был один из самых первых жизненных уроков – хлесткий, как пощечина. Зато отрезвляющий. Тогда к нему пришла уверенность, что по-настоящему взрослеют только после такого, а не после прочитанных про Тома Сойера книжек и бабушкиных с мамой наставлений.

С Сашей они встретились в фойе больницы – слегка поникшая, она сидела в коридоре с бутылочкой минералки. Издалека она напоминала девочку, которая осталась одна после окончания уроков – последнюю одноклассницу уже давно забрали, а обещанные мамой «приеду через пять минут» давно прошли.

– Привет, – поздоровался Женя.

Саша подняла голову.

— Привет, — на ее лице появилась уставшая улыбка.

Она крепко прижалась к Жене и закрыла глаза. Женя, обняв ее, ободряюще похлопал по спине.

— Все хорошо будет, — сказал он. — Пойдем?

Он очень надеялся, что будет хорошо. Он пытался отогнать всякие дурацкие мысли, но не думать о предстоящем он не мог.

С Сашиной мамой он не был знаком — только просил Сашу передать поздравления с днем рождения и 8 Марта. Знакомиться он тогда решительно не хотел, так как знакомство с родителями намекало на какой-то новый этап в отношениях, и как следствие, их серьезность, к которой Женя несколько не стремился.

Для него это было что-то вроде первой ступеньки лестницы, ведущей в брак. Эту самую лестницу он старательно обходил всеми возможными окольными путями.

В палате было светло — медсестра, закончив вытирать шваброй пол, взяла ведро и оставила их одних.

Сашина мама лежала под одеялом и читала какую-то книгу — вроде бы с религиозным уклоном. На обложке были нарисованы ангелы на фоне зеленого цветущего леса.

Услышав шаги, она опустила книгу, и Женя увидел ее лицо — нельзя было сказать, что она производила впечатление человека, находящегося на пороге смерти. Скорее это было лицо очень уставшей и утомленной долгим пребыванием в больнице женщины.

Отложив книгу, она улыбнулась.

«Очень похожие у них с Сашей улыбки», — подумал он.

Наклонившись, Саша обняла маму.

«Сейчас самое время, — промелькнула мысль в голове Жени. Сердце бешено стучало. — Сейчас, просто обнять и взять за руку. Так, блин, делают люди при знакомстве. Всего несколько секунд. Я смогу».

Саша села на край кровати и наклонилась, а ее мама что-то шептала ей на ухо, бережно поглаживая дочь по затылку.

Женя нервничал. Чем дольше все это тянулось, тем больше он думал о происходящем. А ему хотелось сделать все быстро и непринужденно.

Саша, поцеловав маму в щеку, встала с кровати.

Слегка мокрый взгляд ее мамы посмотрел на Женю.

Он сделал шаг вперед. Ему казалось, что он делает шаг в пропасть.

— Э... здравствуйте, — он замер у подножия кровати.

«Сейчас! Давай», — подсказывал голос внутри.

Сашина мама с улыбкой смотрела на него.

— А мы... мы вам цветы принесли, — выдавил из себя Женя. От волнения он забыл ее имя и отчество.

Он сжал букет так, что почувствовал, как скрипят ломающиеся стебли.

— Спасибо большое, — услышал он. — Спасибо. Какие красивые, мне приятно очень. Попрошу, чтобы вазу принесли.

Женя медленно положил цветы на тумбочку рядом с кроватью — рука дрожала. Он очень жалел, что среди цветов не было роз с шипами — тогда бы он мог сжать их, и сжать так, чтобы по руке начала струиться кровь. Может, она, капая на пол палаты, привела бы его в чувство.

Ноги сами отвели его к стулу, стоящему недалеко от кровати. Сев рядом с Сашей, он сложил руки на коленях, стараясь успокоиться.

— Какой у тебя, Саш, парень симпатичный, — улыбнулась Сашина мама, глядя на Женю. — Вот и познакомились, — улыбнулась она. — Ты же врачом работаешь, да?

— Да, — Женин голос прозвучал едва слышно. — Да, — повторил он, прочистив горло.

— Нравится?

«Если я не буду сейчас вести себя как какой-то пересравшийся первоклассник на линейке, — думал он, — то мы сейчас нормально пообщаемся, и не будет никаких барьеров при прощании. И тогда я уже спокойно смогу сделать все от меня зависящее».

— Да, нравится, — Женя, чуть выпрямившись, улыбнулся. — Ну, врачи и учителя, сами знаете, у нас в стране самая важная и недооцененная профессия, но меня это не сильно смущает — стараюсь приносить людям пользу.

«Слышали бы меня сейчас Макс с Настей», — с горькой усмешкой подумал он.

Сашина мама внимательно его слушала, слегка кивая головой. Иногда ее лицо искажала гримаса, и она долго кашляла сухим, режущим ухо кашлем, от чего Жене приходилось прерывать рассказ, потупив глаза в пол.

При этом ее казавшееся минуту назад здоровым лицо как-то вмиг менялось, краснело и сотрясалось от приступов кашля, которые, казалось, разрывали ее изнутри.

В эти моменты Саша придвигалась ближе, одну ладонь клала поверх сложенных замком маминых рук, а вторую — под спину, как будто хотела похлопать ее, как это делают с подавившимся человеком.

Да только что она могла сделать.

Мог сделать только он.

— ...В общем, планов много, стараюсь двигаться к намеченной цели, — выждав, когда она закончит кашлять, продолжил Женя. — Дочь у вас, кстати, — он с улыбкой перевел взгляд на Сашу, — просто сокровище. И вы держитесь хорошо. Жаль, что мы с вами... ну... не познакомились раньше, при других обстоятельствах, — Женя кивком обвел больничную палату.

Сашина мама согласно кивнула.

— Спасибо! Ох сколько я с этим сокровищем боролась в свое время, да, Сашуль? — она перебирала Сашины паль-

цы — только сейчас Женя заметил, что руки Сашиной мамы были сухие и безжизненные.

— Вы только вместе держитесь, ладно? — ее губы задрожали. — Можете... можете...

Было видно, что слова даются ей с трудом...

— Можете потом с Женей у меня жить.

Женя молчал. Он не знал, что говорить в такие минуты.

Сказать «Ну что вы такое говорите?» — глупо. То же самое касается и «все будет хорошо», «крепитесь», и еще кучи других фраз, которые сейчас казались пустыми и неуместными.

Как-то Женя уже был в подобной ситуации — когда у него умерла бабушка. Скорая долго ехала, да и ее приезд уже вряд ли бы что-то решил.

Хотя только позавчера они работали в саду. Вернее, работала бабушка, Женя же от нечего делать кидал вишней в забор. Если сильно размахнуться, она разбивалась об забор красивой пунцовой кляксой.

У старшего же поколения была особая связь с садом. Только они находили романтику в том, чтобы, согнувшись под 90 градусов, сканировать землю на предмет сорняков. В сад она ездила даже тогда, когда работала. Переоделась дома — и в путь. Освободиться в пятницу пораньше с одной работы, чтобы продолжить работать в саду — это вовсе не пятый круг ада по Данте, а обычные пенсионерские будни.

Что касается сорняков, то новые технологии в виде электрической газонокосилки бабушка не признавала. Мама только зря выкинула деньги на распродаже. Бабушка предпочитала сражаться с сорняками один на один и голыми руками. Вернее, одна выходила бабушка, сорняки же, как и любые порядочные злодеи, приходили не одни и набрасывались на нее со всех сторон.

Они с мамой приехали, когда бабушка лежала в темной гостиной и почему-то не узнавала своего мужа.

Дедушка сидел перед ней, держа за руку, и разговаривал как с ребенком. Женя даже помнил, что именно он ей говорил — начал он с рассказа о том, как они, молодые, окончив университет, поехали на поезде в Адлер и там в первый день потеряли ее сумку.

Рассказывал, как стояли в пробке и опаздывали в загс.

Рассказывал, как пятилетняя мама потерялась в детском лагере, и они поехали ее искать. На том моменте подключилась мама — сев рядом, она продолжила, как в шестом и седьмом классе, пока их, родителей, не было дома, решила сделать бабушке приятное, погладив ее летнее платье. А в итоге прожгла в нем треугольную дыру, и вместе с платьем — постеленный недавно дорогой линолеум, за которым Женин дедушка ездил чуть ли не в другой город.

Бабушка с большим вниманием слушала эту повесть о своей жизни, но было непонятно, слушала ли она ее с вниманием человека, вспоминающего пережитые моменты, или она уже ничего не помнила и просто слушала — как пересказ фильма, который не смотрела.

Широко открыв глаза, она жадно переводила взгляд с мамы на дедушку, как будто стараясь на них насмотреться. Женя помнил, что ослабевшей рукой она взяла дочь за рукав кофты и пыталась что-то сказать — но губы уже ее не слушались. Она просто перебирала пальцами по ее манжету и молчала.

На кресле рядом с кроватью лежали носки, которые она вязала утром. Вся семья уже посмеивалась над этим ее хобби и говорила, что столько носков им никогда не носить. А шерстяные так и вообще надевать некуда — с ними нога упорно не помещалась в ботинок. Но бабушка не унималась. Свое вязание она мотивировала тем, что тренирует мелкую моторику рук. Но все знали, что, как и любая бабушка, она считала им-

мунитет своего семейства никудашным, а их самих — беззаботными балбесами, которых хлебом не корми, дай выбежать босыми ногами в снег и заработать ангину. Она всегда оставляла носки в прихожей, у двери — а то про них обязательно бы забыли.

Каждой новой партией своих вязанных творений она пыталась защитить их от всех простуд, ОРВИ и холодных линолеумов мира.

А еще он помнил, как все это время стоял рядом и молча гладил бабушкино плечо, давая внутри свои слезы и пытаясь сказать хоть несколько слов, чтобы ее подбодрить. Но как подбодрить умирающего человека? Женя стоял чуть не плача, но так и ничего не сказал.

Через полчаса бабушка умерла. Лифт был сломан, и поднявшийся пешком врач с фельдшером шумно дышали в прихожей. Особенно тучный фельдшер — он постоянно промокал лоб платком, а его носки были мокрые и пахли немытыми ногами.

А Женя так и не понял, знала ли вообще бабушка, что он был с ней в этой комнате.

А ведь и он столько всего мог вспомнить. Как они с одноклассником сбежали с уроков, пошли в магазин за чипсами и газировкой и наткнулись там на бабушку, покупающую мясо для борща. Попало в тот день ему хорошо.

Или как они купили с бабушкой в супермаркете большой арбуз, не дождалась трамвая и решили пойти домой пешком. Бабушка еще тогда ему сказала, что арбуз — это ягода, и он всю дорогу переспрашивал, думая, что она шутит.

Женины руки ныли, но он героически нес эту гигантскую полосатую ягоду с хвостиком — и уронил буквально перед самым домом. С глухим треском красная мякоть брызнула на его белые шорты.

Женя тогда оторопел, ожидая услышать крик и упреки в криворукости, но бабушка, улыбнувшись, заговорщицки предложила Жене сказать маме с дедом, что арбуз они так не купили – мол, магазинные на вкус совсем не те, а завтра они лучше съездят на рынок.

Он мог вспомнить и рассказать и другие истории. Но не рассказал. Последние года три бабушка боялась инсульта. Делала зарядку, решала кроссворды и sudoku. Села на диету. Запоминала ряды трехзначных чисел. Пересказывала сама себе увиденную час назад передачу.

Но он пришел – как будто в насмешку, что все ее старания были безрезультатны.

Женя поднял глаза. Рука Сашиной мамы была от него в полуметре. Надо было только слегка привстать и на несколько секунд ее коснуться. Женя придвинул стул на несколько сантиметров ближе.

От сложенных на коленях ладоней на джинах остались два мокрых отпечатка.

Женя потянулся к койке. Осталось просто вытянуть руку, и он ее коснется.

Громко вздохнув, Сашина мама стала вытирать выступившие слезы.

Женя слегка отпрянул от неожиданности.

Вытерев остатки слез, Сашина мама вернула руки на место, а через секунду убрала их под одеяло.

Из коридора донесся шум железной тележки на колесиках. Зашла медсестра.

– Юлия Вадимовна, обед.

Женя растерянно смотрел на въезжающую тележку с аскетичными двумя кусочками хлеба, гречневой кашей и разбавленным чаем в стеклянном стакане.

– Как танцы твои? – Сашина мама гладила дочь по руке.

– Да, мы с девчонками снимем видео завтра. Я тебе покажу.
«Как же ты не вовремя, – подумал Женя, переводя взгляд на медсестру. – Почему именно сейчас?»

Саша уже обнимала маму на прощание.

Женя старался сохранять самообладание, но его трясло. Шансы стремительно уменьшались.

– Мамуля, мы пойдем. Рада тебя была видеть. Я еще к тебе забегу завтра. – Саша встала и надела на плечо сумку.

Женя поднялся следом на ватных ногах.

Сашина мама лежала под одеялом, из-под которого виднелись края ключиц. Они уже полностью прорисовывались на ее худом теле и вместо присущего им изящества они неестественно выпирали, напоминая грудную клетку.

Женя подошел к койке с умирающей женщиной.

Улыбка пропала с ее лица – сделав большой вдох, она начала кашлять. Резкий непрекращающийся звук эхом отражался от стен больничной палаты.

Казалось, этот приступ кашля не закончится и перейдет в рвоту.

Медсестра села на край койки и протянула Сашиной маме в несколько раз свернутый кусочек марли.

Наконец, кашель прекратился. Было ощущение, что он одним грубым и резким движением сдернул зыбкую пелену радости и спокойствия, которую Сашина мама долго пыталась создать перед приходом дочери.

И сейчас, когда эта пелена спала, Женя увидел измученную, сильно постаревшую женщину, которая скорее была похожа на манекен. Ее лицо приобрело какой-то пепельный оттенок. Из-под опухших век на Женю смотрели покрасневшие глаза с застывшими на них от напряженного кашля слезами.

Она, не отрывая марлю ото рта, сжала ее в комок и убрала в сторону. Женя успел заметить, что она была насквозь красная от крови.

Сделав усилие, Сашина мама слабо улыбнулась. Одна не удержавшаяся на глазу слезинка побежала вниз, застыв на середине щеки.

— Пока, — беззвучно сказала она, кивнув головой.

Саша взяла Женю за руку, но он стоял как вкопанный. Внутренняя борьба в нем, казалось, уже достигает своего апогея. Не в силах что-либо предпринять, он попятился назад, не сводя с нее глаз.

— Д... До свидания. Мы придем еще, — упавшим голосом сказал Женя.

Сашина мама утвердительно моргнула, едва кивнув головой.

С каждым шагом к двери Женя ощущал нарастающие отголоски какой-то бессильной злости.

Дверь палаты закрылась.

«Мудак! — злость к себе начинала подступать, как спящий долгое время, но уже готовый вот-вот начать извергаться вулкан. — Ссыкливый мудак», — мысленно, удар за ударом, Женя сам себе разбивал лицо.

Саша взяла его под руку и прижалась плечом. Женя шел молча, плотно сжав губы.

Она что-то рассказывала, наверное, желая прервать тишину и отвлечь себя, но Женя ничего слышал.

Спускаясь к гардеробу, они проходили мимо стены, состоящей из множества плиток синего, зеленого и бутылочного цвета.

Жене хотелось отпустить Сашину руку и с размаха ударить по ней, сломав костяшки. Чтобы на пол, громко звеня и привлекая внимание врачей и посетителей, полетели блестящие осколки. А лучше не на пол — а в него, впиваясь бесчисленными острыми углами.

Взяв в гардеробе пальто и Сашину куртку, Женя молча и резко застегивался. Молния пальто неприятно защемила шею.

– Саш, – хмуро позвал он.
– Что? – Саша, поочередно вставая на одну ногу, снимала бахилы.

– А когда мы снова придем?

Саша слегка удивленно посмотрела на Женю, застыв с зажатými между указательным и большим пальцем бахилами.

– А ты хочешь?

– Конечно хочу, – из-за разрывающей его злости ответ прозвучал резко, но Саша не заметила интонации.

– Ну... я думала послезавтра еще прийти.

Саша внимательно смотрела на него – она чувствовала Женин настрой и решительность, но объяснить их причину не могла.

– Давай я тогда в полшестого заберу тебя с танцев, и поедем оттуда сразу. Хорошо?

Саша придвинулась к Жене и обняла его.

– Хорошо, – шепотом сказала она.

Во время поцелуя Женя чувствовал к себе неприязнь – так бывает, когда целуешь человека после обмана, в который он поверил, или измены, о которой он не знает. Неприятное чувство незаслуженного поцелуя.

– Зачем побрился? – Саша коснулась губами Жениной щеки. – Тебе с щетиной лучше было.

– От взросления убегая и самого себя, – попытался улыбнуться Женя. – Больше не буду.

Женя молча смотрел в заляпанное окно такси на отдаляющуюся больницу.

Ее серые окна равнодушно смотрели вслед.

Почему-то все больницы в России выглядят так. У тебя в городе может быть просто офигенная библиотека с евроокнами, несколько пятизвездочных гостиниц и два аэропорта. Но больницы везде одинаковые.

Они не обязательно старые, с серыми стенами и почерневшими от времени оконными рамами, хотя есть и такие.

Они скорее стерильные — в самом широком смысле этого слова. И речь идет не о чистоте.

Но у всех больниц было одно общее — скрипящие и тяжелые входные двери, которые с громким и оглушающим звуком захлопываются позади тебя, отрезая от внешнего мира.

Этот лязгающий звук означает, что отныне ты в другом мире. Мире вечно недовольных медсестер, врачей и гардеробщиц. Мире ничего не знающей и не торопящейся тебе подсказать регистратуры, но с радостью готовой повторить тебе, что они ничего не знают. На два-три тона повыше. Мире медленно гудящих лифтов с тусклыми лампочками, рождающих в тебе легкую форму клаустрофобии. Мире непрекращающегося шарканья бахил. Этот мир всячески пытается сказать: тебе тут не рады.

Женя, до того как еще пошел в медуниверситет, нашел этому, как ему казалось, простой ответ.

Он очень простой: в больницах лежат — кто? Правильно. Больные.

А больные люди никому не нравятся. Все любят здоровых и веселых.

Такси повернуло на мост, и больница, сверкнув тускло горящим светом верхних этажей, скрылась за обоями высоток.

Саша смотрела в противоположное окно. Ее заложенная за ухо прядь волос обнажала маленькую сережку в форме ласточки.

Щелкая костяшками пальцев, Женя думал о завтрашнем дне.

Он твердо знал, что завтра у него все получится. Получилось бы и сегодня, если бы он так жестко не зассал.

Такси остановилось у Сашиного дома. Обняв ее на прощание, Женя смотрел, как маленькая фигурка, запахнувшись от порывов ветра, скрылась за подъездной дверью.

Ему хотелось прийти домой и напиться, чтобы алкогольное опьянение размыло в его воспоминаниях эту сцену слабости. А лучше наоборот, не пить, чтобы ничем не ослаблять свое самоистязание.

Глава 24

late [leɪt] – прил. поздний, запоздалый

replacement [rɪ'pleɪsmənt] – сущ. замена, замещение

dream [dri:m] – сущ. мечта, греза

Наступило утро. Женя чувствовал себя отдохнувшим и даже поймал себя на мысли, что вчерашний день, а точнее его конец, воспринял со свойственным ему максимализмом. Умывшись и приготовив завтрак из трех жареных яиц и хватившей на один тост арахисовой пасты, он позвонил Саше.

Пару раз непринужденно пошутив и поболтав, он почувствовал, как постепенно возвращается в привычное русло.

Надо разработать план сегодняшнего дня – думал он. Хотя план – это громко сказано: меньше трюить и меньшеваться, а больше делать. Да делать-то ничего и не надо, собственно. Просто до руки дотронуться.

В приподнятом настроении Женя съездил в торговый центр, прошвырнувшись по его этажам, купил пару футболок и выпил чашку кофе. Почему-то сегодняшний день его несколько не пугал, разве только что он то и дело поглядывал на часы – минутные стрелки неохотно двигались по циферблату. А ему хотелось уже поскорее сделать то, что должен, и оставить все связанные с этим мысли позади.

Вернувшись домой, Женя решил скоротать время за просмотром фильма – оставалось еще часа полтора.

В кармане куртки зазвонил телефон.

– Алло? Алло? – сначала он подумал, что Саша набрала случайно, но доносившиеся с другого конца телефона всхлипывания убедили в его обратном.

– Саша, что случилось? – спросил он, вешая куртку.

– Мама... она... умерла.

Женя почувствовал, как внутри него что-то обрывается: казалось, он теряет равновесие.

– Как? Когда?

– Позвонили только что, – Сашин голос срывался, рискуя перейти в один протяжный стон.

– Я... я приеду к тебе сейчас.

Женя молча зашел на кухню и сел за стол. В голове было пусто. Вернее, в ней стоял какой-то звон, как будто где-то отгремели колокола. Гул, который ты слышишь еще где-то с минуты и уже не понимаешь – продолжается ли он или это уже в твоей голове.

Женя зашел в ванную и подошел к зеркалу. Несколько секунд он стоял неподвижно, рассматривая свое отражение.

Резкий удар лбом о зеркальную поверхность вывел его из оцепенения.

– Долбоеб! – закричал он.

Зеркало покрылось паутиной, мелко испещренной посередине, с расходящимися в разные стороны лучами трещин.

– Мудак, – второй удар был куда более звонкий – мелкие осколки со звоном падали на кафель. Тонкая струйка крови с рассеченного лба капала с носа и щекотала ноздри.

Женя обессилено сел на кафельный пол ванной и обхватил голову руками.

Кровь, смешиваясь со слезами, разбавленным потоком барабанила по лежащим на полу осколкам.

Женя, прижавшись к стене, в бессилии пинал ногой ванную, от чего она издавала протяжный чугунный гул.

— Ссыкло! — рассыпались стоявшие на краю ванны шампуни и зубные щетки.

Холодная батарея, к которой он прижался, уже неприятно отдавала в затылке и шее, но Жене было все равно.

Встав, он подставил голову под ледяную струю. Розовый, с привкусом железа на губах поток сходил с его лица и волос, утекая в сливное отверстие.

Прижимая ко лбу пропитанную хлоргексидином ватку, взятую из аптечки, он с усилием завязывал шнурки в темной прихожей. Накинув куртку, Женя вышел из квартиры и хлопнул дверью.

Все хотят умереть красиво, если не сказать празднично. И одним глазком посмотреть, как все страдают на их похоронах. В каком-то журнале он прочел статью про американца, который распланировал свою смерть как обычный субботний поход в кино. Утром он пил свежесжатый сок, а уже вечером лег в кровать, чтобы никогда не проснуться.

Даже открытку подготовил. В духе «Эй, приходи на мои поминки в четверг. Будет алкоголь и девочки. Из неприятного — только мой труп в гробу. В остальном же будет весело». В общем, как мог изгалялся над старухой с косой.

Но это редкость. В основном смерть приходит неожиданно и у порога особо не топчется. Она выбивает из-под ног почву и с размаху бьет тебя об землю. Вырывает из рук газету разорвавшимся тромбом. Сбрасывает руки с руля отказавшими тормозами и фонарным столбом.

Короче говоря, особо она не церемонится. И главный вопрос «за что?» тоже оставляет без ответа. Вернее, ответ на него есть, да только мало кому он понравится. А ответ следующий — «да вот так». Может так случиться, что никто не смотрит на нас сверху со счетами и заметками и не считает наши хорошие и плохие дела.

Большинство известий о раке легких родственники больного встречают словами «да ведь он ни одной сигареты в жизни не выкурил».

Так уж получается, что сосульки, кирпичи и инсульты до безобразия равнодушны в выборе своих жертв. Они ничего не слышали о карме, злом роке и о «Бог накажет». Да, им приписывают близкое знакомство с судьбой, но скорее всего, они и не подозревают о существовании друг друга. Срываются с крыш они абсолютно бесстрастно. Без всякого злого умысла.

Просто это должно было с кем-то случиться, и так случилось, что в этот раз этот кто-то — ты.

Саша подошла и аккуратно провела пальцем по рассеченному Жениному лбу.

— Это где ты так? — спросила она.

— Дома порезался, — не глядя на Сашу, ответил он.

Саша прижалась к его груди.

— Может, пластырь? — спросила она.

— Да нет, спасибо. Заживет.

Несколько минут они молча стояли, прижавшись друг к другу.

— Саш, мне очень жаль, — Женя прервал тишину.

Саша подняла глаза.

— К этому все шло, — сказала она после небольшой паузы. — Она отказалась от лечения, так что... Надо будет ее вещи забрать из больницы, — тихо сказала она.

Он ожидал встретить Сашу в слезах, но на удивление, выглядела она весьма сдержанно, даже рассудительно. А может, уже просто устала реветь.

Лучше всех отучить его реветь получилось у бабушки. Когда Женя еще ходил в садик, невыспавшийся и злой, он часто

закатывал в прихожей концерты, главной темой которых, разумеется, было его нежелание туда идти.

Дедушка с улыбкой называл эти концерты бенефисами. Женя этого слова не знал, но оно ему уже заочно не нравилось.

А бабушка, укутывая вокруг Жени ненавистный шарф, который, к слову, присутствовал в его гардеробе, наверное, все три сезона, кроме лета, рассказывала ему о том, что не то кувшин, не то ваза со слезами (конкретную емкость он уже не помнил), которая находится где-то в Жене, от частого использования или использования не по назначению заканчивается.

– Случись что-то по-настоящему плохое, а у тебя бац – и слезы закончились, – говорила она, вытирая красно-солевые Женины щеки. – Что тогда будешь делать?

Женя бежал в садик с большими круглыми глазами и намерением больше никогда и ни при каких обстоятельствах не реветь. Возбужденный и раскрасневшийся, у шкафчиков для переодевания он рассказал всей своей группе о выясненных с утра чудесах человеческой анатомии.

От этой новости пара особо впечатлительных девчонок, как он сейчас помнит, вопреки логике и здравому смыслу, пустили слезу тут же – по-видимому, слишком тяжелым было осознание того, что в один прекрасный день они не смогут встать посреди комнаты и хорошенько зареветь, и как итог, потерять главный инструмент манипуляции родителями.

Кто-то из пацанов Жене не поверил, но так или иначе, в этот день в группе Б-18 МБДОУ «Детский сад №43» не ревел никто.

Женя со своим другом, не то Гошей, не то Мишей – имени он уже не помнит, – стали вести список, по каким случаям им можно пустить горькую мужскую слезу. Путем голосования первым пунктом значились болезни родителей, бабушек, де-

душек, воспитательниц, а также Жениной кошки и Гошиных (Мишиных) попугая и хомяка.

Дальше первого пункта детская фантазия не ушла, и они решили пока остановиться, внося изменения в список по мере надобности.

Воспитатели тогда быстро заметили, что с их группой что-то творится — дети, степенно поглощающие на обеде манную кашу, сидели в тишине, изредка прерываемой перешептываниями и стуком столовых ложек. И те же дети, дружной вереницей идущие после обеда на сончас, не могли не вызывать подозрений у проницательного персонала.

Секрет был поведен — воспитательница, отсмеявшись, сказала, что слезы не заканчиваются, просто повзрослев, получить к ним доступ и вызвать их становится значительно сложнее. Те две девочки тут же разревелись. От обиды, что они весь день проходили в заблуждении.

Женя тогда очень хотел поспорить с воспитательницей, так как сказанное ею полностью рушило бабушкину теорию, а в то время авторитетность бабушкиных слов сомнению он не подвергал. Но поскольку та же самая бабушка учила его не спорить со взрослыми, он молча решил остаться при своем.

Тот самый список, составленный с детсадовским товарищем, со старательно выведенным печатными буквами первым пунктом, он принес домой. Он даже обскакал предыдущий Женин шедевр — аппликацию мамы, которую он три дня делал в детском садике. Долгострой длился не зря — в увековечивание маминого образа он вложил не только свою душу, но и украденную у кого-то гуашь и фломастеры. Нарисованная и подведенная к макушке стрелка сигнализировала, что этот непропорциональный человек с огромными красными губами и ногами-ниточками является не кем иным, как МАМОЙ.

Такие детские артефакты еще потом долго хранились в родительских шкафах и сердцах — в конце концов, со сло-

вами «вот каким ты раньше хорошим был», ими тебя попрекают, когда ты вырастаешь.

Мама показала этот список своим подругам на очередном домашнем застолье. Те, громко и не к месту хохоча (Женя тогда еще не совсем распознавал признаки алкогольного опьянения), постоянно трепали его кудри и целовали в щеки, оставляя красные помадные разводы, чем сильно его смущали. А потом сокрушались, что дети вырастают и перестают быть хорошими.

Мама на этом моменте почему-то с ними не спорила, и это заставляло Женю вдвойне самоотверженно доказывать, что уж он-то точно не перестанет быть хорошим.

Да он и сам искренне не понимал, как он может вырасти плохим.

Мамины подруги одобрительно кивали, грозили пальцами с яркими маникюрами и говорили Жене, чтобы он запомнил эти слова и почаще себе их повторял.

Допивая неизвестно какую по счету бутылку вина, они, спотыкаясь в прихожей и путаясь с выключателем, душились, вернее сказать, обливались духами, от чего у Жени резало в глазах и першило в горле.

Смотря мультики у себя в комнате, Женя часто слышал из прихожей отголоски фраз, некоторые из них повторялись особо громко и с завидной периодичностью. Закономерными были слова «кобели», «бабки», «жлобы», «мужики», «уроды» (последние два, кстати, звучали чаще всего и нередко в связке) и ряд других — либо запретных, за произнесение которых при бабушке или в садике неминуемо ждали последствия, либо и вовсе незнакомых. Пару раз он слышал имя папы и сразу прислушивался, приглушая телевизор, но разобрать что-то членораздельное у него не получалось.

Женя еще тогда себе пообещал, что ни сейчас, ни когда вырастет, он не будет вести себя таким образом, чтобы взрос-

лым тетям могло прийти голову назвать его такими обидными словами. Входная дверь захлопывалась, и это означало, что Женя теперь предоставлен сам себе вплоть до самого утра.

Но были в таких моментах и плюсы: по-видимому осознавая огрехи воспитания и вину, мама всячески пыталась эту самую вину загладить, давая Жене полный карт-бланш, заключающийся во вручении спрятанного где-то новогоднего набора конфет и неограниченном просмотре мультиков на кассете. Получить сладкий новогодний подарок на полгода раньше — вряд ли кто из его сверстников мог тогда этим похвастаться. Полночи Женя с упоением сидел в растущей куче из фантиков и смотрел «Тома и Джерри».

В один из таких дней мама пришла не одна. Из-за закрытой комнатной двери он услышал глухой хлопок двери входной, сопровождающийся маминым смехом и приглушенным мужским басом.

Женя помнит тот день, вернее ночь — он запрыгнул под одеяло, схватившись за его края, и вслушивался в происходящее в прихожей. Он старался услышать, о чем они говорят, но из-за закрытой двери сделать это было трудно. Дверная ручка его комнаты повернулась, и в комнату пролился свет. Женя хотел притвориться спящим, но не успел.

— Женя, познакомься! — мамин голос звучал громко и вызывающе. — Это дядя Миша, — взмахнула она руками в сторону топтавшегося у двери мужчины, как это делают в цирке, когда, желая привлечь внимание публики, представляют новый номер.

Вот так в их жизни и появился дядя Миша.

Дядя Миша представлял собой улыбчивого мужика лет 45, с задорно бегающими глазами и седой щетиной. Голова его

была выбрита — хотя, насколько знал Женя, мама никогда не любила такие стрижки. Зато он был коренаст и крепко сложен, хоть и слегка полноват — наверное, бывший спортсмен.

Он доверительно протянул Жене руку.

— Ну здравствуй, молодой человек! Разбудили тебя, да?

Обезоруживающая улыбка дяди Миши, искорка голубых глаз и крепкое рукопожатие подкупили Женю.

От дяди Миши пахло каким-то маскулиным, немного рубящим одеколоном, запах которого притягивал Женю. В этом одеколоне чувствовалась сила и уверенность, и Женя, пока взрослые разговаривали на кухне, иногда стоял в прихожей рядом с курткой дяди Миши, вдыхая источаемый ею аромат. К этому запаху примешивался стойкий запах сигарет, но вопреки всему, он даже подходил к одеколону, сливаясь с ним в мужественный букет. Вдыхая этот купаж всем носом, Женя чувствовал спокойствие и уверенность.

Во время прогулок по парку дядя Миша, несмотря на протестующие крики Жени, хватал его под мышки, и усадив на шею, бежал с ним напролом по мощеным парковым дорожкам, заставляя отскакивать прохожих. «Не автобус, подвинуться», — доверительно подмигивал он Жене. Такое хулиганство и безнаказанность, вкупе с чувством полной защищенности красной дяди-Мишиной шеи, заставляло Женю хохотать залившимся и восторженным смехом.

Этот аттракцион, поначалу до смерти пугавший Женю, потом настолько ему понравился, что при каждой встрече он со сноровкой заправского конюха норовил оседлать дядю Мишу.

У Жени было приятное чувство удавшегося обмана. Проходящие мимо них прохожие даже и не подозревали, что дядя Миша вовсе не его папа. Все они были уверены, что они обычная, хоть и очень счастливая семья, которая в субботний день гуляет по парку. Пусть так и думают.

— Гурц Анастасия Андреевна, — дядя Миша театрально припал на колено посреди дороги, — выходите за меня.

Машины уже начинали нетерпеливо сигналить, а мама смеялась, как школьница — он давно не слышал такого заливистого смеха. А ведь мама еще и очень красивая — жаль, Жене достались папины большие уши. А еще маленький рост. Папа был 175 см, а мама — 178 см. Зато с дядей Мишей она может позволить себе ходить на каблуках. Слегка аристократичные черты лица. И даже мелкая паутинка морщин ее совсем не портит, когда она так звонко смеется. В эти моменты он смотрел на свою маму с гордостью — она просто преобразилась за последние пару месяцев и даже перестала вспоминать папу. А папе подделом — пускай себе локти кусает и сгрызет до пальцев. Или до плеч — если не остановится на локтях. Иногда ему хотелось, чтобы во время прогулки по парку он им встретился — желательно в тот момент, когда мама будет в новом платье, которое ей подарил дядя Миша, а Женя будет идти с самым дорогим мороженым и гелиевыми воздушными шарами, на которые будут заглядываться другие дети. И папу они не заметят, а вот он их — обязательно. Разумеется, он побежит за ними вслед и будет извиняться — но будет уже поздно.

Несколько раз дядя Миша покупал Жене дорогие глянцевые комиксы, которые хоть и были тонкие и прочитывались за 20 минут, но стоили как целая энциклопедия.

Мама протестовала, но на кассе Женя разгоряченно возражал, что дядя Миша их тоже читает и даже забирает себе домой.

Дома у них, к слову, он ночевал только пару раз, в остальном же зажигающийся вечером в прихожей свет и приглушенное гудение двух голосов означали, что дядя Миша собирается домой.

Уже много спустя он понял, что дядя Миша был женат — понял он и то, кем была та женщина, с которой его мама,

чуть ли не хватая ее за волосы, очень сильно поругалась у подъезда. Вопреки маминым уверениям, она была незнакомой сумасшедшей теткой, которая хочет забрать у них дядю Мишу, но которую скоро саму заберут в психушку.

— Сука ты стремная, — орала та самая женщина. Она была некрасивая и выглядела гораздо старше мамы. И что дядя Миша в ней нашел? — Отьебись от моего мужа!

У Жени были смешанные чувства — воспитанное и уже прочно сидевшее в нем уважение к старшим боролось с желанием кинуть в эту брызжущую слюнями невротичку первым подвернувшимся камнем. Но ему было страшно — такого проявления эмоций он до этого не видел. Разве только в бразильском сериале, который смотрели дома мама с бабушкой.

— Пойдем... Пойдем, — с порозовевшими ушами он тянул маму к подъезду.

— Да не нужна ты ему, дура, — не сдавалась мама.

Они были похожи на двух ощерившихся кошек, готовых клубком сцепиться из-за кота, который, по-видимому, гулял сам по себе.

После этого дядя Миша исчез. Исчез так же быстро, как и появился. А вместе с ним исчез запах одеколона, спокойствия и уверенности.

Женя в бесплодных попытках пытался найти остатки запаха в прихожей, где всегда висела куртка дяди Миши. Но там уже пахло маминой косметикой и едой, доносившейся с кухни.

Пару ночей Женя прорыдал лицом в подушку.

Он все ждал, что дядя Миша придет (где-то недели за две до инцидента мама дала ему вторую пару ключей от квартиры), громко расскажет какой-нибудь анекдот, смысла которого Женя не поймет, но искренне и по-детски рассмеется, а затем сядет за кухонный стол и расскажет, что злая тетка теперь

в психушке, где ей и место, и что теперь ему ничего не мешает остаться жить с ними.

А потом, когда восторг уляжется, с дедморозовским выражением лица достанет из-под стола подарочный пакет, который неизвестно как у него получилось незаметно пронести. Женя откроет пакет, а там будет одеколон. Для него. Тот самый, как у дяди Миши.

Но дядя Миша так и не пришел.

Окошко открылось, явив миру улыбчивое лицо добродушной тетушки предпенсионного возраста. Она напоминала школьных уборщиц и гардеробщиц – те же яркие, бутылочно-синие тени на глазах и странноватая прическа.

– Добрый день, молодые люди, – улыбнулась она, сверкнув золотым зубом.

Жене не нравились ломбарды. Было в них что-то злачное. Какой-то вокзально-наперсточный душок. Даже если ломбард поставить посередине площади, через минуту из-под земли появятся пьяные мужики, которые, пошатываясь, побредут к его мутно-желтым окнам, как мертвецы из фильмов Джорджа Ромера.

Трудно посчитать, сколько доходящих или уже дошедших до точки лиц видели эти стены.

Студенты – и то в лучшем случае. Гопота, алкоголики, наркоманы. Золотые украшения в немых руках с нестриженными ногтями. Диссонанс. Оксюморон.

Но сейчас их тут нет. Зато стоят двое – высокая, с поджатыми губами женщина и нескладный настороженный ребенок с руками в карманах. «Вот уж действительно, пути неисповедимы», – думал Женя, наблюдая, как склонившаяся над окошком мама кладет в пухлую руку приемщицы обручальное кольцо.

Категорию можно расширять. Студенты – и то в лучшем случае. Гопота, алкоголики, наркоманы и безработные разведенки.

Женя краем глаза успел рассмотреть внутреннее убранство ломбарда, пока загораживающая его своим тучным телом приемщица потянулась за увеличительным стеклом.

На полу лежали ковры, а утыканные полками стены пестрили шкатулками. На столе россыпью лежали золотые цепочки разной длины и толщины. Все это напоминало пещеру Аладина. Не хватало только, чтобы принявшее обручальное кольцо окошко с шумом захлопнулось, больно прижав пальцы, а ступеньки под ногами превратились в зыбучие пески. Приемщица даже напоминала Джина и по комплекции, и по характеру. Она шутила, была добродушна и весела. Наверное, на нее так влияли украшения. Они действуют на женщин гипнотически – наверное, продавщицы в цветочных магазинах светятся по этой же причине.

А может, она просто выпила. Иначе зачем уже в четвертый раз добавлять приставку «мои хорошие»?

– А еще цепочки и сережки, – поставив на прилавок сумку, мама достала сложенный в несколько раз газетный кулек.

Обратно шли молча.

– Ну ты ведь не жалеешь? – глядя себе под ноги, спросил Женя. Хотелось, чтобы мама сказала нет как можно беззаботнее и увереннее.

Как назло, мама молчала.

– А зачем мне обручальное кольцо уже? – ответила она, когда они уже переходили дорогу. – А сережки я все равно не ношу. Боюсь потерять.

Женя интуитивно посмотрел ей на уши. Мамины мочки без привычных сережек были красные от мороза и выглядели беззащитно. А ведь она без них и из дома не выходила.

Про цепочку она ничего не сказала. Это был подарок дедушки. Женя не стал спрашивать. Тут маме крыть было бы нечем.

— Зайдем? — спросила она, когда они поравнялись с горячей вывеской пиццерии.

— Давай, — согласился Женя.

Это была их любимая пиццерия. Владельцы боролись за звание «семейной», и именно такой она для них с мамой и стала. Только сегодня все было как-то иначе. Как будто свет горел не так ярко, и грязью с улицы наследили еще больше. Кассиры перекрикивались громче обычного, переходя на ругань. Женя отодвинул пластиковый стул и, не снимая пуховика, сел.

Его не покидало чувство, эта пицца, которую он ест — последняя. И если не последняя, то следующую он увидит еще очень нескоро. Но спрашивать об этом он не хотел — боялся услышать неопределенное пожатие плечами и уклончивые разубеждения, которые бы только подтвердили его опасения. Чтобы этого не случилось, он был даже готов прийти и сесть за английский. Учить весь вечер, учить всю ночь. Выучить весь чертов учебник. Даже этот бесконечный словарь в конце. Пусть дед его экзаменует — он не забудет ни одного слова.

Потом был парк. Стоял декабрь. Гуляли молча, разбавляя затянувшуюся тишину какими-нибудь необязательными вопросами. На центральной аллее парка стояло несколько повозок с лошадьми. Сопровождали их горластые женщины, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся цыганками. Эти повозки есть в парках и сейчас, но обслуживают их молодые девчонки, студентки или волонтеры, которые почти всегда стоят, уткнувшись в телефон.

Но те цыганки были не такими. Им всем можно было заочно вручать дипломы об окончании тренингов по продажам. Они в 30-градусный мороз могли продать что угодно — от дубленки до мороженого. Завидев Женю с мамой, одна из них кинулась им наперерез и, улыбаясь золотыми зубами

и ласково что-то приговаривая, чуть ли не под локти повела к повозке. «Хочешь покататься?» — мама нерешительно повернулась к Жене, поддавшись агрессивному маркетингу. — «Да», — ответил Женя.

Телега была ледяной, и он успел замерзнуть еще до того, как они тронулись. Но все это быстро забылось, как только повозка выехала за ворота парка.

Лошадь ускорялась, и они набирали скорость, оставляя позади темные окна закрытых до утра киосков и горящие фонарные столбы. Женя улыбался и махал проезжающим по встречной полосе водителям — кто-то даже махал ему в ответ. Падающие вдалеке сплошным валом снежинки преломлялись светом фонарей и превращались в северное сияние. В голове играла рождественская песня из «Один дома». Только его не забудут дома, как Макколея Калкина. Они вдвоем, с мамой, против всех, летящие на карете сквозь вечерний город. Это была третья зима без отца.

Ну ничего.

Переживем.

Глава 25

undeserving [ˈʌndɪˈzɜːvɪŋ] – *недостойный, не заслуживающий*

revenge [rɪˈvendʒ] – *сущ. месть, возмездие*

horizon [həˈraɪzɪn] – *сущ. горизонт, линия горизонта*

Но дальше было хуже. Дальше был дядя Коля. Появился он не так торжественно, как дядя Миша – в первый раз Женя познакомился с ним на своей кухне, когда дядя Коля был в стельку пьяный.

Вспоминая те девять месяцев их совместной жизни, он долго не мог понять, что именно его мама, утонченная до самых кончиков не секущихся от дорогих шампуней волос, могла найти в этом самом дяде Коле – если она выбирала по принципу «запрыгнуть в последний вагон уходящего поезда», то этот проходимец по какому-то счастливому для него стечению обстоятельств запрыгнул сразу в первый класс этого самого поезда, рядом с вагоном-рестораном, со свежим постельным бельем и чаем, который лично приносит в купе симпатичная проводница.

Он обижался на маму за то, что она привела его сюда, когда он уже достаточно повзрослел и все понимал. Начались побеги из дома. Правда, захватывающий побег из-под домашнего гнета оставался захватывающим только в воображении – заканчивался он всегда одинаково: юный бунтарь, слоняясь по городу и пиная все, что попадает под ноги, через пару часов обнаруживал, что идти-то ему особо некуда. Друзья были готовы приютить тебя на пару часов, максимум – до вечера. После непродолжительного спора со своими роди-

телями они возвращались в комнату и разводили руками – родители устали, с ночевкой остаться не получится.

Как итог – горе-беженец исправно возвращался домой. Мама встречала его по-разному: иногда с ремнем, иногда со слезами. Первого он давно перестал бояться (впоследствии он чуть ли не «на ощупь» запомнил все отличия ремней маминых кавалеров), а вот от второго защититься не мог – он теребил в прихожей ляжку от портфеля и, слушая мамины причитания, хотел раствориться прямо здесь, среди плечиков и маминых туфель. Уж лучше бы ремень.

Однажды в стеллаже среди залежей старых советских книг с пожелтевшими страницами он нашел книгу какого-то психолога – имени он уже не помнил.

В одном из самых первых разделов, посвященном воспитанию детей, психолог учил относиться к детям как к ровесникам, или во всяком случае, к полноценным личностям, со своими сильными и слабыми сторонами. Но Женино внимание привлекло другое – следующим предложением тот самый психолог (с той секунды уже горячо уважаемый Женей) черным по белому писал, что прибегать к физическому наказанию в процессе воспитания детей абсолютно недопустимо. Было приятно знать, что твои мысли разделяет не какой-то твой бунтующий товарищ, которому тоже попадает дома, а взрослый и умный дядька с бородой. С большими глазами Женя прибежал к маме, тыча пальцем в спасительный абзац.

К его удивлению, ее это не сильно впечатлило – не выпуская чашку из рук, она равнодушно пробежала страницу глазами.

– Ну вот пускай своих детей он так и воспитывает, – резюмировала она. – Я посмотрю, в кого они вырастут. С вами же невозможно по-другому.

Эти несколько фраз начисто перечеркнули все труды именитого психолога. Если бы фотография психолога со сложен-

ными на груди руками на первой странице ожила, то лишь бессильно бы этими руками и развела. Оплеухи и крики так и не исчезли из арсенала маминого воспитания.

Потом эта книжка куда-то пропала — то ли сам Женя положил ее куда-то отдельно от других книг и сам забыл куда, то ли мама запрятала ее куда подальше с целью обезопасить неокрепший детский ум от влияния чужеродных западных ценностей.

Поэтому приходилось сбегать дальше. Психолог из книжки, конечно бы, вздохнул, но в целом, наверное, поддержал бы Женю. «Они не оставили тебе выбора», — сказал бы он из-под густых усов.

Потом Жене становилось стыдно: он представлял свою маму с телефоном в руке, нервно кусающей ногти и, наверное, в тысячный раз отдергивающей с окна занавеску, чтобы посмотреть во двор.

— Бля, да сам прибежит, — басил уже успевший хорошо поддать дядя Коля. — Хули ты за ним носишься? Щас жрать захочет и придет.

Была в этом и своя правда — жрать хотелось сильно. Основной причиной скорого Жениного возвращения в отчий дом был как раз-таки голод, начинающий мучить его уже в середине дня.

Дядю Колю он боялся — тот был похож на бульдога с налитыми кровью глазами, не хватало только слюнявой оттопыренной губы. Как и бульдог, до поры до времени он мог сидеть спокойно, даже как-то меланхолично, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Но это было временно — и мама с Женей это знали. Вспыхнуть он мог от любой мелочи: непомытой кружки, закончившейся туалетной бумаги, новости о повышении налогов по телевизору — красные тряпки для него были повсюду.

В это время было лучше, не глядя ему в глаза и не делая резких движений, склонить голову и медленно пятиться из комнаты — опять же как в том руководстве по обращению с агрессивными бульдогами. О том, чтобы попросить его помочь с уроками, не могло быть и речи — пару раз Женя пробовал, но терпения дяди Коли хватало на несколько минут. Это напоминало игру «Кто хочет стать миллионером», только в Женином случае все четыре варианта ответа были неправильными. А еще он не помнит, чтобы Максим Галкин или сменивший его Дмитрий Дибров орали матом на ошибающихся игроков.

Иногда к ним приходил его друг — из той же когорты, что и дядя Коля. Впрочем, ничего удивительного — правило о притягивании подобного подобным еще никто не отменял. Имени того друга он не помнил — он вроде бы даже его вообще не называл. Дядя Коля обращался к нему какой-то кличкой, а мама так вообще с ним не разговаривала.

Друг дяди Коли много матерился, кашлял и весь был в татуировках. Таких татуировок Женя раньше не видел. Размазанные синие звезды, будто выдавленные на его коже протекающей шариковой ручкой, и какие-то фразы, значения которых он не знал, а спрашивать не решался.

Однажды он все же набрался смелости и спросил о происхождении этих необычных рисунков — дяди-Колин друг, зычно прогоготав, сказал, что последние восемь лет провел в командировке на экзотических островах, где ему их и нарисовали местные красотки. Женя поверил — их обладатель и впрямь был весь коричневый, только загар был какой-то не совсем морской — сильно желтушный и местами болезненно-серый.

Его приезд из-за границы они с дядей Колей отмечали весь следующий месяц, играя в карты на кухне, пока мама, стоя у плиты, жарила им котлеты и резала огурцы.

Друг дяди Коли почти всегда сидел в одной позе — с согнутой в колене ногой и вполоборота у открытого настежь окна. В него он постоянно курил и плевался — даже сидя у себя в комнате за закрытой дверью, Женя постоянно слышал эти отвратительные харкающие звуки. Однажды кто-то из соседей вроде даже попал под этот артобстрел и начал возмущаться — но появившееся в оконном проеме, как какая-то уродливая кукушка из настенных часов, лицо дяди-Колино друга сразу убавляло боевой пыл несправедливо оплеванного. Друг дяди Коли не упускал любой возможности высунуться в окно, крикнуть какой-нибудь сальный комментарий проходившим девушкам или в пьяном угаре докопаться до проходившей молодежи — этим он напоминал Жену крота из автомата в детском центре, которого надо успевать бить молоточком, пока тот не скрылся — вот только бить по нему молоточком никто не торопился, как и сам дяди-Колин друг не спешил скрываться. На этом их интересы ограничивались. Из потребностей — накрытый стол и пара бутылок водки. Наверное, если представить пирамиду Маслоу, то такие, как они, комфортнее всего чувствовали бы себя на первой ее ступени. Там прохладно и можно сидеть с пивом.

В какой-то момент им с дядей Колей становилось скучно, и они звали Женю.

«Ты, главное, пацаном будь всегда, — облизывая пальцы, рывкал дяди-Колин друг. — А то уж больно ты сладенький».

— Да какой там пацан, — брезгливо морщился дядя Коля, запрокидывая голову под очередную стопку.

— А ты кем стать-то хочешь, щегол? — дяди-Колин друг продолжал сверлить Женю испытывающим взглядом желтоватых глаз.

— Милиционером, — потупился Женя. В то время он действительно хотел им стать. И даже немного рассчитывал,

что его будущая профессия немного остудит пыл этих двоих.

Обоюдный взрыв смеха взорвал кухню.

— Бля, Колян, ну ты кого растишь? — смех дяди-Колиного друга был булькающий и неприятный. — Ты тут без меня мусоров, значит, рОстишь?!

Дядя Коля невнятно повел плечом.

— Запомни, — дяди-Колин друг наклонился к Жене. Смотреть ему в глаза было неприятно, и Женя не поднимал взгляд, предпочитая смотреть ему в область подбородка.

— Запомни, — повторил он. — В жизни надо только на себя полагаться. Никто тебе не поможет. Все суки кругом, кроме твоих близких. В рот тебе смотреть будут, а как только что-то начнет получаться, сразу захотят отобрать.

Неприятная смесь запахов из пива, лука и водки была в нос, но Женя молча выслушивал эти поучения. Показывать неуважение взрослым было некультурно. Даже таким. В такие моменты мама всегда окрикивала дяди-Колиного друга, как окрикивают человека, которого считают человеком низшего сорта, но при этом опасаются — Женя чувствовал ее страх и неприязнь, и они передавались ему.

Одного с ними дома она Женю не оставляла, но даже в те моменты, когда она выходила из кухни, он чувствовал себя беззащитным, будто стоял не на кухне своей квартиры, а в незнакомой полуночной подворотне. Только в случае с подворотней оставался бы шанс тихонько проскочить мимо воинственно настроенных фигур и остаться незамеченным, здесь же этой возможности не было.

— Да бляди все они, — с таких слов на кухне начинался урок полового воспитания. — Вырастешь — не верь ни единому их слову. — Очередной смачный плевок полетел из окна. Жене иногда казалось, что его носоглотка жила отдельной жизнью. — А тебе девочки-то нравятся вообще? Или ты это,

по мальчикам? — дяди-Колин друг неприятно шурился и хихикал, обнажая почерневшие зубы. — Уж больно ты сладенький.

В такие моменты Женя чувствовал на себе сальный взгляд его черных прожигающих зрачков — на каком-то подсознательном уровне он ощущал исходящую от него угрозу, мотивов которой еще не понимал. Но заходила мама, и обмякший дяди-Колин друг осекался.

В их обществе он старался находиться как можно меньше — когда их внимание рассеивалось и они отвлекались от него, он старался как можно незаметнее улизнуть в свою комнату. Шпингалета в его комнате не было, поэтому он придумал свою систему — принесенная из кухни табуретка ставилась под дверную ручку, а поскольку расстояние до нее все равно оставалось приличным, он клал на табуретку несколько энциклопедий и комиксов, подаренных дядей Мишей. «Мелкий, айда с нами в магазин», — зычно горланил из прихожей дядя Коля или его друг. Дверная ручка комнаты со скрипом впивалась в упирающийся в нее комикс, сминая и выкручивая его обложку. Дернув ее еще несколько раз, они махали на эту затею рукой и уходили.

Это было Женино убежище, неприкосновенность которого гарантировали мамино окрикивание «к ребенку в комнату не ходить» и шаткая трехногая конструкция, оберегающая эту комнату от пьяных интервентов.

Посиделки тянулись бесконечно, пока один из участников или, как правило, оба не падали лицом на стол. Но это еще не означало конца — как правило, 30 минут интенсивного сна приводили собутыльников в чувства. Поначалу Женя пытался определить примерное время окончания посиделок по уровню оставшейся в бутылке водки — но как оказалось, эта система измерения времени была не самой надежной и достоверной. Когда бутылка грозила закончиться, дядя Ко-

ля со своим другом играли в карты — проигравший должен был идти в угловой магазин за пополнением запасов. Иногда, раздухарившись, они не играли и шли оба.

Глядя в окно на две неровно идущие фигуры, Женя не раз представлял, как их сбивает машина. В его воображении машины были разные — то безымянные жигули, то соседская десятка, то дедушкин вольво. Когда он увидел по телевизору рекламу кока-колы, машина превратилась в огромную красную фуру с гирляндой, управляемую уставшим дальнобойщиком. Машины были разные, но исход был одинаковым — в его воображении живыми дядя Коля и его друг не оставались никогда.

Ему не было стыдно за эти мысли, наоборот, в эти редкие моменты он чувствовал долгожданное облегчение и ощущение справедливого возмездия — пусть воображаемого и мнимого. Но оно было настолько пьянящим, что представлять хотелось снова и снова.

Он представлял все, вплоть до самых мелочей: утробное гудение перепуганного водителя красного гиганта и звук удара, с которым плоский лоб фуры сминает два пьяных тела. Он слышал хруст ломающихся костей, звук рвущихся связок и сухожилий, а в конце — треск тысячи бутылочных осколков, нещадно раздавливаемых в стеклянную пыль огромными колесами. Подъехавшая скорая, конечно, уже была бы ни к чему — выбежавшие из нее врачи, аккуратно огибая мутные лужи из перемешанной крови и водки, констатировали бы смерть двух мужчин — вернее, того, что от них осталось.

Женины размышления прерывал истошный визг дверного звонка и нетерпеливый топот по ту сторону входной двери — злой рок всегда миновал этих двоих, и к ним с мамой они благополучно возвращались целыми и невредимыми.

Через пару недель дядя Коля пришел один и напился больше обычного — как оказалось, дяди-Колиного друга опять забрали в непредвиденную командировку. Наверное, еще больше, чем потерять общество дяди-Колиного друга, Жене было приятно видеть страдания самого дяди Коли — упиваясь ими, он сидел на кухне и, как какой-то энергетический вампир, незаметно рассматривал поникшую грузную фигуру, пытаясь вдоволь насмотреться и насладиться его переживаниями.

Иногда тот смотрел на Женю глазами, в которых отчетливо читалось желание дать ему подзатыльник. Но будучи даже в стельку пьяным, он удерживался, хоть и было видно, что стоит ему это больших усилий. Все же он понимал даже своей пропитой башкой, что мама стерпит многое в отношении себя, но ничего из этого она не стерпит в отношении сына.

Один раз он не сдержался — случилось это в один из «сбегательных» Жениных дней. Женя, вернувшись после школы домой, плотно пообедал. Это сейчас может показаться смешным, но тогда мысль вдоволь наесться супом и пирожками дома, из которого ты собираешься сбежать и не вернуться до родительской капитуляции в виде выдворения дяди Коли из дома, казалась вполне разумной, и главное — перспективной.

Вернулся он чуть ли не в полночь, и дверь ему открыл дядя Коля. За грудки он втащил его в квартиру и сомкнул руки на его шее. Почему-то это было смешно только в «Симпсонах», где Гомер душил своего сына Барта. Женя кашлял и вырывался, пытаясь ослабить хватку дяди Коли. Но тщетно — его руки, всегда жирные от селедки, не разжимались ни на миллиметр. Женино лицо обжигала водочная вонь, долетавшая до него вместе с матом и слюнями. Перед глазами по-

являлись тысячи черных точек, начинающие превращаться в сплошную рябь, как на старом телевизоре.

Мама с криками налетела на дядю Колю. Пытаясь его оттащить, она разорвала пополам его алкоголичку. Вспоминая тот момент, Женя отмечал, что никогда не видел ее такой разъяренной — весь ее страх к этому человеку ушел, и казалось, весь гнев, накопившийся за полгода такой жизни, смешавшись с материнским инстинктом защиты, сносящим все на своем пути, потоком обрушился на изверга — тот разжал Женино горло и по-идиотски, как рыба, хлопал глазами, прикрывая голову руками и бормоча что-то бессвязное.

Но все это было не зря — дядя Коля этой же ночью был выставлен за дверь. Когда за его поникшей спиной с шумом захлопнулись двери лифта, Женя испытал облегчение. Это была его победа.

Года три назад он был одержим идеей найти дядю Колю — хороший апперкот и несколько точных ударов ногами по рухнувшему на тротуар телу хорошо бы привели в чувство и Женю, и дядю Колю. Если фура так его и не встретила, то «управление» надо брать в свои руки — считал Женя. Да и если бы принцип бумеранга работал, эти бумеранги уже давно торчали бы из дяди-Колиной спины, как дротики из доски для дартса.

Женя знал, в каком дворе жил дядя Коля, и не раз приходил туда с друзьями, выпить пивка на лавочке. Подъезда он не знал, поэтому уповал наткнуться на него, когда тот будет возвращаться с работы. Болтая о чем-то с друзьями, Женя не переставал обводить глазами двор, углы дома и серые балконы, вскакивая по нескольку раз, когда со стороны дороги появлялась фигура, по комплекции напоминающая дяди-Колину. Женя ждал его приближения, нервно перебирая мокрую

от ладоней зажигалку в кармане спортивных штанов. Но раз за разом дядя Коля все не приходил, а Женя — трезвел или замерзал. Да и такой гоп-патруль, подозрительно часто ошибающийся под окнами, в конечном итоге привлек внимание соседей, в день очередного Жениного сбора вызвавших милицию.

Оставив попытки найти дядю Колю, Женя уповал на то, что со своим характером тот уже давно нарвался на какие-нибудь неприятности, а если и нет, то с ним должен был расправиться его собственный нездоровый и разгульный образ жизни.

Со всеми последующими мамиными кавалерами он вел себя сдержанно, холодно, демонстративно уходя из комнаты, когда в ней оставались только они двое.

Одному из последних — не то Владимиру, не то Андрею — при его попытке дать отцовский совет Женя холодно вскинул бровь и посоветовал жить своей жизнью, потому что со своей он уж как-нибудь разберется сам.

Все эти годы он чувствовал себя как монастырь, в который каждый норовил прийти со своим уставом. Нет, с монастырем слишком литературно и мягко. Как фонтан, в который каждый хотел бросить свою сраную монетку. Даже не так — как тазик, в котором каждый норовил вымыть свои вонючие, грязные ноги. Женя мог подбирать сравнения бесконечно — одно унизительнее другого. Каждый из этих хахалей пытался его чему-то научить и вставить свои пять копеек, думая, что их воспитание ему куда-то уперлось. «Все вы придете и уйдете», — злорадно думал он, наблюдая в коридоре очередного улыбающегося и распинающегося на комплименты мамино кавалера.

Как итог — не всем разведенкам с маминых кухонных посиделок, пропадая ночами в ресторанах, клубах и на сайтах

знакомств, удалось добежать до финишной ленты и гордо схватить свой трофей обеими руками. Кто-то сбился с дистанции, кто-то сдался, махнул на трофей рукой и решил довольствоваться утешительным призом.

Наверное, и маме все эти мужчины уже были не так нужны — встречаясь с ними, она пыталась доказать себе, что еще может быть желанной.

Но Женя понимал — как, наверное, и мама, — что эта гонка за нехитрым женским счастьем для нее уже закончилась — и началась другая, в которой она уже бежит от самой себя — от старой, немощной и одинокой.

Глава 26

nightmare [ˈnaɪtmɛə] – сущ. кошмар, ужас

remission [rɪˈmɪʃn] – сущ. ремиссия, затихание

attempt [əˈtɛmpt] – сущ. попытка, стремление

Саша сидела на скамейке, поджав одну ногу под себя. Ее руки были скрещены на груди, а подойдя ближе, он увидел, что ее губы дрожали. «Руки на груди – закрытая поза в психологии», – почему-то подумал Женя.

Но понять настроение Саши можно было без всякой психологии – когда он поравнялся со скамейкой, она, глядя мимо него, сжала свои маленькие кулачки – да так, что ее костяшки побелели. Было видно, что она из последних сил сдерживает истерику.

– Женя!.. Женя! – повторила она. – Я все знаю.

Сердце екнуло. Женя еще не знал, что именно она знает, но эта фраза уже сама по себе заставляла нервничать.

– Мне Максим рассказал, – Саша терла руками еще пока сухие глаза, как будто хотела стереть дорожки, по которым могут побежать слезы.

– Что рассказал? – искренне удивился Женя.

– Ты... мог моей маме помочь... – в Сашиных глазах смешались злость и разочарование. – Мог, но не стал.

Женя обомлел – хоть и говорила она тихо, Жене показалось, что теперь его тайну знают все, как будто она об этом прокричала – и пожилая парочка, прогуливающаяся вдоль стадиона с лыжными палками, и бегающие рядом дети, и молодежь, заливающаяся смехом на дальних трибунах.

– Я... я... я не врач еще даже. Как я смог бы... – Женя услышал, как его собственный голос дрожал, а на последних

словах перешел на фальцет, как у подростка в переходный период.

– Ты врешь, – Сашин голос стал вкрадчиво-угрожающим. – Максим рассказывал, как ты людей исцелял в больнице. Тебе это ничего не стоило.

Женя понял, что отступать некуда. Он был загнан в угол.

– Не стоило, говоришь? Не стоило? – приблизившись к Саше, прошипел он. – Да ты хоть представляешь, что я потом испытывал? Какие муки и страдания? Я им, блять, таблетку от всех болезней давал, думаешь? Я, – Женя сильно ударил себя кулаками в грудь, сбив себе дыхание. – Я, Сашенька, своим здоровьем расплачивался. – Он почувствовал, как откуда-то из глубины его тела поднимается ярость.

– Моя мама жить хотела, – еле слышно сказала Саша.

– Хотела, я знаю. А знаешь, Саш... Я тоже хочу. Я, БЛЯТЬ, ТОЖЕ ЖИТЬ ХОЧУ!!! – голос эхом отразился от стен крытого стадиона, дойдя до верхушек деревьев. Испуганно вспорхнула стайка птиц. Три оживленно разговаривающих девушки перестали смеяться и обернулись. Одна из них, улыбнувшаяся Жене брюнетка, теперь проводила его испуганным взглядом. Молодежь на трибунах перестала о чем-то перешептываться. Женя почувствовал, что все смотрят на них, но ему было все равно – слезы бессилия и жалости к себе уже бежали по его щекам.

Саша, казалось, впала в какой-то транс – несколько секунд она в оцепенении смотрела на Женю.

Она резко вскочила – поначалу Женя решил, что она хочет наброситься на него, и резко отпрянул, готовый прикрыть руками лицо. Но Саша, схватив сумку, развернулась и быстро пошла к выходу со стадиона.

При резком развороте ее волосы сделали пируэт. Жене в нос ударил знакомый запах ее духов. Он хотел броситься ей

вслед, но он не знал, что скажет ей, когда схватит ее за плечи и развернет к себе.

Он был раздавлен.

— Я не врач еще даже, как бы я смог, — рядом кто-то наигранно запричитал.

Женя повернул голову — на скамейке сидел Макс. По-видимому, он был здесь все это время, но Женя не понимал, как он его не заметил раньше. Макс вальяжно растекся по лавке, закинув ногу на ногу.

Сжав зубы, Женя в два шага подскочил к нему.

— Ты нахера ей рассказал? — крикнул он. — Тебя, блять, кто просил? — он еле удерживался, чтобы не схватить Макса за грудки пальто.

— Так а кто бы ей еще рассказал? Ты, что ли? — в голосе Макса слышалось презрение.

Женя задохнулся от такой наглости.

— Я... я... Я бы сам рассказал, когда пришло время! — заорал он. Капельки слюны вылетали из его рта.

— Ты? — Макс пренебрежительно осмотрел Женю с головы до ног. — Ты бы не рассказал. Да и какое время-то ты ждал? Оно уже ушло все.

Со скучающим видом он встал и отряхнул пальто.

— А знаешь почему? — продолжил он. Его лицо оказалось буквально в паре сантиметров от Жениного. — Не отвечай. Сам скажу. Потому что ты чмо. Обыкновенное такое чмо. Всегда им был, всегда и останешься. И да, извини, что руку не жму на прощание, — добавил он. — Я тут простыл просто на днях, не дай бог тебе здоровьем рисковать своим.

Толкнув застывшего Женю плечом, Макс неторопливо пошел к воротам, за которыми несколько минут назад скрылась Саша.

Женя почувствовал, как его переполняет ярость. Она буквально клокотала. Решительными шагами он догнал удаляющуюся фигуру Макса.

– Это, Макс... – еле сдерживая гнев, крикнул он.

Макс нехотя обернулся:

– Слушай, я тебе уже все...

Боковой удар левой пришелся как раз в челюсть – Макс, зашатавшись, отступил, но сумел сохранить равновесие. Следующий прямой правой пришелся Максиму аккурат в глаз, и тот, не успев оправиться от первого удара, упал на грунтовое покрытие стадиона.

Он попытался встать, но получил резкий удар ногой по ребрам.

– Гондон! – кричал Женя. – Мразь! – схватив Макса за грудки, он, приподняв его, с силой ударил затылком о землю.

Макс, хватаясь руками за Женино лицо и одежду, ногами пытался подсесть Женину лодыжку, лишив его равновесия.

Женя, рухнув сверху на Макса, нанес ему серию сильных ударов по лицу.

Несколько раз Макс, уворачиваясь, заставлял Женю промахиваться, и тот с глухим звуком бил костяшками в асфальт. Но Женя не чувствовал боли – его болевой порог достиг своего максимума, и он лишь с гневной досадой прижимал Макса крепче к земле, чтобы тот не дергался.

Замахнувшись для следующего удара, Женя почувствовал солоноватый привкус крови во рту. На секунду он застыл, пытаясь понять, откуда он взялся. Разжав кулак, Женя тяжело дышал, все еще держа Макса за грудки.

Тот покраснел и кашлял, в остальном же, помимо растрепанных волос, он был невредим. На лицо Макса упало несколько капель крови. Женя, изумленно глядя на лежащего под ним друга, провел под носом тыльной стороной руки –

запястье заалело от струящейся из носа крови. В ту же секунду он почувствовал резкую боль, которая заставила его сложиться пополам. Кровь из носа бежала ручьем, подбитый глаз заплыл синяком, а ребра ныли так, будто по ним прошлись железным прутом.

Макс, отряхиваясь, встал. Бросив взгляд на корчившегося под ногами Женю, он развернулся и как ни в чем не бывало продолжил идти к железным воротам стадиона...

Женя хотел крикнуть ему что-нибудь вслед, но, когда он набирал воздух в легкие, ребра острыми ножами впивались ему в легкое. Сделав усилие, Женя перевернулся на здоровый бок. Запекшаяся кровь, как маска, сковала лицо, а пульс отдавался глухим звуком в отекевшем глазе.

Жене захотелось закричать, чтобы его услышали все – и Саша, которая, наверное, уже прошла целый квартал, и Макс, серое пальто которого уже скрывалось за воротами, и люди из окрестных домов.

Женя сжал кулаки и набрал в легкие воздуха...

Глава 27

Hopeful [хоупфул] – обнадеживающий, надеющийся

Женя не любил похороны – вернее, их вряд ли вообще кто-то любит, за исключением, наверное, похоронных агентств и магазинов ритуальных услуг.

Он не знал, куда деть глаза, руки и эмоции. Последних, к слову, у него и не было – на похоронах он чувствовал себя лишним. Далеким и оттого равнодушным родственником, приглашенным для массовки и вертящим головой в ожидании приглашения на поминальный обед. Среди рыдающих женщин и слезящихся мужчин он чувствовал себя неловко, будто стыдясь того, что у него не получается скорбеть вместе с ними.

Он, может, был бы и рад, но его организму было виднее: нужные нейроны и рецепторы не срабатывали, мелатонин и эндорфин не выделялся – и как следствие, Женя стоял с каменным лицом, которое лишь с натяжкой можно было назвать скорбным. Пытаясь искусственно себя разжалобить, он даже пару раз прокрутил в голове пару грустных песен из фильмов, да все без толку. Саундтрек к происходящему не подходил, режиссер кричал: «Не верю».

После похорон бабушки они несколько раз ездили на ее могилу, но мама всегда говорила о том, что в земле лежит всего-навсего тело, а душа давно уже не здесь, не в земле. Дедушка цыкал и крестился, но все же слушал ее.

Он отчетливо помнит одну из таких поездок: их с мамой утро началось со скандала. «Что-то не нравится – иди жить к отцу», – безапелляционно отрезала мама.

Женя знал, что мама может привести любой спор к удобному для нее знаменателю. Женщины спорят по своим правилам. Приводить аргументы и контраргументы им скучно, да и кажется делом совсем необязательным. Они с легкостью выйдут за рамки спора, если чувствуют, что несут потери и начинают попадать в тупик. Нехватку доказательной базы легко заменяют эмоциями.

Спорить с женщиной — это как играть в шахматы с пятилетним ребенком, который во что бы то ни стало хочет тебя обыграть. Пока твой конь шагает на С4, ее ладья уже сходила слоном, а пешка — ферзем.

— Блять, а при чем тут отец? — рассвирепел Женя.

— А при том! Ты весь в него, — крикнула мать.

Женя уже не мог сдерживать себя. Это монотонное, как японская пытка водой, сравнение с отцом наконец ему полностью осточертело. Подвергаемый пыткам наконец сломался и готов был заговорить.

— Да? — Женя, чуть сбавив тон, начал с полупшепота. — А как ты думаешь, почему отец ушел? Да потому, что ты перестала быть ему интересной. Как женщина и как личность. Я его прекрасно понимаю. И знаешь, даже нисколько не злюсь.

Мама несколько секунд стояла в оцепенении — в ее полуоткрытом рту остановилась созревающая мгновение назад гневная тирада. Развернувшись, она быстрыми шагами направилась к себе в комнату. Хлопнула дверь.

Женя услышал приглушенные всхлипывания.

Идти в комнату он не торопился. В нем играло какое-то чувство злорадной победы — он убедился, что его слова могут ранить. Впрочем, слушать всхлипывания ему было неприятно и неловко. Встав, он закрыл дверь в свою комнату

и лег на диван. Прележав с минуту, он не выдержал и подошел к двери в мамину комнату. Сквозь матовое дверное стекло он видел ее силуэт, лежащий на диване. Вроде успокоилась. Подержав с полминуты руку на дверной ручке, он вернулся к себе.

На кладбище у бабушки они с девяти утра красили оградку, вскапывали сорняки и мыли памятник. Даже на обед прерывались. Мама рассказала деду об утреннем скандале. Раньше Женя всячески бы пытался ее останавливать – но не сейчас. А что он ему сделает? Опять заставит учить английский?

Дед окончательно помешался на своем английском. Он даже потратил полпенсии на английские пособия. Даже купил какой-то календарь. «Слово дня», или как-то так. Ему, видите ли, было недостаточно, чтобы Женя это слово просто выучил. Он хотел, чтобы каждое слово было переписано в тетрадь. И что самое ужасное, вместе с транскрипцией.

Дед, стукнув несколько раз по раскладной табуретке, чистил яйцо. Почему-то Женя только сейчас заметил, как он постарел. Раньше это мешало заметить голос – вот он несколько не изменился. В остальном же это был самый настоящий старик.

В конце оставили у изголовья памятника искусственные цветы, похожие на большие ярко-желтые подсолнухи. Почему-то искусственные цветы были гораздо ярче обычных – это сразу бросалось в глаза, когда Женя, сидя на заднем сиденье дедушкиного вольво, рассматривал сменяющиеся в окне машины памятники. Серыми холмами они росли из земли, и яркие головки искусственных цветов контрастно на них выделялись, будто были нарисованы детской гуашью.

Женя взял в руки календарь со словами. А вот и первое слово.

Hopeful [{} həʊpʃʊl] – *обнадеживающий, надеющийся.*

Ага, весьма многообещающе. Особенно транскрипция. Что это еще за «о». Женя размашисто переписал слово в словарь. Дедушкин вольво остановился на светофоре.

По радио играла Adele. Голос красивый. Загуглил – толстуха. И почему, имея столько денег, так трудно держать себя в форме?

– Кто же так транскрипции пишет, – усмехнулся дед. У него была дальновзоркость, и он держал словарь чуть ли не на вытянутых руках. – Русскими буквами. А вроде за границу мечтаешь перебраться.

Женя промолчал.

– Одно – это совсем несерьезно, – продолжил дед. – Давай по три. Три слова каждый день. И с человеческими транскрипциями. Которые уже знаешь – не считаются.

«Боюсь, что считаться будут все», – хмуро подумал Женя. Предыдущие слова забывались молниеносно, как будто он их и не учил.

Это было последнее, что он помнит. Оглушающий лязг капота серебристого рендж ровера, протаранившего и смявшего, как игрушечный, их старый вольво – он уже не помнил. Рассказали в больнице.

Но оно, наверное, и к лучшему – в конце концов, услышать фразу «пассажир и водитель вольво доставлены в больницу... пострадавшая от многочисленных травм скончалась...»

по телевизору было не так больно, как увидеть это вживую. В конце концов, лежа в больничной палате, можно попробовать себя убедить, что ведущий новостей ошибся. Он же не упомянул фамилию. Или упомянул? Или это был и не телевизор, а разговоры врачей? Хотя нет, он отчетливо слышал дикторскую интонацию.

В любом случае, даже если и так, фамилия не такая уж и редкая. Сколько таких в городе? Человек 10 однофамильцев точно найдется. Конечно, так и есть — просто совпадение. Другая фамилия. Другой вольво. Другой рендж ровер.

В палате было тихо и даже как-то умиротворяюще. Если бы не больничный запах и яркий свет, бьющий прямо в глаза, то ее можно было бы даже с натяжкой назвать комфортной.

Персонал был обходителен — первое лицо, которое он более-менее запомнил, принадлежало молодому парню. Его долговязая фигура с рыжеватой бородой несколько раз помаячила мимо него. Халат ему совсем не шел — на его худом теле он висел, как на гардеробной вешалке. Он деловито, слегка нервно ходил по палате и что-то говорил своей коллеге — слов Женя не помнит. Зато его коллегу он запомнил хорошо — симпатичную брюнетку, тоже в халате. А вот ей он очень даже шел. Она что-то писала в большом журнале, похожем на школьный. Перевернув страницу, она заложила волосы за ухо и бросила на Женю беглый взгляд. На ее пальце было обручальное кольцо. На мгновение Женя даже расстроился. Впрочем, какая разница? Есть у нее кольцо или нет. Было глупо тешить себя мыслью, что у них что-то когда-то могло выйти. Нет, он слышал истории, когда врачи влюблялись в своих пациентов. Но это не тот случай. Даже у кота в зооклинике есть все шансы влюбить в себя ветеринара. Но не у него. Он — нескладный школьник, да еще и в таком неприглядном виде. На койке, в синяках и беспо-

мощный. Она бы никогда на него даже не посмотрела. Оставалось тайком смотреть на нее из-под полузакрытых век, надеясь, что она не увидит направление его взгляда.

Гроб аккуратно опускали в вырытую землю. Женя проводил его взглядом и посмотрел на Сашу — с ней они так и не съехались. Почему — он сказать не мог, наверное, до сих пор чувствовал себя виноватым. Ведь если бы не он, никто бы из присутствующих сейчас здесь не находился.

После смерти мамы у него были странные ощущения — все мамины подружки наперебой гладили его по голове и просили не плакать, при этом рыдали сами. А он и не плакал — он был в какой-то растерянности. В состоянии фрустрации он сидел на диване, как за партой, нога к ноге. У мальчика шок — шептались они, желали поправляться дедушке, оставляли подарки и уходили.

Было непривычно видеть их старый состав в прихожей, только в этот раз трезвый и не ржущий.

Когда входная дверь захлопывалась, у Жени оставалось ощущение, что он выиграл олимпиаду или какой-то важный конкурс — после ухода маминых подруг он оставался в окружении коробок конфет, компьютерных игр и подарочных карт.

Изменилось отношение и в школе — идущие стройным рядом на последней странице дневника тройка по физике и очень слабенькая тройка по химии превратились в годовые четверки. В следующем году, правда, будет ЕГЭ, а комиссия вряд ли накинет несколько баллов к части В.

На мамины похороны прилетел и Женин отец со своей новой семьей. Он вроде даже выбился в люди и работал в Москве каким-то важным программистом. Женя не разбирался в брендах, но даже невооруженным взглядом было видно, что его папа был одет дорого. Забавно, ведь он запомнил его другим — сидящим перед очередным собеседовани-

ем на кухне и подпаляющим зажигалкой торчащие из сумки нитки, пока спящая рядом мама гладила его застиранную белую рубашку.

Тетя Катя была беременна вторым – или второй – и вроде не работала. Глядя на отца, Женя испытывал чувство, похожее на купированную злость, которой в злость полноценную помешало перерасти уже давно сидевшее безразличие. Да и со всей этой ситуацией он уже давно смирился. Надо было отдать отцу должное, в связи с недавней трагедией он неплохо помог им в финансовом плане. Оставил он денег и лично Жене, ободряюще похлопав его по плечу и сунув несколько свернутых купюр в нагрудный карман его пиджака. Даже в этом жесте чувствовалась какая-то покровительственность, будто он протянул милостыню старательно играющему на скрипке мальцу в подземном переходе. Почему-то именно после этого Женя понял, каким далеким человеком стал ему отец. Глядя на их с тетей Катей лица, ему все же было обидно оттого, что у них с тетей Катей все получилось, а с мамой – нет. Он искренне не понимал, что его отец мог получить в той семье, чего бы он не получил с ними. Было неприятное ощущение, что они с мамой все это время были чем-то вроде перевалочного пункта или трамплина, с которого его папа солдатоком прыгнул из жизни обычной в жизнь счастливую.

Напоследок они пригласили их с дедом в Москву – учитывая вежливость, в которую никто не поверил. Особенно если учесть, что и без того уже не особо подвижный в силу возраста дед после аварии долгое время не вылезал из гипса – но зато в аэропорт отец с его новой семьей уехали с чистой совестью. Что до тети Кати, то раньше он бы многое отдал, чтобы увидеть, как она улыбается. Он помнил чувство, с которым в Сочи проходил мимо ее полуоткрытого номера. Сердце замирало, и дыхание учащалось. Он боролся с желанием подойти ближе и подсмотреть в щелку. Хотя бы бро-

сильный беглый взгляд. В прихожей стояли ее белые кроссовки — они собирались играть с дядей Денисом в теннис. Кроссовки были совсем маленькие, на пару размеров больше Жениных сандалий. В номере шумел душ. Неизвестно, чего он боялся больше — своих желаний или того, что его заметит дядя Денис. Он представлял, как она, откидывая золотистые волосы, мажет тело маслом для загара. В прихожей слышались мягкие шаги ее босых ног, и он смущенно сбегал вниз по лестнице.

Ему нравились эти ее два чуть выступающих резца, из-за которых ее улыбка казалась детской. Да что там нравились, он был в них влюблен. Теперь же — безразличие и злость. Выпади ему шанс, он бы воспользовался ею и бросил. Пустоголовая блондинка, да к тому же наивная. С идиотскими сережками-ласточками. На вид дорогие, но безвкусные — наверное, папин подарок. Он никогда не разбирался в женских украшениях. Приехал, наверное, перед Новым годом в ювелирный и замучил всех консультантов. Пока они с мамой в это же время ходили в ломбард сдавать ее украшения.

Правда, желание с гордостью швырнуть деньги в отцовское лицо отсутствовало — напротив, эти деньги были тщательно и скрупулезно потрачены в пиццериях, кинотеатрах и парках города Екатеринбурга. Туда же он водил и своих друзей, выступая в роли спонсора, и в течение двух недель был кем-то вроде юного Великого Гэтсби местного разлива — по-настоящему наслаждаться тратой денег мешали, правда, трагические обстоятельства их получения. Кто-то из товарищей предложил помянуть погибшую и купить водки. По такому поводу «поминальная процессия» выросла вдвое — желающих нажраться независимо от повода всегда хватало. Теплая водка была разлита по норовящим унести от ветра пластиковым стаканчикам на самой дальней ска-

мейке парка. Зрелище было жалкое — кучка сидящих на обгаженной птицами скамейке пьяных школьников, пытающихся подавить отрыжку на минуте молчания.

Поминки получились так себе — кто попьаннее, пошли блевать, кто потрезвее — клеить в парке девчонок. Траур был как-то мигом позабыт.

— Ептить, Жень, ну жизнь-то продолжается, — раскрасневшаяся рожа какого-то жирного пацана из параллельного класса, нарушая все границы личного пространства, маячила перед самым Жениным носом. — Ну а че теперь, вешаться, что ли? — в завершение он пытался выдавить что-то из разряда «не тот слаб, кто упал, а кто после этого встал и пошел» — или подобную не относящуюся к делу ерунду, но язык уже его не слушался. Женья еще долго жалел, что удержался и не съездил по этой пунцовой набуханной роже.

Женья пошел отлить в кусты, но возвращаться не стал — и судя по молчавшему до конца дня телефону, никто из компании его так и не хватился.

Затем был школьный психолог. Встречу назначили вместо последних двух уроков. За час до «сеанса» Женья выпил за школой две бутылки пива. Жвачку не зажевал специально. В знак протеста.

Школьным психологом была миловидная девушка, миниатюрная и как будто все время напуганная. Она бесшумно ходила по школьным коридорам, а при виде бегущих младшеклассников отходила в сторону, прижимаясь к стенке — как будто это был не школьный коридор с детворой, спешащей в столовую, а трасса Москва — Екатеринбург с ревущими на полной скорости машинами.

Бытует расхожее мнение о том, что в психологи идут для того, чтобы разобраться со своими собственными проблемами. Скорее всего, школьная психологичка выбрала свою спе-

циальность именно по этой причине. Она все время боялась повести себя нетактично, осекалась даже на вполне безобидных словах и, судя по рефлексии, все не решалась утешительно положить руку на Женино плечо.

Женя сидел и смотрел, как она перебирала какие-то распечатки, слегка растерянно в них заглядывая. Он чувствовал свое превосходство, как будто дал ей задание, которое явно было ей не по зубам. Это вам не убеждать отличницу, что четверка по географии еще не полный конец.

Наконец, она придвинула Жене лист.

«Сука, да вы издеваетесь», — промелькнуло у него в голове.

Вопрос 1. Насколько часто у вас возникали мысли о собственной смерти, учитывая всю жизнь?

Зашибись. Вот так вот сразу в лоб.

Варианты ответов:

Всего пару раз.

Никогда.

Более 3 раз. Довольно часто.

(Более 5) Часто.

(Более 10 раз) Очень часто.

Вопрос 2. Захлестывают ли вас эмоции?

Никогда;

редко;

иногда;

часто.

Вопрос 3.

Бойтесь ли вы оставаться в одиночестве?

Вопрос 4.

Возникает ли у вас чувство изолированности от окружающего мира?

Вопрос 5.

Как вы ведете себя в критической ситуации?

Вопросы напоминали содержимое тестов на выявление характера, которыми балуются домохозяйки. В них все результаты хорошие. Не было такого, что по прохождении одного из них тебе бы рекомендовали обратиться к психиатру, и чем скорее — тем лучше. В основном они рекомендуют грустным чаще улыбаться, а улыбчивым — продолжать в том же духе.

Затем были кляксы, в которых он ничего не увидел. Перескочить задание было нельзя, поэтому он заставил себя увидеть в них лошадь, человека, дом, лодку и ад. Последним он решил пощекотать психологичке нервы, так как становилось скучновато.

Психологичка что-то торопливо писала. Часть про ад ее заинтересовала.

Несколько раз Женя искусственно зевал, всем своим видом демонстрируя свое несерьезное отношение к происходящему. Как опытный подопытный кролик, которого дали совсем еще зеленому лаборанту.

Мочевой пузырь давил, а в животе уже гуляла изжога от пива, выпитого на голодный желудок.

Но больше всего раздражала директриса. Эта старая овца, не зная, куда себя деть, ходила из угла в угол и бросала тре-

возные взгляды. Почему на приеме у психолога ходит кто-то третий? Ему казалось, что это личное дело двоих. Иногда она подходила сзади и, вытянув шею, силилась заглянуть в заполняемые Женей бумаги. В нос ему ударял ее удушливый приторно-ванильный запах духов. На лбу проступила испарина, и хотелось блевануть куда-нибудь на стол. А лучше не на стол, а прямо на директрису, чьи приглушенные вздохи уже набили оскомину. Прямо на ее туфли с торчащими из них варикозными ступнями.

А что, ведь ему даже ничего не скажут. «Мальчику можно, у него трагедия».

Директриса вздыхала и продолжала расхаживать по кабинету.

Ну и поделом ей. Пускай чувствует неловкость. Интересно, а она вообще ее когда-нибудь чувствовала? Даже удивительно, что этот макет человека может думать о чем-то другом, кроме опозданий.

А еще эта ее кофта с крупными камнями. Кто-нибудь, объясните ей уже, что с этими камнями она годится в жены цыганскому барону. А этой ужасной помадой она набросила себе еще лет 15. Хотя какая ей разница. Эти же 15 лет ей уже набросили огромные, как театральные кулисы, бедра. Отныне красная помада лично отказывается быть признаком сексуальности, пока она еще есть на губах таких теток.

Подошла Саша и взяла его под руку.

— Пойдем? — она подняла глаза.

Женя кивнул.

Глава 28

line [laɪn] – сущ. линия, черта

fall [fɔ:l] – сущ. падение, снижение

abyss [ə'bɪs] – сущ. бездна, пропасть

– Надо серьезные дела делать, – Гриша смотрел куда-то вверх крыш домов.

– Какие? – уточнил Женя.

– Серьезные, – повторил Гриша. – Хватит херней заниматься.

Женя молчал. Он хотел разобраться, что Гриша подразумевал под «херней», но не стал. Пункт первый негласных правил гласит: в разговорах с ребятами из детского дома лучше лишний раз промолчать. Есть большая вероятность что-то ляпнуть и потом оправдываться за свои слова.

– Вот скажи, – продолжил Гриша, – тебе сколько денег надо, чтобы хватило?

– Ну на день если, – начал Женя, – то рублей...

– Да какой еще на день? – оборвал его Гриша. – Ты как гусеница, что ли, один день живешь? Я хотя бы про месяц спрашиваю.

Женя пожал плечами. Он хотел сказать, что гусеницы живут больше чем один день, но не стал. Смотри пункт 1.

– Даже не знаю, – ответил он.

– Вот видишь, ты не знаешь, – Гриша присел на корточки. – Потому что за тебя все твои родители знают. Ты поди даже и не представляешь, что и сколько в магазине стоит. Тебе вообще без разницы. Все готовое к носу подносят.

Жене были знакомы эти разговоры. Их рано или поздно заводил каждый второй обитатель детдома. В таких случаях

он обычно косил под дворового пацана, родители которого не обеспокоены его воспитанием. «Да у меня их, можно сказать, и нет», — говорил он, имея в виду отца. Но Гришу было не провести.

— А мне ничего не поднесут, — процедил он. — Ты знаешь, что будет, когда нам тут 18 стукнет?

Женя отрицательно помотал головой.

— Погонят нас отсюда нахер, вот что. Дадут денег на автобус и на пожрать на два дня. И все. Лети, птичка, из гнезда. И не возвращайся.

Гриша щелчком отправил окурок в полет.

— Поэтому надо уже сейчас хватать свое.

Женя молчал.

— Достань мне ключи от кабинета Карачковской, — сказал Гриша после непродолжительной паузы.

Женя похолодел.

— Какие ключи? — запинаясь, спросил он.

— Обычные, епт, ключи. Которыми дверь открывают.

— Зачем? — спросил Женя. Ответ на этот вопрос он и так прекрасно знал. — Нас же вычислят, — стараясь, чтобы голос не дрожал, сказал он.

— Как? — хмыкнул Гриша. — Вычислят, блин. Они че, следователи, что ли? Собак приведут?

Посмотрев на встревоженного Женю, он слегка смягчился.

— Пойми, — сказал он, подойдя ближе и обхватив Женю за плечи. — Пойми, братан. Они все бабки себе забирают. Все. Которые нам выделяют. Им похер на нас. Пожрать набирают оптом где-нибудь, скоряк списанный, а остальное себе. Ты видел, в каких цацках она ходит, — Гриша указал пальцем себе на ухо. — А откуда эти сережки, как ты думаешь?

Женя опять промолчал. Он старался смотреть куда-нибудь мимо Гриши.

– Вот ты спрашивал, куда мы выезжаем. Да никуда. Мы тут замурованы. А по документам у нас автобус есть. Автобус, блять. У нас тут Диснейленд по документам.

Женя перебирал в кармане связку ключей. Ладонь вспотела настолько, что ключи буквально в ней плавали. Запах мокрого железа, казалось, ощущался в носу.

Запах мокрого железа походил на запах крови. Сотню раз он прокрутил в голове все возможные варианты, в которых он вовсе не находил. Жаль, он не надел старые джинсы, в кармане которых была дырка. Он бы оставил ключи у тети Тани, а Грише продемонстрировал б дыру в кармане.

Но он знал, что Гришу он не обманет. Тот был настоящий детектор лжи ростом 165 см. Женя мог соврать кому угодно и достаточно убедительно, но только не ему.

Пить не хотелось, но во рту постоянно пересыхало. Маленькими глотками он пил воду из пластиковой бутылки, борясь с тошнотой.

Гриша не опаздывал. Чуть ссутулившись, он стоял на ступеньках курилки. Одет он был как обычно – в черный спортивный костюм и пыльные серые кроссовки.

– Че тормозишь? – вместо приветствия сказал он. – Погнали, времени мало.

Вчера была ярмарка. Волонтеры, соцработники, меценаты средней руки и другие равнодушные люди принесли с собой еду, поделки, одежду, картины и прочие нехитрые вещи.

Покупать все это надо было за игрушечные деньги – эти самые деньги заведующая детдомом распечатала на принтере. Вчера она была кем-то вроде Центробанка. Чтобы избежать девальвации, каждому воспитаннику выдавалось по 150 распечатанных рублей. Остальные предстояло зарабо-

тать — отжаться, спеть песню, прочитайте стих или обойти всех в прыжках в длину. Вариантов было много.

Как и любому человеку, обладающему определенным статусом и приближенному к власти, Жене все это делать было необязательно.

Заведующая тетя Марина вложила ему в руку три свеженапечатанные 500-рублевые купюры, которые были еще теплые от принтера. Это автоматически делало всех Жениных соперников неконкурентоспособными, а самого Женю — равнодушным к рыночной стоимости товара и чьим-либо покупательским способностям. Объевшись сладкого и по пятому кругу обходя торговые ряды, под конец он даже покупал учебники — настолько уже было некуда девать деньги.

Женя был счастлив — как-никак, это была самая настоящая RPG в реальной жизни. Он представлял себя паладином, который закупается у странствующих торговцев перед очередным геройским походом. Изобилие всего поражало. Четкого разделения по товарам не было — лоток со свежей редиской, зеленым луком и укропом соседствовал с лотком с кулонами, браслетами и другой бижутерией.

Настоящий рынок. Продавцы органично вжились в образ — многие тетки читали частушки и зазывали к себе на бесплатную кружку кваса или лимонада. Как и на настоящем рынке, кто-то где-то даже успел подворовать, а один из воспитанников умудрился купить из-под полы «Плейбой».

В коридоре еще стояла пара неразобранных прилавков от ярмарки. На полу россыпью лежали игрушечные купюры — теперь уже обесцененные.

Женю тошнило. Рвота уже подходила к горлу. В ушах звенело. Ему казалось, он идет на смертную казнь. Как и тогда, с гитарой, он все ждал, что Гриша передумает.

Кабинет находился в конце коридора. Если их увидят, то бежать будет некуда.

— Дай сюда, — Гриша протянул руку. Женя послушно протянул ключи.

Дверь открылась. Гриша вошел первым.

Из-за зашторенных окон и яркого коридорного света комната казалась темнее, чем есть на самом деле. В углу стояла вешалка с тети-Таниным плащом — ее очертаний Женя сперва испугался при входе.

Гриша лисьими шагами пересек комнату.

— Я смотрю стол, ты — карманы, — бросил он.

Женя подошел к вешалке и взялся за рукав. К Грише он стоял спиной. Он перебирал рукав между пальцами, чтобы со спины казалось, что он роется в карманах.

Шум выдвигаемых ящиков за его спиной оборвал Гришин голос.

— Есть че там?

— Да нет вроде... — ответил Женя.

— Отойди, — Гриша отстранил его и заправским движением карманника синхронно запустил руки в оба кармана. Приглушенно звенела мелочь. Гриша вытащил на свет несколько пятирублевок и два автобусных билета. Их утренние с тетей Таней билеты.

Гриша отправил содержимое тети-Таниных карманов в свои. Жене было физически неприятно наблюдать за тем, как из аккуратных, штопанных карманов тети-Таниного пальто ее мелочь переходит в карманы широких, вышарканных сзади Гришиных треников. Мечтать о том, что Гриша не полезет во внутренний карман, было бы глупо. Конечно, он туда полез. Женя даже заметил, как на его лице медленно вырисовывается улыбка, когда тот нащупал очертания кошелька.

— Вот ты где, — Гриша закусил нижнюю губу, как от како-

го-то наслаждения. Из кармана появился тети-Танин голубоватый кошелек с позолоченной заклепкой.

— Ладно, рвем когти, — сказал он. — Я еще ювелирку замутил.

Жене казалось, что о присутствии чужаков будет понятно с порога. Гриша даже как будто принес сюда свой воздух — табачный и свинцово-тяжелый, который беспардонно вытеснил витающий здесь легкий аромат стоящих на подоконнике цветов и тети-Таниных духов, исходящих от висящего на вешалке кашне. Гриши не должно было быть здесь. Он порочил этот кабинет своим присутствием.

Женя сидел на крыше гаража, упершись подбородком в согнутые колени. Гриша стоял на краю, сложа руки на груди. Сейчас он был сытым львом, вокруг которого могли безбоязненно ходить антилопы.

Гришин товарищ похрапывал, лежа на боку. Рядом лежала недоеденная им горбулка и открытый тюбик майонеза.

Женя ощущал на себе все последствия стокгольмского синдрома. Вернее, это было даже хуже. Он не стал ненавидеть Гришу — скорее это было укрепившееся чувство бессилия. Он сдался. Он старательно отводил взгляд, стараясь не смотреть Грише в глаза — прямо как побитый пес, который отказывается смотреть на палку.

— Сережки есть кому впарить? — не оборачиваясь спросил Гриша.

— Есть, — соврал Женя.

— Если что, есть один пацан на примете. Могу похлопотать, — не поверил Гриша.

— Завтра не могу, — ответил Женя. — Мы едем на кладбище к бабушке.

Мысли ударить Гришу или хотя бы высказать ему все, что он думает, гнались из головы и казались абсурдными. Максимум, что он мог сделать — в сердцах ударить ногой по мусорному баку, стоящему у гаражей. Но и этого делать не хотелось. Чувство паскудного облегчения после налета на кабинет расслабило его и освободило голову от мыслей. Он просто смотрел перед собой и ел мороженое.

Гриша — обычная шпана, оставленная на задворках жизни и не принимаемая обществом. Маргинал, который приемлет только право сильного. Необразованный мудака, в конце концов.

Серезки он выбросил в колодець. Но деньги все-таки потратил.

— Сам купишь, — зло бросил он толстому Гришиному другу. Тот был Жениной подушкой для битья — разумеется, не в физическом плане. На него он мог выместить все то, что копилось у него на Гришу. Он стал своего рода мишенью и в конечном итоге стал вызывать у Жени стойкую неприязнь. В сущности он ничего плохого не делал и с Женей почти не разговаривал. Большой, с пухлыми губами, он привык к грубоватому к себе обращению и воспринимал его спокойно.

Они стояли в продуктовом магазине.

Гастрономическая мечта 13-летнего пацана осуществилась. Женя набрал чипсов, жвачек и сладких рулетов. Есть не хотелось совершенно. От этих денег хотелось побыстрее избавиться, поэтому Женя купил дорогого темного пива. Продащица придирчиво их осмотрела — на секунду Женя заволновался, что сейчас она начнет выпрашивать, откуда у них деньги. Но она не стала.

Глава 29

presentiment [pri'zentɪmənt] – сущ. предчувствие, предощущение

disappointing [disə'pɔɪntɪŋ] – прил. неутешительный, разочаровывающий

beginning [bi'ɡɪnɪŋ] – сущ. начало, источник

Женя сидел у кабинета. Еще месяц назад он решил пойти именно в частную клинику – сам не зная почему. Наверное, ему не хотелось задействовать в этом деле свою больницу. Прозвучавший вчера утром звонок с просьбой срочно прийти за результатами анализов слегка его обеспокоил.

Две полных тетки о чем-то громко разговаривали, мужчина в очках в роговой оправе читал газету, закинув ногу на ногу.

Что сразу отличало частную клинику – это отсутствие пенсионеров.

Без них медицина в данном конкретном коридоре как будто бы сразу приобрела какой-то лоск, дороговизну и исключительность.

Отдавало даже чем-то европейским – разноцветные абстрактные картины в небольших рамках, кактусы и еще какие-то цветы в горшках и кадках, по зеленеющим листкам которых было видно, что заботятся о них не меньше, чем о проходящих здесь лечение пациентах.

Женя взял с полки глянцевый журнал – он таких уже не читал лет сто.

Он попытался найти какую-нибудь мало-мальски интересную статью, но на глаза попадались рекламы новых автомобилей, духов и часов-хронографов.

«* От 850 тыс. рублей», — гласила сноска под звездочкой.

Наконец, первая статья. Редактор, по-видимому, любил каламбуры, и в статье под названием «Дешево и не сердито» рассказывалось о том, как с помощью кипящего чайника, двух бульонных кубиков, лапши быстрого приготовления, куриной грудки и зеленого горошка приготовить себе изысканный деликатес.

Это было слегка странно, учитывая то, что на обратной стороне страницы располагалась та самая реклама хронографов за 850 тысяч.

Леонардо Ди Каприо бы расстроился, узнав, что он, улыбающийся и держащий в зажатом кулаке блестящий хронограф, будет висеть где-нибудь на холодильнике в общежитии. Но висеть он будет лицом не в комнату, как он привык после выхода фильма «Титаник», а прижавшись лбом к белой гудящей дверце — потому что как раз в этот момент стоящий у холодильника студент будет внимательно изучать, сколько надо зеленого горошка и как долго его надо держать под крышкой.

Дверь кабинета открылась.

— Евгений Александрович?

Женя поднялся.

«А вот и еще одно отличие», — подумал он. Не обычное государственно-больничное «Гурц, заходите!», звучащее скорее как «Гурц, если вы тут, а мы очень надеемся, что вы не дождалась своей очереди, ушли, то заходите, только в темпе. У нас обед скоро».

А здесь — вы посмотрите только. Евгений Александрович. Для полной аутентичности образа Евгения Александровича не хватало только приставки «господин» и увесистого ремешка дикаприовских хронографов на запястье.

Врач кивком указал ему на небольшой диван у окна.

Кабинет тоже был уставлен в лучших европейских традициях — аквариум с неторопливо плавающими рыбками, развернутые в самых красочных местах атласы по анатомии на полках и зачем-то скелет из школьного кабинета анатомии — наверное, для поддержания аутентичной атмосферы врачебного кабинета.

Доктор выглядел несколько комично и, казалось, только что сошел со страниц сказки Корнея Чуковского — ему не хватало только доски отзывов на стене, на которой крупным, размашистым почерком были бы выведены благодарности от барбоса и зайчихи, которых он лечил в прошлом месяце.

А скелет, несомненно, раньше был Бармалеем.

Вот только Женя не помнил, чтобы в книжке Айболит брал у барбоса с зайчихой полторы тысячи за консультацию и пять — за анализы.

— Евгений Александрович, — врач внимательно посмотрел на Женю поверх очков.

— Да?

— В общем, посмотрел я ваши анализы, — с этими словами он перевернул несколько скрепленных скрепкой страниц. — Скажу одно — пришли вы вовремя.

Женя слегка нахмурился.

— А подробнее?

— Подробнее вот что, Евгений Александрович, — продолжил врач, пробегая глазами заключение, — изменения у вас в организме происходят, я вам так скажу.

Он отложил бумаги и пристально посмотрел на Женю.

— В общем, вы раньше времени не пугайтесь, но у вас некие затемнения.

«Что? Какое еще, нахрен, затемнение?» — подумал Женя.

— Охуеть, — сказал он вслух.

В ответ доктор понимающе и даже как-то виновато улыбнулся. Материться в платных клиниках можно. Искренние выражения чувств и нецензурная лексика включены в обслуживание. Жене хотелось подлететь к столу, разбросать все бумаги и перечитать свое заключение своими же глазами.

– Вы только раньше времени не пугайтесь, – увидев изменившееся Женино лицо, ответил врач. – Надо будет пройти ряд обследований, узнать, что это такое... Возможно, ничего серьезного.

– Какие затемнения? – севшим голосом спросил Женя.

– Ну, в общем-то... есть ряд, – перебрал бумаги доктор. – Обширная черепно-мозговая. Зрительный нерв. Ушиб аорты. Барабанные перепонки...

– Хорошо, – Женя старался ответить так, чтобы голос его не дрожал. – Хорошо, я понял вас.

Встав, он подошел к столу и, кивнув на лежащие на нем бумаги, протянул руку.

Доктор был слегка обескуражен такой решительностью, но молча протянул заключение.

– Вы, Евгений Александрович, не откладывайте все это в долгий ящик, – он снял очки, аккуратно положил их на стол. – Это многим чревато, так что лучше не доводить. Рекомендую вам сегодня же сдать ряд анализов...

Не дослушав, Женя вышел из кабинета и хлопнул дверью.

Он шел по улице со странным чувством внутри – страх куда-то ушел, уступив место издевке над самим собой.

– Ну что, долечился? Скоро сам сляжешь, – говорил он себе. – Супер, сука, герой.

Плюнув на тротуар, Женя пошел в противоположном от дома направлении – возвращаться в клетку четырех стен ему совсем не хотелось. Стая голубей разлетелась под его ногами, когда он проходил через парк – какой-то карапуз, бросивший им семечки, смерил Женю недовольным взглядом.

Лицо парнишки показалось Жене смутно знакомым, пройдя несколько шагов, он остановился.

– Костя, ты, что ли?

Мальчик удивленно развернулся.

Да, это был он. Тот парнишка, которого они встретили с Сашей в парке.

– Помнишь меня? – Женя, улыбаясь, подошел ближе. Он сразу обратил внимание, что слухового аппарата у парня не было.

– Драсьте, – судя по сосредоточенным бровям, тот, по-видимому, не узнавал Женю.

– А где... приборчик твой? – Женя показал пальцем на свое ухо.

– Он... А я... я слышу теперь все. Ой, это же вы, – парнишка, вспомнив Женю, ободрился и протянул ему горсть семечек. – Я теперь все слышу, – он широко улыбнулся, в подтверждение своих слов он оттопырил уши указательными пальцами.

Стая переборовших страх голубей вернулась.

– А мама где твоя? – спросил Женя, бросив им горсть семечек.

– За мороженым пошла. Дядя... – он посмотрел на Женю большими голубыми глазами. – А вы... вы тогда сказали, что вы волшебник, что я слышать смогу. Это ведь вы, да? Вы вылечили меня? – последние слова он сказал чуть ли не шепотом, будто обнаглевшие голуби, топчущиеся у самых ног, могли его услышать.

– Я? Да ну брось. Какой же я волшебник. Маме привет, – улыбнувшись, Женя бросил голубям остатки семечек и отрянул руки.

Он прошел еще несколько кварталов – все же он не мог не признать, что вечером город приобретал особое обаяние: оранжевое солнце, уходя, озаряло вымощенные кирпичом

дороги, а в нос ударял запах свежескошенной травы. Даже глухой бас сабвуфера какой-то из машин, стоящих вдалеке на светофоре, не нарушал общей гармонии.

Женя шатался по городу и чувствовал себя вышедшим по условно-досрочному заключенным, которому начальник колонии напоследок пожелал начать новую жизнь с чистого листа – вот только лист оказался смятым и с разорванными краями, а большая и небрежная буква Z посередине мешала вписать в него хоть что-нибудь связанное.

Ладони слегка покалывало.

«Интересно, а что сейчас с другими? – подумал Женя. – С тем мужчиной, получившим инсульт? С женщиной, потерявшей зрение? А ведь сейчас они, наверное, едут домой или уже дома. Сидят с семьями. Продолжают делать то, от чего их так резко прервало произошедшее с ними. Продолжают выбирать фильм, на который пойдут в выходные. Продолжают выбирать, в чем завтра пойдут на работу. Продолжают выбирать занавески на кухню. Жить продолжают, в конце концов».

Жене почему-то стало очень тоскливо. На секунду посомневавшись у автоматических дверей супермаркета, он вошел внутрь.

Вышел он с большим пакетом – наверное, последний раз он собирал такой набор на дачу. Несколько бутылок пива, одна бутылка коньяка и вожденная пачка сигарет, взять которую он долго не решался.

«Эмфизема», – угрожающе кричало предупреждение на пачке.

«Да не напугаете уже», – хмуро подумал Женя, срывая упаковочную обертку.

Глава 30

calm [kɑ:m] – *сущ. затишье, штиль*

smoke [sməʊk] – *сущ. дым, курение*

adoption [ədɔ:pʃn] – *сущ. принятие, утверждение*

Женя с отсутствующим видом смотрел в телек. На часах было полпервого ночи. Закончился какой-то фильм с Джейсоном Стетхемом, где он, напоследок разнесся из дробовика голову какого-то злодея и проткнув ножом для колки льда его товарища, уезжал вдаль – с крутым прищуром и рассеченной башкой.

И все-то у него всегда получается, хотя и шло наперекосяк половину фильма.

Такой вот герой нашего времени – подарок современному зрителю, уставшему от чванливого и обходительного Джеймса Бонда, с его водкой с мартини и шпионскими прищочками.

Пробежали титры, и началась какая-то документальная передача, с затянутым началом в духе «а сегодня вы наконец узнаете и увидите» – прошло уже минут 10, а Женя так и не понял, что он должен узнать и увидеть – на экране мелькали кадры Второй мировой войны, марширующие немцы, а затем камера обращалась к сидящим на фоне стеллажей усатым историкам в джемперах. Было не слышно, что они говорят, но добавлять громкость Жене было лень.

Переключать – тоже. Апатично глядя в происходящее на экране, Женя положил на пол пустую бутылку пива.

Облокотившись на бок, он провел рукой по полу в поисках еще одной бутылки. Несколько просыпанных на кровать чип-

сов хрустнули под его весом. Но нет — это была последняя, шестая.

Женя достал задвинутую под кровать пепельницу с несколькими сиротливо лежащими окурками и попавшей туда пивной крышкой.

Эту пепельницу ему подарили года три назад, когда он еще курил. Привезли ее друзья из Турции, о чем свидетельствовали карикатурно нарисованные девушки с гипертрофированными грудью и бедрами. Говорящим облачком из комиксов они звали посетить Турцию. По их заверениям, они будут ждать на пляже. На дне пепельницы было нарисовано море. Впрочем, его не было видно — на его месте как раз был плевок, почерневший от пепла.

Закурив, Женя пустил в потолок струю дыма.

Сегодня Женя обнаружил, что он простыл. Впервые. Он даже не сразу это заметил, приняв недомогание за похмелье, но настойчивый мокрый кашель убедил его в обратном.

Женя знал, что он никого не касался за последние дни, да и такие заболевания, как грипп, простуда, если бы он у кого-то их и забрал, прошли бы для него без последствий. Он бы даже их не заметил.

А 37,5 держались уже полдня.

Затушив выкуренную сигарету, Женя достал еще одну.

Телефон опять завибрировал — наверное, Саша или Макс.

Неприятным звуком включенной дрели он жужжал на деревянной тумбочке, пока наконец не стих.

В холодильнике должен был остаться коньяк со вчерашнего — вспомнил Женя. На пару стопок там точно осталось.

Какой-то преподаватель не то массачусетского, не то венесуэльского университета, пожилой мужчина с седыми усами и родимыми пятнами на лысеющей голове, рассказывал с экрана что-то о преимуществах немецкой армии на период Второй мировой войны.

Женя приподнялся, аккуратно держась за спинку кровати – его уже хорошенько шатало.

Коньяка в холодильнике оставалось куда меньше – на одну стопку. Решив не доставать ради этого рюмку, Женя допил остатки прямо из горла.

Пустая бутылка полетела в мусорку, но не попав в цель, глухо покатилась по линолеуму.

Высморкавшись в одноразовую салфетку, Женя подошел к окну и приоткрыл его.

Он чувствовал, как слабеет. Мысли вязким комом перекачивались в его голове, ни к чему не приходя и ни во что не выливаясь.

Огонек зажигалки озарил темную кухню.

Сделав затяжку, Женя раздумывал, чем бы ему заняться – было только восемь часов вечера, и спать ему не хотелось.

Перебрав в голове все возможные варианты, он пришел к выводу, что делать ему не хотелось решительно ничего. На подоконнике лежал откопанный им из завалов сборник Омара Хайяма с еще старыми закладками, торчащими между страниц. Вчера он немного почитал, но быстро забил на эту затею. Слова сбивались в бессмыслицу, и он не чувствовал рифм.

«А стихи надо читать так, – вспоминал он слова своей наставницы по литературному кружку, – чтобы у тебя мурашки по спине бежали, даже если читаешь про себя, а не вслух».

Да и последние пару лет он не брал книг в руки – слишком уж они казались ему скучными, а от метафор писателей он уставал и через пару страниц безвозвратно терял нить повествования. Все писатели казались ему не от мира сего, с бесконечными описаниями природы вкуче с вечным романтизмом и беспочвенными страданиями своих героев. Стойкое равнодушие к литературе ему привила школа, а особенно список литературы на лето, который на последнем уроке вру-

чался каждому школьнику, уже мысленно покинувшему на три месяца стены родной общеобразовательной альма-матер. Этот список на лето походил скорее на список литературы на пять таких «лет» в условиях необитаемого острова. Да и бьющее в окно знойное солнце уж точно не располагало к листанию пожелтевших и местами склеенных скотчем страниц библиотечной книжки.

Спасательный круг юному горе-читателю бросало какое-то издательство, выпускающее краткие пересказы всех произведений русских классиков. Как будто осозная, что выпускают они нечто лайфхаковское и не совсем честное, сборничек сжатых произведений был карманного размера. Шрифт был настолько мелкий, что если бы его уменьшили еще на кегль, то прочесть напечатанное без лупы уже было бы невозможно. Зато завязка тут соседствовала с кульминацией и развязкой — буквально на одной страничке Раскольников и убивал старушку-процентщицу, и каялся в преступлении. Герасим после знакомства с читателями уже топил ничего не понимающую Му-Му, а уже через пару страниц Тарас Бульба убивал своего обалдевшего от скорого на расправу отца сына.

В общем, даже и не сжатый пересказ, а скорее краткая эпитафия всем произведениям.

Учительница литературы, обнаружив как-то так некстати оставленную на перемене эту самую книгу-выручалку, с сожалением пролиставла ее и сказала: мало того что использовать такую шпаргалку — значит неуважительно относиться к русским классикам, так это еще и чревато тем, что в желании сэкономить свое время ее владелец рискует и всю свою жизнь превратить в краткий пересказ,

К первому утверждению все отнеслись равнодушно, впрочем, как и ко второму. Вспомнилось оно лишь в позднем возрасте, когда ему и самому стало казаться, что вся его жизнь напоминает краткий пересказ, тесно напечатанный шестым

кеглем Times New Roman на паре маленьких страниц. Да и сами страницы были облачены в невнятную серую обложку, что отбивало и без того небольшое желание знакомиться с произведением. Полноценного романа, или же хотя бы добротной повести, никак не выходило, даже если подробно описать все похождения главного героя и характеры всех второстепенных персонажей.

Поэтому Женя пришел к выводу, что остается только набуздаться и поскорее забыться, как он это сделал сегодня, вчера, позавчера, и наверное, собирается сделать завтра.

Правда, вчера сделал еще кое-что, ему несвойственное. Он сходил в церковь. Зачем и с какой целью — объяснить этого он не мог. Да и не пытался, наверное — просто встал и пошел.

Последний раз он там был в детстве — испугавшись женщин в косынках, которые навевали воспоминания о цыганках, которых он тогда изрядно боялся, Женя плотно прижимался к бабушке, дергал ее за рукав и постоянно переспрашивал, когда они уже наконец пойдут домой.

Второй, а точнее, самый первый напугавший его эпизод — это крещение. Самого обряда он не помнил. Вроде бы его туда заманили, потому что добровольно он вряд ли бы на это подписался. Мама потом показывала ему две фотографии — как его, красного и орущего, держит батюшка. Своему крещению он всячески противился: суча маленькими голыми ножками и молотя руками воздух, он пытался выбраться из крепких объятий православия. Батюшка терпеливо и вполне миролюбиво улыбался, но фотографии все равно напоминали картинки со средневековыми пытками из энциклопедий.

В эту же церковь он и поехал, хотя была одна и поближе — наверное, с той, самой первой, все же были связаны хоть какие-то детские воспоминания.

Пройдя через массивные ворота, Женя оказался внутри. Еще на входе он обогнал других людей, зашедших одновременно с ним – обернувшись, он увидел, что те крестятся у входа.

Сделав пару шагов назад, Женя тоже перекрестился. Ему стало неловко от того, что он не помнил, крестятся ли слева направо или наоборот, но подсмотреть он не успел – зашедшие с ним уже разбрелись по залу.

Женя ощущал себя не в своей тарелке – прохаживаясь между иконостасом, он чувствовал себя праздничношатающимся туристом, пришедшим на экскурсию.

Женщины в косынках становились на колени перед иконами, некоторые, что-то шепча, беззвучно сотрясали плечами.

Женя прочитал пару историй святых, написанных под иконами в больших позолоченных рамках. Что еще делать – он не знал, поэтому просто блуждал и мысленно, как считалку, читал «Отче наш».

У выхода он обернулся.

– Я, конечно, не идеальный, – Женя мысленно обратился куда-то в конец зала. – И делал многое неправильно. И продолжаю делать, – он смущенно переминался с ноги на ногу, как будто говорил это не про себя, а вслух и перед огромной аудиторией. – Но в общем-то... зла никому не желал. И не желаю.

Когда двери церкви захлопнулись за спиной и Женя вышел на освещенную солнцем улицу, он вроде даже почувствовал какое-то облегчение и спокойствие, о котором ему еще тогда твердила бабушка. А может, все это было самовнушением.

Впрочем, с приходом домой и наступлением темноты это облегчение сменилось уже на привычную и ставшую ему знакомой апатию и безразличие.

Открывая уже неизвестно какую по счету бутылку пива, Женя падал на диван и включал телек.

Глава 31

poison [ˈpɔɪzən] – сущ. яд, отравка

happiness [ˈhæpɪnɪs] – сущ. счастье

unrequited [ˈʌnrɪˈkwaɪtɪd] – прил. безответный, безвозмездный

Надев спортивный костюм, мятым комом висевший на краю кровати, Женя залез в старые кроссовки и, перешагнув два мешка с мусором, уже неделю терпеливо ожидающих своей утилизации, вышел из дома.

Он и не помнил, когда ходил куда-то в таком виде – врожденное и довоспитанное журналами и пабликами «ВКонтакте» чувство стиля заставляло Женю надевать джинсы и пиджак почти в любом случае, если только он не шел выбрасывать пресловутый мусор.

«Депрессия одета в треники», – подумалось ему, когда он выходил со двора.

Простое человеческое счастье, оказывается, не такое уж и простое.

Счастье – слишком дорогой наркотик. А все потому, что у него нет однозначного рецепта. Ментальное эфемерное экстази. Наверное, на поиски его рецепта махнули рукой даже средневековые алхимики, решив искать формулу чего попроще – например, философского камня. Несмотря на легальность, счастье считается одним из самых редких и молниеносно вызывающих зависимость наркотиков (в среднем одной – двух инъекций вполне хватает, чтобы испытуемый плотно подсел и стал испытывать абстинентный синдром). Проще говоря – попробовал однажды и уже не соскочишь. Да и дилер уж очень непостоянный – может пропадать дня-

ми и неделями. А потом раз — и объявится, когда ты уже удалил его номер из телефона. Объявится вечером в пятницу, чтобы бесследно исчезнуть в субботу днем. С опухшей головой и ощущением стремительно уходящего праздника ты будешь бегать в бесплодных попытках его найти, но все будет бесполезно. Старые места закладок можешь не ворошить — там ничего не будет. Счастье уже где-то в другом месте, до которого тебе еще идти и идти.

А может, оно и к лучшему — беспричинное и бесконечное счастье напрочь атрофировало бы все нейроны и рецепторы, превратив все население Земли в солнечных юродивых с широко открытыми глазами и придурковатыми улыбками. Все вели бы себя как в антиутопии Олдоса Хаксли. Ларс фон Триер снял бы продолжение «Американского пирога», а Чак Паланик влюбился бы в пейзажные рассказы Паустовского.

Правда, есть люди, которые вдоволь обеспечены этим неосвязаемым наркотиком под названием «счастье» — а может, просто испытали однажды сильнейший трип и теперь пишут книги о том, где его достать. Неизвестно, насколько эти книги оказываются полезными, но как правило, после выхода почти всегда становятся бестселлерами. А еще эти же люди проводят семинары — сотни глаз разной степени горящести устремляются на просветленного оратора. Его эйфорию впитывают, слова записывают, а за мимикой тщательно следят, чтобы повторить то же самое дома, у зеркала.

В магазине Женю уже узнавали и улыбались приветливо-укоризненной улыбкой. Такой обычно приветствуют постоянного-алкоголика. Наверное, заходящий в алкогольный отдел среди бела дня помятый парень в спортивном костюме не мог напоминать никого другого. А особенно если учесть, что этот белый день — среда, и вообще, четвертый по счету день, ко-

гда этот самый парень приходит сюда за этим нехитрым алкогольным набором, то все кажется вполне логичным. Делая вид, что всего этого он не замечает, Женя сгреб с полки несколько бутылок пива и бутылку водки.

Одно время он хотел пойти работать барменом — напроочь забывая все то, о чем распибался лектор на полуторачасовой лекции по анатомии, он точно не забывал, сколько бейлиса и самбуки надо добавлять в «Хиросиму».

Друзья как-то подарили ему «Библию бармена», и наверное, это была одна из немногих книг, которые Женя прочел до конца. Приходили друзья, и он устраивал целые шоу с поджиганиями, ударами роксов об стол и выстраиваниями пяти-слойных коктейлей. Шкафчик над плитой при ближайшем рассмотрении предстал набором юного химика, не расстающегося со своими реагентами. Гостям нравилось представление, да и когда ты пьешь, пусть и третий день подряд, коктейли собственного производства, язык не поворачивается упрекнуть себя в подростковом алкоголизме. Эстетика происходящего зельеварения неплохо успокаивала совесть. Та не протестовала — ну и правда, не водку же спрайтом запивает, а можно сказать, пробует что-то новое и расширяет кругозор.

Если увлечение не становится страстью, оно уходит. Ничто в этом мире не постоянно, даже если смешивать алкоголь в конечном итоге надоедает. Женя оставил в своем репертуаре коньяк с колой и текилу со швепсом. Они стали его напитками выходного дня, хотя раньше их смешивание казалось ему таким же неуместным, как на поминках принести гостям по «Лонг-айленду» вместо стопки водки.

Заведующей Женя сказал, что простыл — ему даже не хотелось придумывать более-менее убедительное оправдание.

С позавчерашнего дня ему четыре раза позвонил Макс, один раз Настя и шесть раз Саша. Саше он отвечал, односложно соглашаясь, молча в трубку и выдавливая: «Да все хорошо, приболел просто» – в ответ на озабоченное «Что случилось?».

Сегодня он уже не отвечал никому.

Подходя к кассе, он хотел было бросить что-то в духе «да отпуск у меня», чтобы хоть как-то оправдаться, но передумал. В любом случае зрелище оставалось бы жалким. Да и кому какое дело.

Протянув несколько рублей сдачи стоящему у входа алкоголичного вида старику, Женя пошел домой. Старик пробормотал вслед что-то бессвязно-благодарное.

«Вот она, современная паперть, – подумал Женя. – Интересно, когда он понял, что просить милостыню, стоя на ступеньках ликероводочного магазина, куда прибыльнее, чем делать это у церкви?»

Металлические панели рекламного щита над Женей с шумом сменили изображение.

«Онкология. Выход есть». Двое улыбающихся врачей с плаката напомнили Жене пару с плаката фитнес-центра – те же улыбки, только вместо вызывающих шортиков и оголенного пресса они были одеты в белоснежные халаты.

Женя несколько секунд смотрел на них, пока панели, не сделав оборот, превратились в рекламу квартир в новом жилом комплексе, без выхлопных газов и с чистой окружающей средой.

Квартира встретила его душным запахом пота и мокрого ковра, на который он сегодня пролил остатки пива. Саша еще на прошлой неделе забрала свои вещи, после того как Женя сообщил, что хочет побыть один.

Квартира как-то вмиг посерела, и о прошлом женском присутствии свидетельствовали лишь несколько комнатных

растений в миниатюрных горшочках да пара съехавших магнитов со Смешариками и Спанч Бобом на холодильнике.

Позавчера отключили горячую воду, и на плите стояла большая кастрюля с остывшей водой – уже второй вечер Женя хотел помыться, но все никак не мог собраться с силами.

Кастрюля была дедовской, самодельной – таких, как любят говорить старшее поколение, сейчас уже не делают. Дед был из того сорта людей, которые откуда-то знали, как построить дом, установить счетчик и пустить проводку. И все это до появления обучающих видео на ютубе.

После смерти мамы он, правда, сильно сдал – даже не в плане здоровья, а психологически. И без того нечастые походы к гостям полностью сошли на нет, дед стал замкнутым и неразговорчивым. Такого «нового его» был готов принять телевизор – он сразу взял его в свои мерцающие объятия. Женя не раз видел его неподвижную фигуру, сидящую в полумночной тьме комнаты – его белая майка светилась неоновым светом от отражения телевизора. Раньше он был очень разборчив в выборе программ – с бабушкой они всегда обводили карандашом программы и выпуски передач, которые хотели посмотреть, – теперь же дед стал абсолютно неприхотлив. Программы менялись одна за другой – документальные фильмы сменялись новостями, выстрелы из какого-то российского сериала про ментов сменяли звуки скрипки с какого-то концерта.

Именно так скорбят старики. Каждому человеку придется хоронить своих родителей, позже – жену или мужа, которых он переживет, но ни один человек не должен хоронить своих детей.

Тетя Таня часто приносила ему газеты – читал он их так же, как и смотрел телевизор – от первой до последней страницы.

Дед, со студенческой парты посвятивший всю свою жизнь одному-единственному заводу и привыкший к его порядкам, любил повторять, что семья функционирует по такому же принципу – в ней у каждого есть свои права и обязанности. Как-то в шутку он даже называл их семью ООО «Гурц», говоря Жене, что в будущем он станет ее учредителем. Сейчас же у Жени было ощущение, что он прочитал о банкротстве своей ООО в утреннем выпуске газеты «Коммерсантъ». Так и напишут в комментариях: судьба неумолимо прошла рейдерским захватом по подающей надежды компании, не оставив и камня на камне.

Следующие полгода у Жени было ощущение, будто его жизнь – это фильм «Тысячелетний человек» с Робинот Уильямсом, только включенный задом наперед. В главной роли он сам – Человек, в конце превращающийся в похотжего на консервную банку робота со скрипящими шарнирами. Играл настолько правдоподобно, что получилось снять с первого дубля.

Звонить деду не особо хотелось. Он постоянно все переспрашивал и никогда не мог ничего расслышать с первого раза.

Утром он занес ему бутылку хорошего коньяка.

Хорошим у пенсионеров считался коньяк дороже 500 рублей. Старое поколение, замечая пять звезд на этикетке, считает, что коньяк везли до его подъезда напрямиком из Армении.

Надев очки на кончик носа, тот вертел бутылку так, как будто она была из личного виноградника Хрущева.

Судя по выражению дедовского лица, с подарком он не прогадал.

– Кто ж тебе продал-то ее? – вертел он в руках бутылку, как будто пытался найти на этикетке пометку «безалкогольное».

Выпитую бутылку он, скорее всего, даже не выбросит — она украсит его сервант с прозрачными дверцами. Всеми пятью звездами к зрителю, разумеется. Ясно намекая, что владелец этой квартиры абы что не пьет. И к слову, это подарок любимого внука.

Дед всегда давал ему деньги. Он не устраивал тирад о том, что внук вырос бездарем и ему придется занимать денег даже на то, чтобы взять приличный костюм на дедовские похороны.

Звонок деду напоминал игру, негласные правила которой все уже выучили наизусть.

- Дед, привет! Как дела?
- Да потихоньку...
- Хоккей смотрел вчера?
- Да какой хоккей, я сплю уже в это время.
- Понятно... Это, дед, слушай, тут такое дело.
- Сколько?

Этими «Сколько?» заканчивался почти каждый его разговор с дедом. По другим поводам он звонил редко. О его дне рождения он помнил приблизительно. В его памяти оно проходило как «где-то в десятых числах сентября», о поздравлениях в профессиональный праздник «День металлурга» он, конечно, забывал.

Брать деньги в долг — абсолютно неблагородное занятие. Есть один большой минус. Не считая тот, что деньги надо отдавать, главный минус состоит в том, что с человеком, давшим в долг, уже не получится ни поспорить, ни поругаться. Высказать ему все в лицо, пока ты ему сколько-то торчишь, не представляется возможным. Приходится стоически дожи-

даться. А уже потом — можно не стесняться. Последние стеснения уйдут оттого, что брал ты деньги его, а отдаешь — самые настоящие свои. Самые вежливые и тактичные люди — это те, кто должен тебе денег. Они уже не звонят с праздными разговорами, чтобы убить время или чем-нибудь похвастаться.

Впрочем, эти неудобства обоюдные. Это хорошо чувствуется, когда звонящий друг-кредитор первым делом объясняет причину, по которой ему нужны обратно свои же деньги.

Опять наступил переходящий в ночь вечер, и опять Женя застал себя на балконе с сигаретой в зубах.

Он смотрел на небо, поверх крыш хаотично понатыканных серых высоток, уходящих вдаль.

Откуда-то издали приближался вал серых туч — пока что они виднелись где-то далеко, на горизонте, но ночной ливень был лишь вопросом времени.

Женя прислонился горячим лбом к холодному стеклу — оно приятно освежало, как и слегка сквозящий через приоткрытую щель окна ветерок — наверное, температура уже перебралась за 38.

Женя нервно кусал ногти, хотя волноваться было не о чем. Из зала доносился гул множества голосов. Он аккуратно приподнял край портьеры и выглянул — весь персонал был в сборе. Как и ожидалось, заведующая — в первом ряду. Макс наглаживает свою бороду, а Настя сидит в телефоне. Ну ничего. «Через какие-то несколько минут от вашего будничного спокойствия не будет и следа», — внутренне ликовал Женя. Откуда в операционной взялось столько стульев и кто их туда поставил, он не помнил. Да и какая разница — главное, что всем хватило.

Женя вышел. Гул затих. Посреди импровизированного зала стояли койки, накрытые сплошной длинной простыней. Женя размял руки и демонстративным жестом сдернул ее — та парусом взмыла в воздух, медленно оседая за его спиной, как будто была сделана из тончайшего шелка. На больничных койках лежали пациенты — некоторые из них действительно когда-то были у них в больнице, с образами остальных постаралось воображение.

Женя степенно прошел мимо каждой из коек, поочередно касаясь руки каждого из пациентов.

Закончив, он повернулся к изумленной публике.

Вернее, он думал, что она будет изумленной. К его удивлению, бурных оваций он не услышал. Десятки непонимающих лиц смотрели на него, изредка переглядываясь и перешептываясь друг с другом.

В поисках поддержки он умоляюще посмотрел на заведующую — но та, сложив руки на груди и плотно сжав губы, укорительно качала головой.

Он почувствовал неловкость и растерянность, как когда-то в детстве, когда он забыл строчку из стихотворения, которое учил полночи. Но только вместо хихикающих одноклассников и громким шепотом суфлирующей учительницы, сидящей на первом ряду, он видел холодные, а где-то возмущенные глаза коллег. На задних рядах стал подниматься легкий гул.

— Евгений, я буду вынуждена ставить вопрос о вашей профпригодности, — холодно отчеканила заведующая.

— Нооо... Полина Владимировна, — опешил Женя. От такой реакции ему стало даже немного смешно — как будто он занимался каким-то шарлатанством и привел их всех сюда, чтобы просто приколоться и поржать.

— Полина Владимировна, вы и сами посмотрите, — он рукой показал на лежащие фигуры.

Первая тревожная мысль, проскочившая у него, заключалась в том, что фигуры действительно были лежащими. Все они продолжали безмолвно лежать на койках в тех же положениях, в которых он их сюда прикатил.

Его прошиб холодный пот. По его задумке, они должны были поочередно встать, поначалу удивленно озираясь, а затем, широко улыбнувшись, махать руками в зал под бурные аплодисменты.

Женя подскочил к койке, с которой начинал, и наклонился над больным — но тут же отпрянул. Перед ним лежал труп мужчины со следами окоченения, который, судя по посмертным признакам, скончался не меньше двух недель назад.

Женя с ужасом перебежал от койки к койке — везде были мертвецы... Двое из лежащих были покрыты жировоском, у остальных уже были признаки разложения.

— Евгений Александрович, — слышал он сбоку угрожающий голос заведующей,

— Да подождите вы, — истерично взвизгнул Женя.

— Подобными поступками, — она сделала вид, что не услышала его тон, — вы ставите под вопрос не только вашу квалификацию...

Женя в исступлении подбежал к последней койке. На ней лежала Сашина мама. Женя застыл, подавившись воздухом...

— Но и мою квалификацию как руководителя, допустившего вас к работе, — чеканила слова заведующая.

Следующий кадр — Женя в морге, и вся публика здесь же, только без стульев.

Два санитаря безмолвно убирают трупы обратно в холодильные камеры — изредка бросая на Женю осуждающие взгляды.

Женя раздавлен и растерян.

— Но я... Но я.

– Подойдите ко мне в кабинет, Гурц, – развернувшись, холодно сказала заведующая. Женя услышал затихающее цоканье ее каблуков, поднимающихся по ступенькам морга.

Толпа позади превратилась почему-то в студентов-практикантов, которые, став свидетелями ссоры, не запланированной в их программе по знакомству с больницей, а оттого неожиданной, робко топтались на месте, ожидая продолжения экскурсии.

– Чего, блять, застыли?! – крикнул на них Женя. Ответом ему послужила тишина и потупленные взгляды. Не встретив никакого сопротивления, Жене стало стыдно за свою секундную слабость и резкий тон.

– Вы... Ребят, простите... Тут просто ошибка какая-то вышла, – слегка смущенно сказал он.

По коридору, ведущему в отделы морга, прокатился звук циркулярной пилы.

– Ребят, я на минутку, – с этими словами он рванул к кабинету, откуда доносился звук.

Распахнув дверь, он увидел перед собой картину, от которой тошнота подступила к горлу: его мама, окоченевшая, лежала на столе, уже раздетая, и один из патологоанатомов подносил ревушую и вращающуюся пилу к ее голове.

– Мужики, вы чего! – что есть мочи заорал он.

Пила почему-то редела так, будто они были не в морге, а на лесопилке.

– Вы ебнулись? – он с ужасом схватился за голову. – Мужики, вы че творите? Она же живая!

Несколько пар рук схватили его сзади и потащили к двери.

– Стойте! Проверьте! – он орал так, что от своего крика в ушах стоял звон.

– Она спит! Пульс! Проверьте пульс. Я ее спасти могу!

Но казалось, его никто не слышал. Он вырывался, но тщетно. Когда он вцепился пальцами в дверной косяк, несколько рук в белых рукавах бережно, но настойчиво разжали его пальцы.

Дверь с шумом захлопнулась.

Женя открыл глаза.

Все воспоминания через пару часов он тщательно пытался стереть несколькими стаканами коньяка с колодой.

«Непостоянство алкоголя в этих ситуациях заключается в том, — думал Женя, разглядывая бокал, — что он может приглушить гнетущие чувства, а может, наоборот, добавить тебе туда таких красок, что охренеешь».

На языке неприятно загорчил жженный фильтр — Женя не успевал замечать, как быстро прогорали сигареты — прямо как зажженные спички. Эти были какие-то новые — надпись на пачке хвастливо говорила о каких-то передовых технологиях фильтрации, которые делали курение их сигарет чуть ли не безвредным. То же самое, что писать на мышьяке «Не содержит ГМО и глютена», — подумал он. — Или «не содержит сахара» на цианистом калии».

Женя достал последнюю и закурил.

В высотке напротив активно шла ночная жизнь — в уличной темноте своими горящими окнами она напоминала большой панельный улей. В них то и дело появлялись и исчезали фигуры в трусах и халатах.

На некоторых балконах сигнальными огоньками загорались ярко-оранжевые огоньки сигарет.

Женя, держа сигарету в зубах, посмотрел на свои руки.

«Я уже даже не знаю, получится ли у меня снова кого-то спасти. Я слабею на глазах. Да хотя какая разница. Все рав-

но уже ничего не смогу исправить, — думал он. — Уже ничего».

Женя взял в руки тетрадь

Не быть мудаком!

— Нет, могу, — осекся он. — Я знаю как.

Женя вырвал страницы, скомкал и поднес к окурку. Бумажные листы долго не хотели загораться, корчась и тлея черным полукругом. Наконец, вспыхнул разгорающийся огонь.

Сигарета полетела с балкона — ее удаляющийся огонек на секунду ярко вспыхнул, ударившись об землю, и окончательно потух.

Глава 32

reunion [ˈriːj{u}:njən] – сущ. воссоединение, встреча

serenity [sɪˈrenɪtɪ] – безмятежность, умиротворение

sunrise [ˈsʌnraɪz] – сущ. заря, восход солнца

I guess, this word was the last one. So, my dear friend, it's time for us to say goodbye! Bot not for ever! :) I'm sure that we'll meet again. We have gone a long way already. Keep in mind: every step, even a small one, makes you better and smarter. If you keep your training, you won't even notice how fast you will master the English language. But for now... Farewell!

Женя в пятнадцатый раз проверил внутренний карман халата – все было на месте.

Сев за стол, он стал аккуратно раскладывать истории болезни по папкам.

– Жентос, спасибо огромное еще раз, – услышал он голос Макса. – Мне реально прям сегодня не вариант дежурить. Да еще и в последний день.

Женя улыбнулся.

– Должен будешь.

– Какие на лето планы? – поинтересовался оживившийся Макс.

Женя откинулся на кресле и заложил руки за голову.

– Выспаться. А там посмотрим.

– Тоже неплохо, – согласился Макс. – Если честно, я даже буду скучать по твоей утренней философии. Снова стану безнадежным оптимистом.

Настя смотрела в монитор. Женя пытался уловить изменения в ее настроении, связанные с окончанием его практики. Все-таки это означало, что их взаимным полуулыбкам и обменам взглядами придет конец.

Еще раз проверил внутренний карман. Рука нащупала несколько твердых стеклянных мензурок. Все на месте.

– Ты заполнил журнал? – Макс поднял голову.

– Да я еще в первую неделю скачал его, – ответил Женя. – Фамилию поменял, номер больницы, да еще пару мелочей.

– Я и не сомневался, – усмехнулся Макс. Его принтер утробно гудел, неторопливо выдавая напечатанные листы.

День тянулся очень долго. Женя убрал телефон в стол, чтобы не было желания смотреть на время.

Он решил пройтись по коридору. Почему-то в последний день практики он впервые испытывал к больнице чувства, которые с некоторой натяжкой можно было бы назвать теплыми. Нет, все те же старые окна, треснутые подоконники с желтушно-рыжими батареями под ними. И запах медикаментов, скапливаясь в коридоре, сливался в одно сплошное спиртовое амбре. Но все же было и много хорошего – взять хотя бы Настю. И приятный бонус – благодаря некоторым пациентам в запасе у Жени теперь было несколько историй, которыми можно было бы разбавить какое-нибудь застолье.

Часы в кабинете неохотно показали 17:00. Они никогда не изменяли себе.

Макс крепко пожал Жене руку.

– Давай, Женек, увидимся. Не прощаемся.

Макс. Безобидный и беззлобный. Жене даже хотелось его обнять, но он ограничился похлопыванием по плечу.

Настя улыбалась, застегивая куртку.

Виду не подает. Хотя это же женщины. Мастера маскировки. Могут разреваться на фильме или песне, зато без слез могут заявить, что больше тебя с ними ничего не связывает.

Дверь закрылась.

В палате воцарилась тишина. Отключенные компьютеры больше не надрывались забытыми кулерами и гудением системных блоков. Стол Макса непривычно пустовал без горы бумаг и листков с его пометками, выведенными крупным, размашистым почерком.

Женя лег на стоящую у стены каталку. Когда-то она вызывала у него плохо скрываемую брезгливость, и он только присаживался на самый ее край. А сейчас — вполне ничего, даже удобно. Ее полимерное покрытие приятно холодило шею.

Женя поднял глаза на часы. Полночь. Приглушенный стук секундной стрелки настенных часов. Пора.

Он зашел в туалет. Голова кружилась, ноги были ватные. Женя бросил взгляд в зеркало.

С осунувшимся лицом, впалыми щеками и кругами под глазами, в своем белом халате он был похож на плохого аниматора, играющего привидение на детском утреннике. Невыспавшееся и уставшее от детских криков приведение, неумело делающее вид, что не может никого поймать из визжащей детворы.

Женя зашел в кабинку, закрыл щеколду и встал на колени. Утренний кофе и две ложки макарон, которые он с трудом заставил себя съесть в обед, вышли из него сразу. Несколько

контрольных рвотных спазмов убедили организм, что желудок был пуст.

Женя сел, облокотившись на унитаз. Он чувствовал, как на лбу пульсировала проступившая вена. С нижней губы свисала липкая нитка слюны.

От напряжения в глазах стояли слезы.

Женя вышел из туалета и подошел к раковине. Умывшись холодной водой, он рвано выдернул несколько бумажных полотенец и вытер лицо, после чего вернулся в кабинку. Дело было не закончено.

Опустив сидуху, Женя закрыл шпингалет.

Запустив руку во внутренний карман халата, он вытащил шприц и несколько бутылков с серыми пробками.

Руки ходили ходуном так, будто его трясли за плечи. Бутылки, выпав из рук, уже было почти выкатились из кабинки, но Женя успел их остановить.

Поставив их перед собой, он взял одну и проткнул шприцом серую крышку.

Бесцветная жидкость поднималась вверх по шприцу. Когда уровень достиг второго деления, Женя аккуратно поставил бутылек на пол.

Женя знал, как действует морфин. На первом курсе он даже писал доклад о зависимостях, в том числе о «солдатской болезни», которой страдали немецкие солдаты, им злоупотребляющие.

Пытаясь совладать с дыханием, Женя закатал рукав халата. Кожа рук казалась мертвенно-бледной.

— Блять... — зажмурился Женя.

Сделав глубокий вдох, он аккуратно прицелился.

Резкая боль означала то, что игла не попала в вену.

Сжав зубы, Женя отдернул руку, прицелился еще раз.

Лоб покрылся холодной испариной. Тошнота подступала к горлу.

Женя глубоко вдохнул и выдохнул, прежде чем повторить. Во второй раз у него получилось.

Мягко надавливая на поршень, Женя смотрел, как прозрачная жидкость постепенно покидала пластиковый цилиндр.

Готово. Женя положил пустой шприц рядом с унитазом. В ушах стоял шум, будто где-то рядом дул сильный ветер.

Он встал. Ноги едва слушались. Щиколотку от напряжения свело судорогой.

Женя открыл щеколду и вышел.

Покидая туалет, он старался не смотреть на свое отражение — запоминать себя таким — худым, побледневшим и с паникой в глазах — ему совсем не хотелось. А еще он боялся пожалеть себя и передумать.

Женя подошел к лифту.

Он знал, куда ему надо.

Треснувшая от времени и бесчисленных торопливых нажатий кнопка лифта, через которую проглядывал светодиод, загорелась тусклым светом после нажатия.

Лифт натужно загудел. В тишине больницы звук казался оглушительным.

Женя чувствовал, что морфин начинает действовать. По всему телу распространилось приятное тепло, шум в ушах прошел вместе с паникой и бешеным сердцебиением. От него остался лишь легкий и приятный трепет. Запахнув халат, который на ощупь стал казаться шелковым, с рассеянной улыбкой Женя смотрел на желтый огонек кнопки.

Двери с лязгом открылись.

Женя вошел. Свет, казалось, выжигал глаза — настолько он казался ярким. Хотелось обратно, в густую и обволакивающую темноту.

Прищурившись и нажав цифру 8, Женя облокотился на поручень и достал из кармана наушники. Они смотались в один сплошной ком, но морфий превратил это неудобство в игру – внимательно разглядывая места сплетения, Женя увлеченно распутывал узлы. Предвкушающая улыбка застыла на его лице – как у ребенка, развязывающего ленту на долгожданном подарке.

Двери лифта открылись. Не поднимая глаз и продолжая распутывать наушники, Женя вышел.

Он подошел к подоконнику. На секунду он забыл, зачем он пришел сюда, но проморгавшись, пришел в себя.

Морфин уже подействовал полностью – во всяком случае, то, что собирался сделать Женя, уже не казалось ему таким пугающим.

Вставив наушники в уши, Женя подключил их к телефону.

Открыл плей-лист.

Adele – Hello

...Hello. Its me. Женя закрыл глаза. Песня, которую он слышал много раз, казалось, звучала совсем по-другому. Как будто только сейчас он услышал ее по-настоящему.

– *Hello from the outside.* На секунду ему показалось, что музыка играет не в наушниках, а в больнице. Громко, но не оглушающе, отражаясь от коридорных стен и проникая в каждый уголок. Он отчетливо слышал фоновые отголоски хора. Слышал звучание каждой струны, каждую клавишу пианино.

Жене очень хотелось подпеть, стать частью происходящего. Но взять высокие ноты у него не получалось, поэтому он беззвучно шевелил губами в такт, боясь сфальшивить и испортить идиллическую красоту.

По щекам побежали слезы эйфории.

...At least I have – проносилось по всей больнице.

Женя был уверен, что он никогда не слышал ничего прекраснее. Ему казалось, что он находится посреди огромного органного зала, куда его постоянно водили в детстве.

Казалось, что песня посвящена ему. Ему, стоящему в темном углу с бледным и осунувшимся лицом.

Открыв глаза, Женя сделал глубокий вдох. На лице застыла блаженная улыбка. Он был готов.

В палате стояла тишина. Беззвучно прикрыв дверь, Женя снял туфли, чтобы не издавать шума при ходьбе. Он бесшумно подошел к первой койке и аккуратно заглянул в лицо спящей. Женщина мерно и даже несколько умиротворенно сопела, лежа на спине. Женя аккуратно взял ее за руку. Рука казалась теплой, чуть шершавой и очень приятной на ощупь. Ее не хотелось отпускать, хотелось гладить и перебирать пальцы. Наверное, сказывалась морфийная эйфория. Он даже хотел, чтобы женщина проснулась – он бы ее успокоил и уверил бы ее, что она в безопасности. Но поддаваться порыву было нельзя.

Женя бережно положил ее руку на одеяло и подошел к следующей койке.

Девушка с обесцвеченными бровями и мышиного цвета волосами.

Ее тонкие, будто мальчишечьи запястья были увиты фенечками и браслетами.

Пожилая женщина с немолодым, но ухоженным лицом. На изголовье тумбочки – садоводческие журналы.

Женя прислушался к своим ощущениям. Сердце учащенно билось, ладони вспотели. В остальном же ощущалась легкость и приятная нега.

Взяв туфли, он аккуратно вышел из палаты.

Вторая дверь отозвалась скрипом, заминая выбившийся из-под нее линолеум.

Мужчина с усами, похожий на циркового атлета из цирка 40-х годов. Его большая ладонь с широко расставленными пальцами лежала на груди, вторая рука была заправлена куда-то под подушку. Женя аккуратно взял его за ладонь — получилось обхватить только большой, указательный и средний пальцы.

Досчитав до 10, Женя двинулся к следующей койке.

Коренастый молодой парень с короткой стрижкой, судя по ломаным ушам — занимался или занимается борьбой. Спортивная куртка Bosco небрежно висела на стуле, почти сползая на пол.

Женя аккуратно смотрел под ноги, боясь споткнуться.

Лоснящийся светловолосый мужчина в халате. Узкие, слегка недовольно поджатые губы — наверное, засыпая, жаловался на неудобства больницы. Бордовый халат придавал его виду аристократичность.

Храпящий лысый мужчина с пухлыми губами и покатым лбом. Одеядло скаталось где-то в районе колен. Тумбочка усеяна целлофановыми пакетами.

Убедившись, что он не забыл ни про кого, Женя бесшумно прикрыл за собой дверь. Опираясь рукой о стену, он небрежно надевал ботинки, стаптывая задники.

Женя прошел по тускло освещенному коридору и, подойдя к двери, дернул за ручку.

Дверь с пожелтевшей табличкой «Реанимация», скрипя, тяжело закрылась за Жениной спиной, будто не хотела пускать человека, пришедшего на своих двоих.

Войдя, Женя окинул глазами палату. Пахло лекарствами, спиртом и смертью. Жене казалось, что он научился улавливать ее запах — стойкий и всепроникающий.

Он развернул вырванный из журнала лист.

Перелом костей основания черепа.

Внутричерепные гематомы.

Сотрясение спинного мозга.

Мн. переломы ребер с повреждением легкого.

Судя по всему, почерк Настин.

Женя подошел к первой койке и приподнял покрывало. На ней лежала женщина лет 35, может 40 — в таком состоянии, как у нее, определить возраст становится трудно. Ее можно было даже принять за спящую, но ее выдавали неестественность лица, впалые щеки и узкие бледные полоски сжатых губ.

Женя аккуратно, будто боясь разбудить, указательным и большим пальцем приподнял накрывающую ее простыню.

Ее руки были сложены замком. Женя аккуратно взял ее за ладонь.

1, 2, 3, 4, 5... – считал он про себя.

Досчитав до 10, он аккуратно положил руку вдоль тела и накрыл женщину простыней.

На второй койке, уже без покрывала, лежал коренастый пожилой мужчина со строгими чертами лица. В отличие от женщины, он был укутан проводами и трубками. Интубационная трубка аппарата ИВЛ торчала изо рта, напоминая отвратительную соломинку для коктейлей. Почему-то не хотелось его разбудить, хотя учитывая его состояние, это было невозможно.

Из-под покрывала торчали босые ноги. Жене вспомнился проход в плацкартном вагоне – там тоже длины покрывал и полки хватало как раз до ступни, и возвращаясь от туалета до своего места, ему приходилось прижиматься к окнам, чтобы не быть задетым чьей-нибудь пяткой.

Разрыв жел-ка.

Перетонит?

Ушиб легкого и сердца.

??

Судя по неуверенной интонации записки и размашистому почерку, писал Макс.

Женя подошел к лежащему мужчине и аккуратно сжал его морщинистую ладонь.

...At least I can say that I've tried

...7, 8, 9, 10.

Ему показалось, что земля уходит из-под ног. В глазах зачернели мушки, лицо обдало огнем.

Третья койка. Молодой парень. Школьник. Большую часть лица не видно из-за бинтов. Над верхней губой чернели прогибающиеся усики. Наверно, класс девятый или десятый. Хотя на вид скорее седьмой.

*Контузионный очаг в обеих лобных долях.
Повреждение затылочной и теменной доли.
Кровотечение брюшной полости.*

Опять Настя. Вот сразу видно профессионала. Все четко и по полочкам.

Женя аккуратно взял его за ладонь — чуть пухлую и с обкусанными ногтями. Предплечье до самого локтя было испещрено ватками, обмотанными марлей. Сколько же ему сделали инъекций?

Низко гудел аппарат НДА. Этот был какой-то немецкий, почти бесшумный.

— ...8, 9, 10, — шепотом проговаривал он.
Он почувствовал, как сердцебиение участилось.

...To tell you I'm sorry, for everything that I've done

Женины ноги подкосились. Разжав ладонь, он рухнул рядом с кушеткой. По телу пробежала волна судорог. С трудом он перевернулся на четвереньки. Глядя на пол под собой, ему казалось, что он стремительно от него удаляется. Тело скрутили рвотные рефлексы. Наушники, выпав из ушей, тихо шумели на полу.

Закрыв глаза, Женя сделал три глубоких вдоха.

– Надо успокоиться... Надо... надо успокоиться... Надо, – повторял он.

В кармане халата он нащупал упаковку трамадола. С большими усилиями он выдавил три пятидесятимиллиграммовые таблетки. Проглотить не получалось – таблетки прилипали к сухому языку и застревали в горле. Женя с хрустом их раскусил – из-за онемевшего неба он почти не чувствовал горечи.

Ногой он пододвинул к себе наушники. Вставил в уши. Эйфория ушла, и казавшийся волшебным полчаса назад, сейчас голос Адель резко отдавался в барабанных перепонках, заставив Женю поморщиться и убрать наушники в карман. Голову будто сдавливали пневматическим прессом.

– Надо вставать. Давай, соберись, – сказал он себе.

С трудом поднявшись на ноги, он подошел к двери.

Напоследок он обернулся и окинул взглядом палату.

Три фигуры все так же неподвижно лежали на своих койках, Женя глубоко вдохнул воздух.

Смертью больше не пахло.

Дернув дверную ручку, Женя застыл – боковым зрением он заметил стоящего в палате человека.

Совсем еще молодой парень в белом халате. Он испуганно смотрел на Женю. Женя удивленно моргал, пытаясь понять, как он его не заметил раньше. Оба они, переминаясь с ноги на ногу, не решались заговорить. Сутулый и с красными глазами, рассеянно глядящий в пол, парень был похож на потерявшегося ребенка, готового вот-вот зареветь. Спутанные кудри торчали во все стороны.

Желая разрядить обстановку, Женя широко улыбнулся — хотя скорее его улыбка походила на гримасу — и сделал шаг вперед.

В ответ парень облегченно улыбнулся и шагнул навстречу с видом, будто он и сам хотел сделать первый шаг, но, не будучи уверенным во взаимности, только и ждал каких-то признаков дружелюбия.

— Евгений, — улыбаясь, Женя протянул руку. — Можно Женя.

Парень, улыбаясь, протянул руку в ответ.

— А что ты здесь?.. — не успел спросить Женя, как вытянутая для приветствия рука со звоном уперлась в стекло.

Женя вздрогнул. Парень напротив тоже опешил. Протянутая рука дрожала. Через несколько секунд на лице парня появилась гримаса ужаса. Он отпрянул.

Следом отшатнулся и Женя.

Пыльное зеркало звенело, чуть покачиваясь.

Женя с каким-то непонятным ему чувством смотрел на свое отражение. Тщедушный парнишка со слегка оттопыренными ушами. На щеках краснели созвездия прыщей.

Женя выходил из палаты. Он очень хотел пить.

А еще хотелось кофе. Не обжигающего, а теплого. Теплого и только что помолотого. Зернового кофе. Чуть крепче обычного. Такого, как он делал дома на кухне. Прищурившись, Женя увидел силуэт кофейного аппарата в конце коридора.

Старательно глядя под ноги и контролируя каждый шаг, Женя шел по коридору. «Поднимаю ногу, ставлю», — шепотом он отмерял свои действия. Он походил на космонавта, который, борясь с гравитацией, шел по поверхности Луны.

«Возьму капучино, — думал он. — Да, с молоком. Стаканчики маленькие, так что возьму два сразу. Даже с сахаром возьму».

В поисках мелочи Женя запустил руку в карман — пальцы не слушались и были как будто из пластилина.

Кофейный аппарат был уже совсем рядом. Жене казалось, что он уже ощущает теплый, обволакивающий кофейный запах.

«Выпью кофе, — успокаивающе говорил он себе, обеими руками доставая из узкого кармана пригоршню купюр с монетами. — Два стаканчика... А... Потом... Позвоню».

Падая, Женя смотрел, как выпавшие из разжатой ладони монетки, переливаясь и звеня, катятся во все стороны. Прямо как из разбитой копилки, которую нетерпеливый ребенок разбил уже на третий день. Одна из них, докатившись до лестничного пролета, весело запрыгала вниз по ступенькам.

Женя не пытался встать — он знал, что не получится.

Ему не было больно, хотя падая, он сильно ударился лицом о холодный больничный кафель. Уголками глаз он смотрел на торопливо образующую под щекой лужицу крови, стекающую из разбитого носа.

Лежа вниз лицом на грязном и пахнущем хлоркой полу, как брошенная гуттаперчевая кукла, он чувствовал себя в самом комфортном месте, которое вообще мог бы себе представить. Ему казалось, что теплые руки бережно обволакивают его в шелковые простыни. Начав с ног, они медленно поднимались все выше и выше — и вот уже дошли до плеч. Он старался не дышать и не шевелиться, чтобы не помешать им каким-нибудь неуместным судорожным движением.

Монетка закончила свой путь по ступенькам и, покрутившись на ребре, затихла где-то внизу. Стояла тишина.

«Прости, дед. Этим летом я снова не заговорю по-английски. Но следующим — обещаю».

Женя улыбнулся и закрыл глаза. Он был счастлив. Да и кофе уже расхотелось.

Саша посмотрела на часы — без пятнадцати восемь. Она с надеждой схватила лежащий на тумбочке телефон. Кроме рекламы кредитной карты, пришедшей почему-то так рано в выходной, сообщений и звонков не было.

Долгие десять гудков.

— Пожалуйста, позвоните позже. Абонент не отвечает.

Положив телефон обратно на тумбочку, Саша взяла лежащего в ногах кота и крепко прижала к себе.

Держа его на груди, она одной рукой раскрыла шторы и босиком вышла на балкон.

Свежий воздух приятно обдал голые плечи. Екатеринбург уже жил утренней суетой — всюду сигналили машины, хлопали двери подъездов. От вчерашнего дождя, казалось, не осталось и следа, кроме нескольких луж, высыхающих на тротуаре.

Задумчиво покачивая кота на руках, Саша смотрела вдаль. Солнце, уже успевшее подняться на удивление высоко, погнало остатки сна у спящих внизу людей.

В город наконец пришел первый теплый день.

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	35
Глава 4	46
Глава 5	57
Глава 6	65
Глава 7	77
Глава 8	82
Глава 9	99
Глава 10	111
Глава 11	120
Глава 12	143
Глава 13	158
Глава 14	169
Глава 15	179
Глава 16	188
Глава 17	198
Глава 18	212
Глава 19	222
Глава 20	233
Глава 21	238
Глава 22	255
Глава 23	266
Глава 24	285
Глава 25	300
Глава 26	312
Глава 27	317
Глава 28	329
Глава 29	336

Глава 30	342
Глава 31	348
Глава 32	361

Тарас Шира

Хоупфул

Корректор Валентина Корионова

СЛОВО ДНЯ:

**Но'реful (прил.)-многообещающий,
обнадеживающий**

ISBN 978-5-4496-4347-6

9 785449 643476 >

Внимание!
Книга содержит
нецензурную
б р а н ь